

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

137

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

137

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1973

I. СТАТЬИ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ, Н. Н. ГУРИНА

ИЗУЧЕНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА, НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

В настоящей статье кратко освещаются работы по каменному веку в Советском Союзе главным образом за последнее десятилетие. Наша задача облегчается тем, что в сравнительно недавнее время появился ряд обзоров достижений советских исследователей палеолита и неолита¹. Мы имеем возможность отправляться от этих обзоров, не повторяя их.

Проводящиеся из года в год во всех концах нашей страны археологические разведки и раскопки способствуют систематической ликвидации белых пятен на картах палеолита и неолита СССР. В этом плане большое принципиальное значение имеет открытие следов древнего пребывания человека на Крайнем Севере нашей страны. Так, за последние годы обнаружен ряд палеолитических местонахождений в бассейне Печоры² и хорошо датированные позднепалеолитические находки в бассейне Алдана, Индигирки и Колымы (Якутская АССР)³, смыкающиеся в свою очередь с хорошо датированным поздним палеолитом Камчатки⁴. В результате новых открытий можно также считать установленным существование древнего палеолита на Дальнем Востоке (бассейн Амура и Зей)⁵. Еще более многочисленными в Арктике и на Дальнем Востоке — Колыском полуострове, Таймыре, Якутии — оказались мезолитические и неолитические памятники⁶. Ряд разновременных поселений каменного века обнаружен в Туве⁷. Древний палеолит, первоначально установленный только на юге Казахстана, теперь известен в разных районах этой рес-

¹ А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, В. П. Любин, Е. А. Векилова и др. Достижения археологической науки в РСФСР, СА, 1967, № 3; Обзоры по союзным республикам. СА, 1967, № 3, 4; П. И. Борисковский, Н. Н. Гурина. Изучение каменного века в Советском Союзе. «Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР, посвященной 50-летию ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР». Л., 1969, и др.

² Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец. Палеолитические стоянки на Печоре. «Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы». М., 1965; Е. М. Тимофеев. Усть-Кудомская мустьерская стоянка на Вычегде, СА, 1968, № 3.

³ Ю. А. Мочанов. Дюктайская пещера — новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии. «По следам древних культур Якутии». Якутск, 1970; он же. Новые данные о Берингоморском пути заселения Америки. СЭ, 1972, № 2.

⁴ Н. Н. Диков. Верхний палеолит Камчатки. СА, 1969, № 3.

⁵ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Палеолит Амура. ИСОАН, т. 1, вып. 1, 1969.

⁶ «По следам древних культур Якутии».

⁷ С. Н. Астахов. Работы палеолитического отряда Саяно-Тувинской экспедиции. «Археологические открытия 1971 г.», М., 1972.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, О. С. Гадзюккая (ответственный секретарь), Н. Н. Гурина,
И. Т. Круликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарева, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

1778287

публики⁸. Выразительные позднепалеолитические поселения исследованы в Закарпатье⁹. Но речь идет не только о фиксации палеолитических и неолитических памятников в обширных районах, где они не были известны или же были недостоверны и плохо изучены. В ряде районов обнаружены и исследованы памятники совершенно нового типа, ранее там отсутствовавшего. Так, в Армении, палеолит которой до недавнего времени был представлен только подъемным материалом, впервые открыта и раскопана палеолитическая пещера с неповрежденными культурными слоями, содержащими кроме каменных орудий фаунистические остатки¹⁰. В Белоруссии раскопана большая группа весьма выразительных неолитических кремнедобывающих шахт¹¹, единственных в своем роде для всей территории СССР. Исследованные за последние годы торфяниковые стоянки эпохи мезолита и неолита в Прибалтике и на Северо-Востоке европейской части СССР¹² раскрыли с небывалой доселе полнотой формы хозяйственной деятельности и уровень культуры древнего населения столь отдаленных эпох. Впервые стратиграфически установлена связь знаменитых петроглифов Карелии с определенными неолитическими культурными слоями¹³. Обнаружены первые петроглифы и на Чукотке¹⁴.

Эти и многие другие открытия, сделанные в поле, позволяют поставить на твердую почву вопрос о времени первого заселения человеком многих районов нашей страны и о путях дальнейшего расселения в эпоху палеолита и неолита. Материалы нижних культурных слоев трех кавказских пещер—Кударо I, Цонской и Аыхской—бесспорно свидетельствуют о том, что Кавказ был заселен группами обладавших огнем древнепалеолитических охотников среднеашельского времени уже в лихвинское (миндель-рисское) межледниковье¹⁵. Вероятно, к этому же, а быть может, и к более древнему времени, к среднему ашелю и древнему ашелю (аббевиллю, шеллю), относятся большие группы весьма примитивных каменных изделий—чопперов, чоппингов, оббитых галек, рубил, отщепов и нуклеусов, обнаруженные в Южном и Центральном Казахстане, в некоторых пунктах Средней Азии, юга Украины, Приазовья, Кубани и Дальнего Востока; но геологический возраст этой группы памятников недостаточно твердо установлен.

Во всяком случае бесспорно, что Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, Приуралье были заселены людьми уже на весьма ранних ступенях древнего палеолита.

Мустьерские стоянки и пещеры распространены на территории СССР гораздо шире и встречены в ряде районов. Необходимо назвать такие местонахождения, как Хотылево близ Брянска¹⁶, а особенно Крутую

⁸ Х. А. Алпысбаев. Некоторые вопросы изучения памятников каменного века в Казахстане. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970.

⁹ В. Н. Гладиллин, С. В. Смирнов. Закарпатская палеолитическая экспедиция. «Археологические открытия 1971 г.».

¹⁰ Б. Г. Ерицян, С. А. Семенов. Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван». КСИА, вып. 126, 1971.

¹¹ Н. Н. Гурина. Исследование древних шахт по добыче кремня в Белоруссии. КСИА, вып. 106, 1966; она же. К вопросу о методике исследования шахт по добыче кремня в Белоруссии. КСИА, вып. 117, 1969.

¹² Р. К. Рилмантене. Палеолит и мезолит Ливонии. Вильнюс, 1971; Л. В. Ванкина. Торфяниковая стоянка Сарпате. Рига, 1970; Г. М. Буров. Древний Синдор. М., 1967.

¹³ Ю. А. Савватеев. Залавруга, ч. I. Петроглифы. Л., 1970.

¹⁴ Н. Н. Диков. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтмели. М., 1971.

¹⁵ В. П. Лобин. Нижний палеолит. МИА, № 166, 1970.

¹⁶ Ф. М. Заверняев. Нижнепалеолитическое местонахождение у с. Хотылево на Десне. МИА, № 173, 1971; М. Н. Грищенко. К геологии Хотылевского нижнепалеолитического местонахождения. Там же.

Гору на р. Печоре недалеко от Полярного Круга. Материалы последней свидетельствуют о том, что даже столь северные территории, как республика Коми, были заселены неандертальцами мустьерской эпохи¹⁷. Еще шире распространены позднепалеолитические поселения.

Процесс расселения продолжался в мезолите и неолите. В неолитическую эпоху прочно осваивается людьми все пространство Советского Союза от Черного моря до Северного Ледовитого океана и от Балтики до Тихого океана. Наиболее благоприятные для жизни места оказываются особенно густозаселенными. Поселения располагаются значительными группами, содержат мощный культурный слой—свидетельство перехода к оседлому образу жизни. Во многих случаях удается установить пути первых насельников в те или иные северные районы. Так, первичное заселение Кольского полуострова происходило с юго-запада через Норвегию и с юга через Карелию, первичное заселение Таймыра—из бассейна Лены и из таежных районов Енисея¹⁸.

Характерной особенностью исследований палеолита и неолита за последнее десятилетие является все более широкое внедрение в них методов точных наук и в первую очередь—радиоуглеродного. В начале 60-х годов наша археология в этом отношении существенно отставала от развития этой науки в ряде зарубежных стран. Но за последние годы в результате успешной работы радиоуглеродных лабораторий Геологического института, Ленинградского отделения Института археологии и других исследовательских центров этот разрыв значительно уменьшился¹⁹. Для большого числа палеолитических и неолитических стоянок СССР и их групп имеются целые серии проверенных радиоуглеродных дат, благодаря чему изучение каменного века СССР становится на все более твердую почву.

Материалы радиоуглеродного анализа, позволяя, в частности, определить датировку отдельных неолитических поселений, свидетельствуют вместе с тем о правильности в общем типологического метода, применяемого археологами.

Широко развернулись за последнее десятилетие петрографические исследования древних каменных орудий, позволившие уточнить и частично разрешить ряд вопросов истории первобытной техники, первобытного обмена, племенных передвижений²⁰. Большая работа ведется по развитию и усовершенствованию методов классификации и описания каменных орудий и вообще технических приемов, по внедрению математики в эти методы²¹. Но такая работа, по сути дела, только начата. Детальная разработка современной типологии каменных орудий и их терминологии, дальнейшее существенное усовершенствование методов описания и классификации каменных изделий являются одними из важнейших задач, стоящих перед советскими исследователями.

¹⁷ О. Н. Бадер. Древнейшее заселение Северной Европы человеком в свете новых данных. КСИА, вып. 126, 1971.

¹⁸ Н. Н. Гурина, А. П. Хлобыстин. Исследования Института археологии в Арктике. «Краткие тезисы докладов к пленуму, посвященному итогам археологических исследований 1971 г.» Л., 1972.

¹⁹ В. В. Чердынцев. Абсолютная геохронология палеолита. МИА, № 173, 1971; А. А. Семенов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов. Радиоуглеродные даты лаборатория ЛОИА. СА, 1969, № 1; «Радиоуглеродные даты, полученные в лабораториях СССР». БКИЧП, № 36, 1969; № 38, 1972.

²⁰ В. Ф. Петрунь. К петрографической характеристике материала каменных орудий палеолита. МИА, № 173, 1971; Г. М. Ковнушко. О распространенности кремня на территории европейской части СССР. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963.

²¹ Р. Х. Сулейманов, Т. М. Мирсаатов. О показателе $1/m$ как критерии отличия нижнепалеолитической техники расщепления кремня от верхнепалеолитической. ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969; Н. К. Анисюткин. Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов. АС, вып. 10, 1968.

Оценка выработанной советскими археологами и оказавшей большое влияние на мировую науку о палеолите новой методики раскопок палеолитических поселений, творческое применение которой способствовало установлению существования оседлости и долговременных общинных жилищ сначала в позднем палеолите, а затем и в мустьерскую эпоху, дана во многих работах²². Эта методика продолжала успешно развиваться. Из последних наиболее эффективных открытий жилых сооружений назовем превосходно сохранившиеся остатки жилищ, воздвигнутых из огромного числа костей мамонтов в Аносовке II в Костенках²³ и в Межиричах недалеко от Канева²⁴. Исследование неолитических поселений широкими площадями также позволило вскрыть целые группы жилищ и выявить резко выраженные особенности их конструкции²⁵. В ряде случаев они были вызваны географическими и хозяйственными причинами (например, глинобитные дома южной зоны и полужемляночные и срубные жилища северных областей), но иногда носили этнографический характер.

Одной из важнейших задач, стоящих перед советскими исследователями каменного века, является изучение культур и этнокультурных групп эпохи палеолита и неолита, их возникновения, развития, взаимных связей. Раскопки стоянок и могильников каменного века доставили и продолжают доставлять немалый палеоантропологический материал, свидетельствующий о большом разнообразии первобытного населения нашей страны.

Костные остатки принадлежат не только представителям разных стадий развития физического типа ископаемого человека, но и разных расовых типов, разных племен и племенных групп²⁶.

Изучение палеоантропологических остатков позволило выяснить ряд вопросов, касающихся расовых типов, существовавших на территории Русской равнины в позднем палеолите. Особенно же важным палеоантропологические материалы для характеристики расселения, передвижений и взаимных влияний мезолитических и неолитических племен и этнокультурных групп.

Еще в большей мере, чем палеоантропологические материалы, о многообразии, неоднородности населения нашей страны в каменном веке свидетельствуют, как показали исследования последнего десятилетия, собственно археологические материалы. Стало ясным, что уже древний палеолит на территории СССР неоднороден, включает ряд археологических культур, различающихся между собой каменными орудиями и техническими приемами. Такие сосуществующие археологические культуры отмечены в древнем палеолите Кавказа, Украины, Средней Азии²⁷. В позд-

²² А. Н. Розачев. Раскопки палеолитических стоянок и погребений. «Изв. на Болгарский археологический институт», кн. XXII, София, 1959; он же. Палеолитические жилища и поселения. МИА, № 166, 1970; П. И. Борисковский. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе. СА, 1958, № 1.

²³ А. Н. Розачев. Об аносовско-межинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине. КСИА, вып. 92, 1962.

²⁴ И. Г. Подолличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.

²⁵ А. В. Ванкина. Указ. соч.; В. М. Массон. Неолит Средней Азии. МИА, № 166, 1970; Е. К. Черныш. Неолит Северного Причерноморья. Там же; О. Н. Бадер. Уральский неолит. Там же; А. П. Окладников. Неолит Сибири и Дальнего Востока. Там же.

²⁶ В. П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.

²⁷ В. П. Любин. Мустьерская эпоха на Кавказе. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР». Тбилиси, 1971; В. М. Гладыш. Про технику лова в мустье Русской равнины та Криму. «Археология», т. 22, Київ, 1969; Н. Д. Праслов. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968; В. А. Ранов. О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии. ИООНАНТ, № 3 (53), 1969.

нем палеолите, как это было доказано еще в середине 50-х годов²⁸, разнообразные культуры выступают с большей отчетливостью. Можно говорить о ряде сосуществовавших и развивавшихся позднепалеолитических культур берегов Днестра, Дона, Енисея, Ангары, разных частей Кавказа, вероятно связанных с различными этническими группами²⁹.

Дальнейшее развитие процесса выделения культур и этнокультурных групп наблюдается в неолите СССР. Рост народонаселения, обусловленный более высокой степенью развития производительных сил, вызывал в поздний период неолита процесс сегментации племен, их передвижения на занятые уже территории, смешение населения, сложение новых локальных культур со своеобразными этнографическими чертами. Они послужили основой для формирования различных этнических групп. Исследования, проведенные за последнее десятилетие, в значительной степени подытожены большим коллективным трудом «Этнокультурные общности эпохи неолита», объединившим многих советских исследователей. Удалось не только выявить своеобразные неолитические культуры в ряде больших областей страны, ранее вовсе не изученных, но и приблизиться к пониманию их взаимоотношений. Все это сделало возможным составление основ общей этнокультурной карты неолитической эпохи³⁰.

Разработка этнических проблем неолита связывалась исследователями с проблемой формирования современных народов. Хотя и не существует еще единого мнения по данному вопросу, все же имевшие место дискуссии явились началом пути к познанию истины. Успешному решению этой чрезвычайно важной проблемы должна способствовать выработка общих исходных позиций в понимании археологических культур неолита, этнических общностей и этногенетического процесса в целом.

С вопросом о культурах связан вопрос о критериях их выделения и шире — о происхождении и значении различий между археологическими памятниками каменного века. Бесспорно, что в пределах древнего и позднего палеолита, мезолита, неолита ряд особенностей техники раскалывания и обработки камня, формы каменных и костяных орудий, керамики, а также орнаментации объясняются хронологически, характеризуют определенный этап развития и, следовательно, имеют датирующее значение. Столь же бесспорно, что ряд особенностей палеолитических и неолитических комплексов обусловлен окружающей средой и формами хозяйственной деятельности; разумеется, последние в свою очередь нередко были связаны с характером природного окружения. Однако некоторые черты археологических комплексов, как теперь доказано не только для неолита, но также для позднего и даже для древнего палеолита, не были связаны ни со временем их жизни, ни с природным окружением, ни со своеобразными формами хозяйства. Это были специфические, передававшиеся по на-

²⁸ А. Н. Розачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957.

²⁹ А. Н. Розачев. Многослойные стоянки...; Г. П. Григорьев. Верхний палеолит. «Каменный век на территории СССР» М., 1970; Г. Шовкопляс. До питания про характер розвитку культури познього палеоліту. «Археологія», т. 22, Київ, 1969; Д. М. Гушабрамишвили. Верхнепалеолитический инвентарь из пещеры Дзудуана и его особенности. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР»; Н. Э. Бердзенишвили, А. Н. Каландадзе. Итоги исследований в 1970 г. в СССР. «Тезисы докладов сессии и пленарных заседаний». Тбилиси, 1971; Н. О. Бадер. Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока. АСНС; А. П. Окладников. Сибирь в древнекаменном веке. «История Сибири», т. I. «Древняя Сибирь». Л., 1968; Э. А. Абрамова. Новые данные по палеолиту Енисея. МИА, № 173, 1971.

³⁰ «Этнокультурные общности эпохи неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР». Л., 1973.

следству на протяжении многих поколений этнографические особенности отдельных культур и этнокультурных групп. Изучение критериев выделения палеолитических и неолитических культур, их соотношения с хронологическими и экологическими критериями является одной из важнейших задач.

Решение этногенетических проблем нельзя осуществить без разработки хронологии и периодизации палеолита и неолита СССР, как обобщенной, так и по отдельным крупным и более мелким регионам. Выполнение этой задачи существенно облегчают успешные работы в области радиоуглеродных датировок. В настоящее время мы располагаем значительным числом удачных разработок периодизации палеолита и неолита СССР по сравнительно ограниченному региону³¹. Но построение общей, в достаточной степени общепризнанной периодизации палеолита и неолита больших частей СССР, скажем Русской равнины, Кавказа, Сибири, — дело будущего. Старые общие периодизации разрушены, но полноценная замена им еще не создана.

Советская археология каменного века всегда и в особенности в последнее десятилетие уделяла пристальное внимание первобытной технике. Успешно развивался выработанный советскими учеными трасологический метод — исследование функций первобытных каменных и костяных орудий по следам сработанности, сохранившимся на их поверхности³². Последние годы эти работы широко дополняются экспериментальными, проводимыми в поле специальной Опытной экспедицией Института археологии АН СССР³³, а также в меньших масштабах и некоторыми другими археологическими экспедициями. Экспериментальные исследования первобытной техники (массовые опыты в полевых условиях по обработке камня и кости первобытными техническими приемами, по изготовлению каменных и костяных орудий палеолитических и неолитических типов и по выполнению различных работ с помощью изготовленных таким путем орудий) охватили наряду с проблемой древнепалеолитической индустрии проблему происхождения земледелия и его начальных форм³⁴. Мы полагаем, что они представляют собой наиболее удачную и перспективную форму научного моделирования в изучении каменного века. Можно констатировать, что в области экспериментальных, особенно трасологических, исследований техники палеолита и неолита советская наука занимает ведущее положение среди зарубежных археологических школ.

Вместе с тем было бы ошибочно противопоставлять трасологию типологии каменных орудий или отрывать одну от другой. Такого отрыва никогда и не было. Даже в период наибольшего распространения в советской археологической науке схематизма, в 30-е и 40-е годы XX в., исследователи палеолита и неолита очень тщательно изучали формы и технику изготовления каменных и костяных орудий, формы керамики и ее орнамент³⁵. Но все же иногда недостаточное внимание уделялось отдель-

ным деталям, частным особенностям локального или хронологического характера. Эти недостатки были затем успешно преодолены. За последнее десятилетие советские исследователи, используя лучшие достижения зарубежной науки, значительно продвинули вперед изучение палеолитической техники и палеолитических комплексов каменных орудий. Успешно разрабатываются проблемы галечных орудий, зубчатого мустье, тейяка, леваллуа, разных особенностей техники раскалывания кремня, разновидностей отщепов, пластин и нуклеусов³⁶. В области разработки неолитической техники большое значение имело изучение процессов добычи каменного сырья и первичной его обработки. Речь идет о кремнедобывающих шахтах Белоруссии, о штольнях Среднего Поднестровья, об открытых выработках в Средней Азии и о производственных мастерских Верхнего и Среднего Поволжья, Урала и других территорий³⁷. Материалы этих памятников указывают на появление новых приемов обработки камня, вовлечение в производство новых, доселе не использовавшихся пород, на наличие в эпоху неолита общественного разделения труда — выделение специализированных коллективов в данной отрасли хозяйства.

С исследованиями по истории техники каменного века неразрывно связаны исследования в области первобытного хозяйства. Мы уже упомянули раскопки палеолитических и неолитических поселений и жилищ, доставляющие, пожалуй, основной материал для понимания первобытной экономики. Назовем также попытки палеоэкономических реконструкций, относящиеся к палеолиту и неолиту и основанные на подсчетах размеров и числа первобытных стоянок и жилых сооружений, количества животных, кости которых обнаружены при раскопках, и т. д.³⁸ Большое значение имеет законченный обобщающий труд о происхождении земледелия, который отличает единство обширных экспериментальных материалов, материалов трасологического анализа и обстоятельное рассмотрение существующей литературы предмета³⁹. Успешно разрабатывается уже давно привлекавшая внимание исследователей проблема развития межплеменного обмена на уровне каменного века⁴⁰. В области конкретных исследований экономики отдельных больших групп неолитических племен СССР выявлены существенные различия в хозяйстве северных и южных племен⁴¹. Доказан переход южных племен к производящим формам хозяй-

³¹ А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Приднестровья. ТКИЧП, вып. XV. М., 1959; А. Я. Телсин. Днепро-донецкая культура. Киев, 1968; В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969.

³² С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969; С. А. Семенов, В. Е. Щелинский. Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях. СА, 1971, № 1.

³³ Г. Ф. Коробкова. Экспериментальное изучение орудий труда и древних производств эпохи палеолита. «Археологические открытия 1971 г.»

³⁴ С. А. Семенов. Некоторые проблемы земледелия в свете трасологических и экспериментальных исследований. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР». Тбилиси, 1971.

³⁵ См., например: Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Кинк-Коба. М.—Л., 1940; С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937; П. П. Ефименко. Первобытное общество, 2-е изд. Л., 1938; М. В. Воеводский. К изучению техники первобытноком-

мунистического общества на территории лесной зоны европейской части РСФСР. СА, 1936, № 1; А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1952.

³⁶ В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131, 1965; И. И. Коробков. Нуклеусы Яштуха. Там же; В. А. Ранов. Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии. «Материальная культура Таджикистана», вып. 2. Душанбе, 1971; Э. А. Абрамова. Микропунклеусы в палеолите Енисея. КСИА, вып. 126, 1971.

³⁷ С. Н. Бибилов. Древние кремневые выработки в Среднем Поднестровье. «Sbornik Národního muzea v Praze», ser. A. v. XX, N 1-2. Praha, 1966; М. Р. Касымов. Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау. Голом Камне под М., 1964; В. М. Раушенбах. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилем. СА, 1961, № 2; Л. Я. Крижевская. Кремнеобработывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, № 79, 1960.

³⁸ С. Н. Бибилов. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита. СА, 1969, № 4.

³⁹ С. А. Семенов. Происхождение земледелия. Л., 1973.

⁴⁰ В. М. Массон. Изучение обмена и торговли первобытной эпохи. «Обмен и торговля в древних обществах». Л., 1972; Н. Н. Гурина. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху. Там же; Л. П. Хлобыстин. Обмен в эпоху неолита и бронзы. Там же.

⁴¹ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. М.—Л., 1961; А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; В. М. Массон. Поселение Джайтун (Проблема становления производящей экономики). Л., 1971; А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962.

ства — скотоводству и земледелию. В то же время изучение остатков материальной культуры неолитического населения лесной зоны показало значительный прогресс их производительных сил — высокое развитие рыболовства и морского промысла.

Советские исследователи каменного века еще в 30-х годах ликвидировали разрыв между историей первобытной культуры и социологией, с одной стороны, и археологией палеолита и неолита — с другой. Вместе с этнографами и антропологами они создали разработки периодизации ранних этапов первобытнообщинного строя и примерного сопоставления их с эпохами каменного века. Эта периодизация впоследствии в ходе дискуссий, накопления новых археологических, антропологических и этнографических материалов, преодоления ошибочных концепций многократно исправлялась, дорабатывалась⁴². Однако приходится констатировать, что за последнее десятилетие многие основные положения данной периодизации подвергаются острой критике⁴³. Почвой для этого является накопление нового материала, в частности по палеолитическим и неолитическим поселениям, жилищам и погребениям, а главным образом новый, критический подход советских исследователей 60—70-х годов к ряду положений, считавшихся неизменными в советской истории первобытного общества в 30-х годах.

В некоторых работах последних лет оспаривается археологическая датировка времени перехода от первобытного стада к матриархальной родовой общине, который многими исследователями прослеживается в мустьерское и даже в ашельское время. Некоторые ученые вообще отрицают первобытное стадо как начальный этап истории первобытного общества, отрицают существование матриархата в палеолите и даже в неолите, пересматривают вопрос о характере семьи в эти эпохи. Такие острые дискуссии между сторонниками разных точек зрения естественны и свидетельствуют о том, что развитие советской археологии каменного века представляет собой живой, творческий процесс, чуждый застою и догматизму. Вместе с тем следует подчеркнуть основное.

Все советские исследователи каменного века, как бы по-разному они ни трактовали те или иные вопросы первобытной социологии, исходят из марксистско-ленинских положений о первобытнообщинном строе, в котором господствовал общий труд и общая собственность на средства производства и продукты производства, отсутствовала частная собственность на средства производства, эксплуатация человека человеком, отсутствовали классы. Советские ученые исходят из теории о закономерном развитии. И наконец, все исследователи палеолита и неолита являются историками, и как бы они ни интерпретировали те или иные пещеры, стоянки, погребения, последние представляют для них источники изучения ранних этапов первобытнообщинного строя. Созданные в свое время при ближайшем участии советских исследователей каменного века разработки истории первобытного общества и, в частности, его периодизации являются в значительной степени отправным пунктом оживленных дискуссий последних лет.

Путь, по которому развивается наша наука, идет вперед от этих разработок к выявлению новых, ранее неизвестных закономерностей, к созданию новых обобщающих историко-археологических построений.

⁴² «Всемирная история», т. I. М., 1955; «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР». М., 1956; П. И. Борисковский. Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних десяти лет. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970.

⁴³ Г. П. Григорьев. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей. «Охотники, собиратели, рыболовы». Л., 1972; А. П. Хлобыстин. Проблемы социологии неолита Северной Евразии. Там же; I. Г. Шокопляс. Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту. «Археологія», т. 3. Київ, 1971.

Наряду с изучением производственной деятельности наши исследователи изучают и самого человека, пытаются проникнуть в самое глубинное — психологию древнего человечества. В этом плане большое значение имеют произведения первобытного искусства, а также памятники погребального культа. Раскопки и разведки последнего десятилетия привели к обнаружению в разных концах нашей страны ряда произведений палеолитического и неолитического искусства, а также богатых погребений каменного века. Те и другие памятники доставили новые важные материалы для истории первобытного мышления, искусства, религии. Из открытий в области искусства и погребального культа палеолита следует назвать четыре замечательные погребения, обнаруженные в 1964 и 1969 гг. в позднепалеолитической стоянке Сунгирь, возраст которой на основании радиоуглеродных определений равен примерно 23 000 лет⁴⁴. Следует назвать три реалистические статуэтки из бивня мамонта, открытые в 1962, 1967 и 1968 гг. в Гагаринской палеолитической стоянке⁴⁵. Последняя из статуэток, двойная, обнаруживает замечательные аналогии двойному погребению мальчиков из Сунгири и заставляет по-новому взглянуть на палеолитические человеческие фигурки вообще, возможно связанные и с погребальным культом. Ряд разнообразных женских статуэток из бивня мамонта доставила и недавно открытая позднепалеолитическая стоянка Кладбищенская балка на берегу Десны⁴⁶. До последнего времени расписной узор на крупных костях мамонта из Мезинской стоянки⁴⁷ не имел себе аналогий в палеолите СССР. Но в 1966 г. в сооруженном из костей мамонта позднепалеолитическом жилище Межиричей близ Канева найден череп мамонта с нанесенным красной охрой рисунком на его лобной части⁴⁸. Продолжалось за последнее десятилетие и исследование палеолитической живописи Каповой пещеры⁴⁹. Не менее многочисленны и разнообразны открытые и изученные за тот же период в разных концах Советского Союза неолитические погребения и произведения неолитического искусства. Последние, в частности многочисленная костяная и деревянная скульптура, мелкая глиняная пластика Верхнего Поволжья и Прибалтики⁵⁰, наскальные изображения разных районов нашей страны, с поразительной силой и яркостью раскрывают высокую степень развития мышления и миропонимания неолитических племен. Весьма интересны находки древних музыкальных инструментов — флейт⁵¹. В различных формах неолитического искусства проявляется, с одной стороны, общий уровень развития эстетических потребностей и возможностей у людей того времени, а с другой стороны, — различие конкретных форм мышления и искусства, связанное в той или иной мере с особенностями окружающей среды и с формами экономики. В этом аспекте большой интерес представляет орнаментация керамики, отражающая локальное в общем процессе развития и служащая важным индикатором в раскрытии этногенетического процесса.

⁴⁴ О. Н. Бадер. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь: СА, 1967, № 3; он же. Вторая палеолитическая могила на Сунгире. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970.

⁴⁵ А. М. Тарасов. Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962 г.). МИА, № 131, 1965; он же. Статуэтка из Гагарино. КСИА, вып. 126, 1971; он же. Двойная скульптура человека из Гагарино. КСИА, вып. 131, 1972.

⁴⁶ Ф. М. Заверняев. Новая верхнепалеолитическая стоянка в районе г. Брянска. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970.

⁴⁷ И. Г. Шокопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965.

⁴⁸ И. Г. Пидопличко. Указ. соч.

⁴⁹ О. Н. Бадер. Каповая пещера. М., 1965.

⁵⁰ О последней см.: И. А. Лозе. Отражение древнейших верований в искусстве каменного века в Восточной Прибалтике. «Archeologia un etnografija», IX. Riga, 1970.

⁵¹ И. К. Цветкова. Племена рязанской культуры. «Окский бассейн в эпоху камня и бронзы». М., 1970.

Неразрывно с поисками и открытиями новых памятников искусства и погребального культа каменного века велись работы в области их интерпретации и шире — в области проблем происхождения и развития первобытного искусства и религии. Большой интерес представляют труды широкого охвата, стоящие на грани между археологией палеолита, искусствоведением и философией, труды, посвященные происхождению изобразительного искусства еще на ступени раннего палеолита⁵². Одновременно появились важные обобщения по палеолитическому искусству в целом⁵³ и по отдельным обширным группам его памятников⁵⁴. Советская школа изучения каменного века, единственная из археологических школ, создала исчерпывающий свод всех памятников палеолитического искусства, открытых на территории СССР⁵⁵. В области неолитического искусства особенно плодотворно изучались за последнее десятилетие наскальные изображения. Надо назвать и общие синтезирующие труды, и труды, посвященные петроглифам отдельных районов⁵⁶.

В истекшем десятилетии гораздо больше, чем во все предшествующее время, развернулись экспедиционные работы советских исследователей, посвященные каменному веку зарубежных стран. При ближайшем участии советских археологов проводились успешные разведки и раскопки памятников палеолита и неолита Монгольской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам, Ирака, Арабской Республики Египет⁵⁷. Были созданы обобщающие труды по каменному веку Греции, Западной Европы и Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии⁵⁸, ряд очерков и обзоров, посвященных палеолиту и неолиту различных зарубежных стран⁵⁹, а также труды по историкографии зарубежной археологии каменного века⁶⁰. К этим книгам и статьям примыкает и их в какой-то мере подытоживает законченный советскими исследователями большой труд, охватывающий палеолит всего мира⁶¹. Советские археологи все

увереннее выступают в области изучения каменного века зарубежных стран, стремясь глубже проникнуть во всемирно-исторический процесс на ступени палеолита и неолита.

Рамки данной статьи позволили коснуться лишь некоторых направлений и итогов изучения каменного века в СССР. Советские исследователи сознают, что перед ними стоят большие задачи. Многие из проблем еще далеки от своего разрешения, другие лишь поставлены. Один из путей к наиболее глубокому и быстрому решению их мы видим в целенаправленном объединении усилий исследователей каменного века и создании ими больших обобщающих работ.

⁵² А. Д. Столяр. О роли «натурального макета» как исходной формы изобразительного творчества. АС, вып. 6, 1964; он же. «Натуральное творчество» неандертальцев как основа генезиса искусства. «Первобытное искусство». Новосибирск, 1971.

⁵³ А. П. Окладников. Утро искусства. Л., 1967.

⁵⁴ Э. А. Абрамова. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. Л., 1966.

⁵⁵ Э. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.—Л., 1962; Z. A. Abramova. Palaeolithic art in the USSR. «Arctic Anthropology», v. 4, N 2. Wisconsin, 1967.

⁵⁶ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.—Л., 1959; они же. Петроглифы Забайкалья, ч. 1—2. Л., 1969—1970; А. П. Окладников. Петроглифы Амура. Л., 1971.

⁵⁷ А. П. Окладников, В. Е. Ларичев. Археологические исследования в Монголии в 1964 и 1966 гг. ИСОАН, т. 6, вып. 2, 1967; А. П. Дервянко, А. П. Окладников. Древние культуры восточных районов МНР, СА, 1969, № 4; П. И. Борисковский. Первобытное прошлое Вьетнама. М.—Л., 1966; P. I. Boriskovskiy. Vietnam in primeval times. «Soviet Anthropology and Archaeology», v. VII, N 2, 3; v. VIII, N 1, 3, 4; v. IX, N 2, 3. New York, 1968—1971; Б. Б. Пиотровский. Страницы древней истории Северной Нубии. «Древняя Нубия». М.—Л., 1964; В. П. Любин. Нижний палеолит в районе Дакки—Коштамы. Там же; А. В. Виноградов. Себильская культура в районе Дакки. Там же; Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. СА, 1971, № 3.

⁵⁸ В. С. Титов. Неолит Греции. М., 1970; Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968; П. И. Борисковский. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.

⁵⁹ В. Е. Ларичев, Б. Г. Григоренко. Открытие палеолита в Кореи. ИСОАН, т. 1, вып. 1, 1967; Т. И. Кашина. Некоторые проблемы, связанные с керамикой культуры Яншао. ИСОАН, т. 11, вып. 3, 1970; Н. Н. Гурина. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии. МИА, № 126, 1966.

⁶⁰ В. Е. Ларичев. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, ч. I. Новосибирск, 1969; ч. II, 1972.

⁶¹ Э. А. Абрамова, П. И. Борисковский, Г. П. Григорьев, И. И. Коробков, В. А. Ратов. Палеолит мира (готовится к печати).

А. Н. РОГАЧЕВ

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

За последние годы палеоантропологические и археологические открытия обеспечивают существенный прирост знаний глубокой древности человечества и его истории. Этим достигается более детальное конкретно-историческое понимание проблемы происхождения человека и возникновения человеческого общества на основе постижения процесса формирования производства, физического типа человека, истории первобытной техники, хозяйства и культуры и древнейшей истории социальных отношений людей как внутри их основных общественных ячеек, так и между ними.

Понимание первобытной археологии как исторической науки базируется на том, что археологи имеют дело не только с отдельными вещами или костями ископаемого человека, но и очень часто с определенными условиями их захоронения или обрядом погребения. Без вещей кости людей встречаются крайне редко: угли, краска, орудия труда, предметы украшения, сопровождающие покойника вещи, наконец сама могила, следы которой доступны исследованию во всех случаях преднамеренного захоронения трупа или его остатков. Существенны для первобытной археологии не только каменные орудия, но и их комплекс, весь ансамбль инвентаря, состоящий не только из орудий, но их обломков, отбросов и отходов, а также орудий для их изготовления. Первобытная археология как историческая наука является детищем комплексного подхода к изучению первобытности. Ценность комплексов каменных орудий как исторических источников неизмеримо возрастает, когда они собраны с наибольшей полнотой и тщательностью и установлена их связь с другими остатками обитания, с комплексом костяных орудий, комплексом произведений искусства и предметов украшения. Взаимосвязь же всех этих сохранившихся остатков обитания, характеризующих производственную, домашнехозяйственную, идеологическую и духовную жизнь людей, постигается тем глубже, чем полнее и детальнее исследованы остатки поселений, имеющие часто не только следы очагов, но и остатки жилых и хозяйственных сооружений в виде сохранившихся строительных материалов или преднамеренных нарушений древней дневной поверхности, вызванной строительной и хозяйственной деятельностью людей. Анализ полных комплексов органически связанных вещей обязывает пытливых исследователей выдвигать и обосновывать гипотезы и теории исторического процесса, в результате которого появились исследуемые вещи.

Каменные орудия и отбросы их производства составляют существенную часть массового археологического материала, изучение которого, несмотря на столетний опыт науки, представляет еще значительные трудности. Лишь за последнее десятилетие благодаря концентрации внимания многих исследователей каменного века на этого рода материалах стали ощутимы важные успехи в познании техники изготовления камен-

ных орудий, их формы и функций. Успехи эти определяются, с одной стороны, накоплением хорошо документированных коллекций, обеспечивших необходимый уровень сравнительного их изучения, а с другой — углубленной разработкой техники изготовления и функционального назначения каменных орудий с использованием экспериментальных наблюдений¹.

На основе этих достижений в значительной мере по инициативе французских исследователей палеолита расширена и углублена постановка одной из главных задач первобытной археологии — определить, классифицировать и наименовать каменные орудия. От надлежашей разработки этой проблемы познания истории человечества в эпоху каменного века зависит дальнейшее успешное развитие знаний о первобытности и верное освещение вопросов происхождения человека и возникновения человеческого общества. Если наши коллеги во Франции не углубляют и не расширяют постановку проблемы классификации и номенклатуры каменных орудий до такой степени ее значимости и не придают ей такой социологической устремленности, то во всяком случае судя по большой сводной работе М. Брезийона им понятны методические трудности ее освещения и разрешения². Достоинство сводного труда М. Брезийона о номенклатуре каменных орудий, технике расщепления и вторичной обработке камня заключается не только в систематическом и детальном рассмотрении всех относящихся к этой проблеме вопросов, но и в правильной оценке этой проблемы как методической, имеющей отношение ко всем другим вопросам исследования первобытности. По существу в этом вопросе, как и в исследовании остатков палеолитических жилищ, наши позиции и позиции французских исследователей значительно сблизились.

Как для нас, так и для французских археологов важная сущность проблемы классификации каменных орудий заключается в нахождении правильного триединого, технического, морфологического и функционального, подхода к анализу этих орудий. Нас разделяет различное понимание методологических основ первобытной археологии³.

С нашей точки зрения, триединый подход к исследованию серий каменных орудий в состоянии обеспечить верное понимание древних вещей в качестве исторических источников, способных осветить вместе с другими материалами не только отношение людей к окружающей внешней природной среде, но и их отношение друг к другу, т. е. их социальные и общественные отношения, возникающие в первобытных стадах гоминид (обезьянолюдей), трудовая деятельность которых стала обычной и неизбежно приводила к возникновению человеческого сознания.

Здесь, на скрещивании множества различных, но тесно связанных между собой исторических, философских, палеоантропологических, психологических, археологических и палеогеографических проблем необходимо найти главное звено. История техники каменных орудий, пока еще не достаточно отражающая картину развития производства, главные формы которого — охота и собирательство — перенесены из животного мира, вместе с палеоантропологическими материалами является канвой, позволяющей вышивать эту картину с надеждой на ее близость к исторической реальности. В свете этих суждений не следует абсолютизировать эмпирический характер проблемы классификации и номенклатуры инвентаря па-

¹ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957; F. Bordes. Typologie paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961; D. de Sonneville-Bordes. Le paléolithique supérieur en Périgord. Bordeaux, 1960.

² A. Leroi-Courhan. Cours de préhistoire. Notes de morphologie descriptive. Paris, 1962; M. Brézillon. La dénomination des objets de pierre taillée. IV supplément à «Gallia préhistoire». Paris, 1968.

³ M. Brézillon. Указ. соч., стр. 21.

леолитических стоянок. История возникновения орудий труда и их развития есть история возникновения и развития производства. Принципиальное решение этого вопроса К. Марксом и Ф. Энгельсом в середине прошлого столетия подтверждено последующим развитием науки. Согласно теории диалектического и исторического материализма, история природы и человеческая история представляют единый процесс, в котором на известном этапе развития животного мира возникает деятельное, а благодаря этому и мыслящее существо, наделенное способностью осознать свое бытие и познавать окружающий мир.

Социальные и общественные отношения людей, по Марксу, возникают на основе появившегося и прогрессивно развивающегося вместе с возникновением труда и производства человеческого сознания. Но эти отношения могут существовать, развиваться и совершенствоваться благодаря непрерывному процессу ретрансляции, источником и причиной которого является предметный мир производства.

Следовательно, развитые каменные орудия, как и любых других вещей, возможно лишь в процессе исторической деятельности людей. Опосредствованные трудом и сознанием человека, все вещи, предназначенные для удовлетворения его материальных и духовных потребностей, становятся свидетелями истории — историческими источниками. Непонимание проблемы вещи как исторического источника происходит от недостаточно глубокого усвоения известного положения марксизма об основополагающей роли и значении производства в социальной и общественной жизни людей. Согласно учению К. Маркса, производство, как предметная деятельность человека, представляет собой единство трех частей, или моментов: производства, распределения (обмена) и потребления, которые не являются самостоятельными, независимыми сферами, хотя разрывание этого единого целого на указанные части в действительности совершается постоянно.

«И если ясно, — писал К. Маркс, — что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то столь же ясно, что потребление полагает предмет производства идеалью, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель... Только потребление и завершает акт производства, придавая продукту законченность его как продукта, поглощая его, уничтожая его самостоятельно-вещную форму, повышая посредством потребности в повторении способность, развитую в первом акте производства, до степени мастерства; оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и тот, благодаря которому производитель становится производителем»⁴. Третий момент единого целого процесса производства составляет распределение, которое только «в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов», а на самом деле выражает «подчинение индивидов определенным производственным отношениям», последние, по мысли К. Маркса, на «первых порах могут выступать как естественно выросшие»⁵ предпосылки производства. С предельной ясностью положение о сущности общественных отношений, порождаемых и определяемых производством, было сформулировано в «Наемном труде и капитале».

«В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство... Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отноше-

ниями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером»⁶.

Человек как творец и субъект истории появляется и развивается благодаря труду и производству, возникновение которых было обусловлено длительным процессом развития антропидов при господстве первобытно-стадного образа жизни и предметной деятельности с помощью естественных объектов. Поэтому изготовленные людьми древнейшие орудия производства заслуживают внимания в качестве документов, освещающих начальные шаги их исторической деятельности. В свете трудовой теории антропогенеза и марксистско-ленинской теории первобытнообщинного строя процесс развития каменных орудий, физического типа людей и их общественных отношений представляется взаимобусловленным триединным процессом, отражающим существенные стороны исторической деятельности. Представление о самостоятельности и независимости процессов развития каменного инвентаря, физического типа людей и их общественных отношений успешно преодолевалось в советской археологии, несмотря на господство антропологического и культурно-исторического подхода к освещению вопросов первобытности антропологами, этнографами и археологами.

Одной из главных заслуг советских исследователей каменного века, начиная с В. А. Городцова, является борьба за понимание первобытной археологии как исторической науки, что и обеспечило в конце концов ее превращение по мере накопления фактов в конкретно-историческую науку наших дней. В. А. Городцову наша наука обязана своим оформлением и первоначальной разработкой исторической концепции на основе анализа вещественных источников. Вместе с тем в его понимании первобытная археология оставалась еще естественной, антропологической наукой, наукой о творце археологических памятников.

В то же самое время этот непоследовательный естественнонаучный, материалистический подход в сочетании с методами типологическим, стратиграфическим, сравнительно-историческим и другими позволили В. А. Городцову отвергнуть упрощенно эволюционистские представления о развитии культуры в эпоху палеолита, обнаружить этнографические особенности в этом процессе и заложить основы понятия о верхнепалеолитических культурах. П. П. Ефименко значительно углубил представление о первобытной археологии как исторической науке на основе разработки проблемы палеолитических жилищ и поселений. Это обеспечило связь ее с марксистско-ленинской теорией первобытнообщинного строя и определило дальнейшее совершенствование методов исследования археологических материалов. Г. А. Бонч-Осмоловский является пионером, глашатаем и проводником комплексного метода исследования памятников эпохи палеолита. Особенно ценен его методический опыт изучения пещерных стоянок и каменных орудий эпохи палеолита. Обоснование вывода о решающей роли не природной среды, а социального бытия людей в развитии верхнепалеолитической культуры С. Н. Замятинным, хотя он и не разделял учения о верхнепалеолитических культурах, является важным достижением, обеспечившим понимание задач первобытной археологии как исторической науки.

Выдающимся достижением С. А. Семенова в первобытной археологии, позволяющим ей окончательно преодолеть формализм в изучении каменных орудий, явились открытие и организация исследований микроскопических следов от употребления на лезвиях каменных орудий, что дало объективные данные для суждения об их функциях. В дальнейшем С. А. Семенову с применением целеустремленных экспериментальных наб-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 28—30.

⁵ Там же, стр. 33.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 441—442.

людений удалось разработать метод функционального анализа различных каменных орудий, который получил всеобщее признание и прочно вошел в науку в качестве одного из главных методов археологии⁷.

Обосновывая разработанный метод на основе траснологических и экспериментальных данных, С. А. Семенов с широким привлечением антропологических и этнографических материалов развил важные положения о кинематике ручного труда и путем анализа приемов изготовления и употребления каменных орудий раскрыл картину производственной и домашнехозяйственной деятельности первобытных людей. Все это позволило ему успешно показать развитие первобытной техники в каменном веке и сформулировать основные технические тенденции или общие закономерности в развитии первобытных орудий: уменьшение угла заострения, уменьшение фактора трения, дифференциация трудовых функций, выражающаяся в специализации орудий, увеличение силовой нагрузки на орудие, увеличение скорости движения орудий в трудовом процессе и др.

Существенным недостатком концепции С. А. Семенова является умаление и недооценка значения и роли формы орудий на ранних ступенях развития техники каменного века. Неверная оценка фактов полифункциональности палеолитических каменных орудий привела его к отрицанию существенной закономерности в развитии первобытной техники — тенденции к установлению наиболее рациональной формы орудий, зависящей не только от их функций, но и многих других обстоятельств. По С. А. Семенову, только вслед за эпохой палеолита «постепенно вырабатывается некоторая связь между формой и функцией, хотя она никогда не становится стабильной и всеобщей»⁸. Такое понимание истории первобытной техники в эпоху палеолита препятствует исследованию свойств каменных орудий как исторических источников.

Наше замечание не умалет основного достижения С. А. Семенова: он еще раз доказал, что развитие первобытной археологии может быть успешным только на базе использования достижений марксистско-ленинской исторической науки, обеспечившей успех исследования и документации производственной деятельности — самой главной исторической деятельности людей, определяющей все другие стороны их социальной и общественной жизни.

Важным этапом в развитии советской первобытной археологии, изучающей каменный век, явились послевоенные годы, когда на Дону и на Днестре с участием геологов было проведено исследование многослойных палеолитических стоянок, которое позволило преодолеть известную ранее стадильную концепцию развития первобытной культуры и общества. Согласно этой концепции процесс развития «кремневой техники» совершается вне истории определенных обществ и определяется в конечном счете изменениями природной среды. Исследование морфологии каменных орудий сводилось к констатации «датирующей роли» кремневого инвентаря по схеме эпох палеолита Франции, что приводило к полному игнорированию стратиграфического метода в археологии. Наиболее ярко эти недостатки в развитии первобытной археологии выразились в работах П. П. Ефименко, отождествившего, например, все двустороннеобработанные верхнепалеолитические орудия Европы и отнесшего их к единой селетской (солютрейской) культуре⁹. Были и другие причины того, что значительные успехи советской первобытной археологии в области исторического осмысления памятников каменного века не сопровождались соответствующим углубленным изучением каменных орудий.

⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника; он же. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

⁸ С. А. Семенов. Развитие техники... стр. 5.

⁹ П. П. Ефименко. Костенки I. М., 1958 г. (раздел «Происхождение восточносолютрейской (селетской) культуры в Средней Европе. Связь ее с приледниковой областью», стр. 428—441).

Представление о независимом и самостоятельном развитии каменных орудий, не связанном с историей развития физического типа человека и условий общественной жизни людей в эпоху каменного века, является весьма распространенным в первобытной археологии. Это объясняется господством типологического метода, исходящего из саморазвития вещей либо по законам биологии, либо по внутренним, «присущим процессу их развития закономерностям». Типологический метод основывается на идее развития вещей в отрыве от развития производства и общества. Развитие каменных орудий как важнейших ископаемых отождествлялось с развитием, например, моллюсков. Ошибочность таких представлений удалось доказать на основе изучения многослойных стоянок и стратиграфических условий их залегания. Это позволило сделать выводы об особенностях в развитии верхнепалеолитической культуры, об определяющей роли условий общественной жизни в ее развитии, выразившейся в сосуществовании археологических культур во многих районах Европы, где памятники хорошо изучены. Все это послужило основанием для еще более глубокого вывода о возможности познания конкретно-исторического процесса развития в ряде районов Европы, хотя реальная база для такого рода поисков пока еще ограничена. И если практически постановка этой задачи пока преждевременна, то принцип конкретно-исторического подхода к исследованию первобытной культуры и первобытной истории вполне утвердился. Большое значение в установлении этих выводов имели повсеместно наблюдаемые факты, свидетельствующие о местных (локальных) особенностях в развитии культуры в эпоху каменного века, объяснять которые только условиями природной среды было бы неверно.

С нашей точки зрения, в первобытной археологии, становящейся конкретно-исторической наукой, есть лишь один-единственный путь преодоления ошибочного представления о саморазвитии древних орудий. Он заключается в осмыслении марксистского принципа деятельности сущности человека, раскрывающейся в предметном мире производства, и построении на этой основе учения о вещи как историческом источнике. Накопление огромных коллекционных материалов, успехи в познании техники расщепления и вторичной обработке каменных орудий, разработка методов экспериментального и функционального их анализа позволяют глубоко поставить дело исследования сравнительной морфологии каменных орудий с целью познания их различных и многообразных свойств. Необходимо и дальше путем раскопок открывать, расширять, углублять и уточнять комплексы органически связанных вещей, относящихся к одному поселению и характеризующих наиболее полно различные стороны жизни его обитателей. Это создает условия для познания различных сторон производственной, хозяйственной, социальной, идеологической и духовной жизни людей, что положительно скажется и на познании свойств каменных орудий.

Понимания и объяснения социальной и общественной сущности такого трудного и вместе с тем важного исторического источника, каким являются каменные орудия, можно достигнуть только при дальнейшем углублении археологических и технических методов их исследования на основе совершенствования общей теории вещи как исторического источника, основывающейся на учении марксизма о предметности производства и о предметной деятельности человека. Первую и в целом удачную попытку поставить этот вопрос в археологии сделал Ф. В. Кипарисов¹⁰. Но его статья не нашла должного понимания и не вызвала откликов среди исследователей каменного века, так как глубокому усвоению теории исторического материализма в 30-х годах XX в. мешала непреодоленность пред-

¹⁰ Ф. В. Кипарисов. Вещь — исторический источник. ИГАИМК, вып. 100. М.—Л., 1933, стр. 3—22.

ставлений о саморазвитии вещей, укоренившаяся вместе с возникновением типологического метода в археологии. Критика же типологического метода в то время еще не могла вскрыть и преодолеть его методологическую ограниченность и формализм.

О реальной трудности этой задачи можно судить, например, по работе Я. А. Шера, появившейся в наши дни. Вопреки своему же декларативному изложению известных положений исторического материализма Я. А. Шер категорически утверждает: «Вещи развиваются по внутреннему закону. В этом абсолютно прав О. Монтенус и все эволюционисты»¹¹. В данном случае не различается качественное своеобразие внутренних, естественных свойств вещей и тех свойств, которые приданы вещам в результате деятельности людей. Эта деятельность, отразившаяся в форме вещей, в технике их изготовления и в следах их употребления, является выражением реальной исторической деятельности людей. Эволюционисты не воспринимают того реального факта, что люди, воздействуя своим трудом и сознанием на каменную гальку или на кусок бивня мамонта, превращают их в режущее-рубящее орудие или статуэтку женщины и тем самым придают этим естественным предметам отличные от природных, свои, человеческие, исторические свойства. В процессе труда благодаря непрерывности производства вещей совершенствуются органы человека, например рука и мозг. Превращение труда из формы движения в форму бытия вещей совершается на основе физиологических и психических актов индивида, но вместе с тем это есть и общественный процесс, поскольку он преследует цель удовлетворения не только личных потребностей человека.

Социальный процесс заключается в бесчисленном множестве сознательных целесообразных действий, совокупность которых в определенном пространстве и времени составляет исторический процесс, совершающийся поэтому всегда в конкретно-исторической форме взаимодействия данных обществ людей с данной природной средой. Поскольку археологи располагают остатками самого человека, орудиями его воздействия на окружающий мир, вещами, отражающими взаимоотношения людей, и вместе с тем исследуют жилища и целые поселения людей, это дает реальную возможность реконструкции на основании изучения вещей главных черт исторического процесса. Археология как наука о сохранившихся остатках предметного мира людей, следовательно, познает его социальную и общественную сущность с помощью теории диалектического и исторического материализма, получившей благодаря археологии важнейшие источники внутренних, естественных свойств вещей и тех свойств, которые приданы для своего развития и совершенствования. С точки зрения назначения орудий производства в производственной деятельности человека нет принципиальной разницы между грубым рубяще-режущим каменным орудием — чоппером (исходной формы шельского рубила) и современным заводом-автоматом, хотя они очень различаются по уровню технического совершенства. Тот и другой — продукты человеческого сознания и практической деятельности по преобразованию природы. Каменные орудия каменного века в неизмеримо большей степени, чем, например, ружейные кремни средневековья, обладают свойством носителей социальных и общественных отношений, так как они изготавливались при отсутствии общественного разделения труда. Свойства эти выражаются полнее и четче в форме орудия, в меньшей мере — в технике их изготовления (в технике расщепления и во вторичной обработке) и, по-видимому, меньше всего — в функции орудия. Археологам хорошо известны факты существования

каменных орудий, сходных по функции и технике изготовления, но различных форм. Формы орудий наиболее четко выражают их этнические особенности. Наше понимание верхнепалеолитической культуры исходит из того, что, хотя функция орудия, являющаяся его сущностью, определяет форму орудия и находится в зависимости от многих обстоятельств внешней среды, все же именно форма представляет безграничную возможность выяснить племенные (этнические) традиции культуры.

Сложные вопросы классификации и номенклатуры каменных орудий с целью познания древнейшей истории народов и государств успешно могут решаться лишь коллективом исследователей на основе практического обсуждения вопросов классификации каменных орудий отдельных памятников, культур и определенных территорий с учетом общих достижений первобытной археологии. Итоги этой работы необходимо фиксировать с целью придания дискуссии необходимой целеустремленности и участия в ней широкого круга исследователей. Но в интересах форсирования этой неотложной работы нужна специальная плановая разработка вопросов сравнительной морфологии каменных орудий во всех коллективах специалистов по каменному веку нашей страны. Общие дискуссии могут обеспечить успешную разработку проблемы классификации и номенклатуры каменных орудий всей территории СССР лишь на основе надлежащей разработки региональных классификаций для всех основных регионов страны: восточноевропейского, кавказского, среднеазиатского и североазиатского.

¹¹ Я. А. Шер. Типологический метод в археологии и статистика. «VII Международный конгресс доисториков и протонисториков. Доклады и сообщения археологов СССР», М., 1966, стр. 252.

З. А. АБРАМОВА

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ АЗИИ И АМЕРИКИ
В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

В рамках проблемы заселения Америки существует множество противоречивых гипотез, из которых только одна является особенно популярной: заселение произошло из Северной Азии через сухопутный мост, существовавший на месте Берингова пролива. Признавая, что люди проникли в Новый Свет достаточно давно, чтобы, пройдя через весь североамериканский континент, заселить Южную Америку к 14—12 тысячелетиям до наших дней, ряд ученых ищет исходные нижнепалеолитические культуры в Центральной и Юго-Восточной Азии и даже в Европе. При этом они опираются главным образом на принципы технологического сходства — изготовление двустороннеобработанных орудий, которые могли бы служить прототипом для металлических наконечников, основной диагностической черты американского позднего палеолита. Но если до сих пор нельзя точно установить время появления человека в Америке, то проблема происхождения, культурной принадлежности и культурного уровня пришельцев еще более сложна. Можно отметить два основных направления в истории решения этого вопроса. К одному принадлежат сторонники самостоятельного возникновения и развития металлических наконечников на Плато Прерий, к другому направлению — ученые, считающие, что техника двусторонней обработки наконечников была принесена из Азии и племенам, расселившимся на Плато Прерий, оставалось изобрести только желобок для утоньшения основания наконечника.

Одни ученые, как, например, Честер Чард, полагают, что первыми в Америку пришли носители древних азиатских культур, техническая традиция которых была связана с относительно примитивной юго-восточно-азиатской традицией чопперов и чоппингов. Она жила в Америке длительное время до появления самостоятельной культурной традиции двустороннеобработанных наконечников, не связанной с азиатскими влияниями, а, напротив, оказывающей влияние на азиатские культуры в последнедевическое время. При этом не выделяются какие-либо азиатские комплексы как прототипы предполагаемых среднепалеолитических комплексов Америки или упоминается лишь местонахождение Динцунь на р. Фаньхэ в Северном Китае как возможный источник для стадии, предшествующей появлению металлических наконечников. Последнее делается на основании сходства материала Динцуня с комплексом, найденным на берегах оз. Манник в Калифорнии, включающим чопперы, ручные рубила и отщепы.¹

Оставив в стороне вопрос, мог ли человек продвигаться так далеко на север, обладая примитивной культурой (напомним, что севернее Дин-

цуня вдоль азиатского побережья, на Камчатке и Чукотке среднепалеолитических памятников не обнаружено), другая часть археологов отрицает самостоятельное американское происхождение двустороннеобработанных наконечников и связывает их с азиатскими или евразийскими элементами. Это положение основано на наличии двустороннеобработанных наконечников в некоторых палеолитических комплексах Южной Сибири, в частности в Усть-Канской пещере. Э. М. Вормингтон высказал гипотезу, что пластинчатая техника палеолита Южной Сибири, продвигаясь к оз. Байкал, встречается и смешивается с техникой азиатской традиции чопперов. От Байкала эта смешанная культура идет к северу, к устью р. Лены, а затем к востоку, к Берингову проливу. Эти события, как полагает Вормингтон, могли произойти около 20 тыс. лет назад, достаточно рано, чтобы комплекс, принесенный в Америку, мог служить базой для создания двустороннеобработанных наконечников, получивших широкое распространение в позднем висконсине.²

Э. Вилмсен придерживается сходных взглядов, но, по его мнению, комплексы Когрук и Бритиш-Маунтен в Аляске обладают леваллуа-мустьеерской техникой, отмеченной, как он считает, в культуре Мальты-Бурети на Ангаре и в ленском палеолите. Вилмсен рассматривает датировку Мальты-Бурети (17—22 тыс. лет назад) как одновременную с наличием сухопутного моста между Азией и Америкой в течение периода от 23 до 13 тыс. лет назад.³

Еще дальше идет Ю. А. Мочанов, в своих поисках исходных культур для палеолита Америки создавший гипотетический пласт огромной протяженности от Сары-Арка (Казахстан) до Динцуня (Китай) лишь на том основании, что и тут и там найдены двустороннеобработанные орудия.⁴ Стройная на первый взгляд гипотеза Ю. А. Мочанова предельно схематична и не подкреплена фактами. Остановимся на ней подробнее.

В среднем палеолите на территории Центральной Азии Ю. А. Мочанов выделяет две культуры, или, что для него одно и то же, две различные техники изготовления каменных орудий. I группа представляет собой вариант леваллуа-мустье с ашельской традицией, основанный на леваллуазской технике раскалывания и широком употреблении двустороннеобработанных орудий и распространенный от Северо-Восточного Казахстана до Северо-Восточного Китая. II группа — леваллуа-мустьеерского облика — включает большинство древних памятников Монголии и характеризуется отсутствием двустороннеобработанных орудий и высоким развитием техники снятия пластины с подпризматических нуклеусов. Легко оперируя разнородными понятиями, огромными территориями и отдаленными эпохами, Ю. А. Мочанов утверждает, что на основе культуры I группы, само существование которой на беспредельно широкой территории в высшей степени сомнительно, около 40—35 тыс. лет назад складываются верхнепалеолитические культуры, продолжавшие развивать традицию двусторонней обработки орудий. В качестве характерного примера названных культур приведена стоянка Военный госпиталь в Иркутске. Этот пример явно неудачный, поскольку материалы стоянки погибли при пожаре вскоре после ее открытия, не получив должного освещения в литературе. Рисунки предметов не представлены, имеется лишь краткое упоминание, что найдены «кремневые отбивные наконечники разных величин» и что «отделка этих наконечников гораздо грубее, а величина их несравненно

² H. M. Wormington. Prehistoric Cultural Stages of Alberta, Canada. «Homenaje a Pablo Martinez del Rio, 25 Aniversario de la edicion de Los Origenes Americanos». Mexico, 1961.

³ E. Willmsen. Flake Tools in the American Arctic: Some Speculations. «American Antiquity», v. 29, N 3, 1964.

⁴ Ю. А. Мочанов. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски (К вопросу о первоначальных миграциях человека в Америку). СЭ, 1969, № 1.

¹ Ch. S. Chard. New World Origins: A Reappraisal. «Antiquity», v. 33, N 129. London, 1959; on же. The Old World Roots: Review and Speculations. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 10, N 2. Fairbanks, 1963.

больше миниатюрных туинкинских наконечников»⁵. Если признать комплекс стоянки не смешанным, то столь древний возраст местонахождения вызывает сомнения из-за высокого совершенства найденных там поделок из бивня. Других же стоянок с двустороннеобработанными орудиями, относящихся к началу верхнего палеолита, в Сибири пока не обнаружено. Мимоходом упомянутый Ю. А. Мочановым «двустороннеобработанный клинок» из Усть-Канской пещеры, находка которого будто бы становится понятной в свете казахстанских открытий, не может быть с полной достоверностью отнесен к мустьерскому комплексу Усть-Канской пещеры. В отличие от мустьерских орудий этот единственный здесь предмет с двусторонней обработкой носит следы окатанности, техника его изготовления отлична от характерной для пещеры техники леваллуа-мустьерской фауны. Н. К. Анисюткин и С. Н. Астахов, тщательно проанализировав мустьерский комплекс Усть-Канской пещеры, пришли к выводу, что орудие «... как по характеру обработки, так и по форме выпадает из комплекса и вместе с призматическими пластинками образует, видимо, более позднюю при-месь»⁶.

На основе среднепалеолитической культуры II группы, по Ю. А. Мочанову, складываются верхнепалеолитические культуры «ориньякондного» облика, представленные стоянками типа Мальта—Санний Мыс. Это утверждение верно лишь в одной своей части. Действительно, в культуре нижних слоев Санного Мыса в Забайкалье прослеживаются черты влияния монгольских среднепалеолитических культур (леваллуазские нуклеусы и снятые с них пластины, ножи из широких пластин, скребла), но что в ней «ориньякондного» и на каком основании можно ставить за один скобки Мальту и Санний Мыс?

Остановимся на этом вопросе позже, а сейчас проследим далее мысль Ю. А. Мочанова о дальнейшей судьбе носителей культуры I группы; потомки которой, оказывается, наиболее интенсивно продвигались в северо-восточном направлении, в сторону Чукотки (не оставив, кстати, никаких следов). Спустя длительное время эти потомки проникли на Плато Прерий и, развивая дальше традицию двусторонней обработки орудий, создали оригинальные палеоиндейские культуры типа сандия-кловис. Такова умозрительная концепция истоков высокосовершенной техники двусторонней обработки наконечников палеоиндейских культур.

Приведенные Ю. А. Мочановым абсолютные даты, также чисто умозрительные, показывают, что племена начала верхнего палеолита, появившись в Прибайкалье около 40—35 тыс. лет назад, приблизительно через 5 тыс. лет должны были достигнуть Аляски. Единственная вежа на этом пути, обладающая двусторонней техникой обработки, — Дюктайская пещера на Алдане, относится, как считает и сам Ю. А. Мочанов, к заключительному этапу культуры и может свидетельствовать лишь о параллельном развитии, не приведшем, однако, к изобретению метательных наконечников, но отнюдь не об исходных позициях. Тем более что дата для средней толщи Дюктайской пещеры — $13\,070 \pm 90$ лет (LE-784)⁷, т. е. она одновременна культуре кловис. Относить их к одной культурной традиции или объяснять сходство отдельных деталей происхождения от единого культурного субстрата не представляется возможным, ибо сходство это проявляется только в наличии техники двусторонней обработки, что явно недостаточно, как и то, что эту технику нельзя вывести из техники ручных рубил ашельского облика.

Не учитывается одно важное обстоятельство: передвижение племен было не ускоренным маршем без остановок, а чрезвычайно длительным процессом и культуры должны были претерпеть значительные изменения на своем пути, осваивая новые географические зоны и приспосабливаясь к новым условиям. Промежуточные же вежи, которые, возможно, и будут обнаружены на материке, могли быть более вероятными на прибрежных террасах — современном шельфе после поднятия уровня воды — и безвозвратно утеряны под волнами Берингова моря.

Иной путь доказательств избрал Р. Мак-Ниш. Он предпринял попытку скрупулезного сравнения характерных черт наиболее древних комплексов Аляски и Северной Азии и на основании различных признаков сходства в кремневом инвентаре пришел к выводу, что культура Мальты—Бурети участвовала в сложении комплекса Бритиш—Маунтен⁸. Мак-Ниш отчетливо представлял трудности, стоящие перед ним и заключающиеся в скудности источников и слабой опубликованности материалов. Мы разделяем эти трудности, когда беремся судить об американском палеолите. Главная опасность — принять за характерные черты второстепенные и незначительные элементы. Ошибка Мак-Ниша, в которой он неповинен, состоит в неправильном представлении комплексов Северной Азии.

Прежде всего в комплексе Мальты—Бурети нет признаков леваллуа-мустьерской техники. Основным и определяющим для этого комплекса являются не грубые галечные чоперы (они есть, но единичны) и не одностороннеобработанные орудия, сделанные из отщепов, снятых с дисковидных мустьероидных нуклеусов (дисковидные нуклеусы немногочисленны и отличны от мустьерских, орудий из крупных широких отщепов крайне мало — это главным образом скребки), а многочисленные пластины, снятые с призматических нуклеусов средних размеров. Длина пластинок в среднем около 5 см, ширина 1—1,5 см. Эти пластины часто ретушированы по одному или обоим продольным краям или имеют обработанный конец — острый либо прямой. Из таких пластинок изготавливались острия, острия-проколки, резцы и концевые скребки. Острия-проколки особенно хорошо представлены. Резцы различных типов: срединные, угловые, боковые, многофасеточные, но в целом немногочисленные. Наряду с концевыми скребками из пластинок имеются скребки из отщепов: из крупных округлых высокой формы или из мелких округлых, часто также с крутой ретушью. Нуклеусы из небольших желваков кремня, призматические по преимуществу, часто сработаны до предела и сохраняют следы сколов коротких и широких пластинчатых отщепов. Клиновидных нуклеусов и соответствующих им призматических микропластинок нет, хотя зарождение подобной техники отчетливо прослеживается. Вкладышевые орудия не представлены. Комплекс обладает сложным набором костяных и роговых орудий, украшений и произведений искусства, что ставит его в совершенно особое положение в палеолите Сибири и в свое время дало основание исследователям говорить о европейском происхождении этой культуры. Мнение М. М. Герасимова, отрицавшего европейские влияния в исследованной им Мальте, представляется более справедливым.

Насколько мы можем судить о комплексе Бритиш—Маунтен, он существенно отличается от мальтинского прежде всего формой заготовки орудий: инвентарь Мальты имеет в своей основе главным образом пластинчатую технику, инвентарь Бритиш—Маунтен — технику на отщепе.

Трудно найти аналогии и комплексу Флинт—Крик, следующему за комплексом Бритиш—Маунтен, отнесенному Мак-Нишем к кордильерской традиции. Он сравнивает его с комплексом Афонтовой Горы, но основные черты последнего иные, чем в представлении Мак-Ниша. Здесь действи-

⁵ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I, М., 1881, стр. 232—233.

⁶ Н. К. Анисюткин, С. Н. Астахов. К вопросу о древнейших памятниках Алтая. «Сибирь и ее соседи в древности». Новосибирск, 1970, стр. 33.

⁷ Ю. А. Мочанов. Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса. СА, 1969, № 4, стр. 238.

⁸ R. S. MacNeish. Investigations in Southwest Yukon. «Papers of the R. S. Peabody Foundation for Archaeology», v. VI, N 2, Massachusetts, 1964.

тельно много мустеровидных орудий из крупных отщепов, которые, однако, не ведут своего происхождения от предыдущего комплекса, где они почти полностью отсутствуют. Это прежде всего скребла, чаще овальной формы, иногда двустороннеобработанные, одна сторона выпуклая, вторая уплощена многочисленными сколами, а также отщепы с ретушью. Наряду с ними много скребков из отщепов, в том числе миниатюрных. Немало и долотовидных орудий из отщепов преимущественно небольших размеров с одним слегка вогнутым рабочим краем. По сравнению с этими устойчивыми сериями орудий проколов очень немного. Они изготовлены из отщепов с маленькими симметрично расположенными жальцами. Остроконечники и острия единичны и маловыразительны. Нуклеусы — мелкие, чаще всего аморфные, встречаются нуклеусы со следами сколов правильных микропластинок, в том числе и клиновидные. Настоящих же пластин и изготовленных из них резцов, о которых упоминает Мак-Ниш, в афонтовской культуре нет. Они хорошо представлены в недавно выделенной на Енисее по раскопкам последних лет кокоревской культуре (стоянки Кокорево I, Новоселово VI и VII, Асшка).

Нуклеусы кокоревской культуры — главным образом крупные, призматические, часто двуплощадочные, изготовленные из массивных речных галек, со следами сколов пластинчатых отщепов. Наряду с ними имеются типичные клиновидные нуклеусы. Большинство орудий изготовлено из крупных пластин. Остроконечники — впервые в палеолите Енисея хорошо представленная серия. Они обработаны тщательной ретушью по продольным краям и на конце и иногда имеют подтеку на плоскости откола для уплощения ударного бугорка. Резцы — срединные и боковые из крупных пластин — также новая серия не только в палеолите Енисея, но и всей Сибири. Наряду с пластинчатыми орудиями хорошо представлены скребла, часто из массивных отщепов, всегда односторонней обработки. Скребки изготовлены или из крупных, довольно массивных пластин с овальным рабочим краем иногда высокой формы, или из округлых отщепов средних размеров. Широко представлена вкладышевая техника. Как в афонтовской, так и в кокоревской культурах имеются обширные серии костяных и роговых орудий, встречаются украшения. Если руководствоваться не старыми публикациями, а просмотром палеолитических коллекций, то с полной определенностью можно утверждать, что ни в комплексе Афонтовой Горы, ни в каком-либо другом палеолитическом местонахождении Енисея нет двустороннеобработанных листовидных острий.

Самой характерной чертой палеолитических поселений Енисея и одновременных им поселений Алтая, Прибайкалья и Забайкалья являются типичные клиновидные нуклеусы, снятые с них тонкие и узкие микропластинки правильной призматической огранки и связанные с этой техникой вкладышевые орудия. Подобная техника особенно широко распространяется в конце палеолитической эпохи, и именно в это время можно проследить четкие связи между Северной Азией и Аляской, где развивается микропластинчатая индустрия. Именно комплекс Денали—Акмак показывает особенно отчетливо взаимосвязь с палеолитом Камчатки, Хоккайдо и далее вплоть до Ангары⁹. Двустороннеобработанные двояковыпуклые ножи известны из Верхоленской Горы и Дюктайской пещеры, концевые скребки, широкие пластины и пластинчатые отщепы, клиновидные нуклеусы и микропластинки получают в это время повсеместное распространение.

Резюмируя, можно сказать, что если мы признаем приход человека в Америку в значительно более отдаленное время, чем появление металлических наконечников, а для этого, как кажется, есть все основания, то отпадает необходимость искать прототипы наконечников как на прилежащей территории Азии, так и тем более в граветте или солютре Европы. Весьма общее сходство острия типа сандия с некоторыми солютрейскими наконечниками позволило даже высказать ничем другим не подкрепленное предположение, что первые являются прямыми родственниками солютрейских изделий. На наш взгляд, мнение тех ученых, которые отстаивают возможность возникновения традиции металлических наконечников за южными границами слившихся ледниковых массивов, заслуживает предпочтительного внимания¹⁰. Нет причин считать охотников Плато Прерий менее развитыми в культурном отношении, чем солютрейцы, и отказывать им в самостоятельном изобретении и совершенствовании техники тонкой двусторонней обработки.

Некоторые черты сходства отдельных элементов инвентаря ряда североазиатских и североамериканских комплексов, которые могут быть и одновременными в широком смысле слова (например, Кокорево I на Енисее и Булл-Брук в Массачусетсе), нельзя объяснить иначе как конвергенцией. Проникновение людей из Азии в Америку, несомненно, происходило неоднократно, но лишь для конца позднего палеолита зафиксированы бесспорные свидетельства происхождения комплекса Денали из Северной Азии, доказывающие, что на территории Аляски и Сибири существовала в то время одна культурная традиция.

¹⁰ A. L. Bryan, Early Man in America and the Late Pleistocene Chronology of Western Canada and Alaska. «Current Anthropology», v. 10, N 4, 1969.

⁹ F. Hadleigh-West, The Donnelly Ridge Site and the Definition of a Early Core and Flake Complex in Central Alaska. «American Antiquity», v. 32, N 3, 1967; D. S. Anderson, Akmak. An Early Archeological Assemblage from Onion Portage, Northwest Alaska. København, 1970.

Л. В. КОЛЬЦОВ

ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЗОЛИТА

К середине 50-х годов в бассейне Оки и Верхней Волги было известно очень ограниченное число памятников, мезолитический возраст которых признавался почти всеми советскими исследователями, — Гремячее¹, Борки², Елин Бор³ на Оке, Скнятино⁴, Соболево⁵ на Волге. Окские стоянки были открыты еще в XIX в. и вторично обследовались в 30-х годах советскими учеными, волжские — уже в советское (довоенное) время.

Новый этап в изучении мезолита верховья Волги и Оки начался в 50-х годах в связи с работами Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР. Открыты и исследованы десятки новых стоянок, вновь обследовались или раскапывались уже известные, опубликованы материалы, полученные в довоенные годы. Д. А. Крайновым открыто многослойное мезолитическое поселение Золоторучье III⁶, автором установлена многослойность мезолитических стоянок Коприно и Елин Бор⁷, а также, следуя указаниям В. А. Городцова⁸, впервые выделены мезолитические комплексы на неолитических стоянках Шумашь, Дубровичи, Ужалье⁹. Впоследствии Л. В. Грехова добавила к ним Жабынь¹⁰.

Таким образом, в настоящее время в бассейнах Оки и Верхней Волги известно уже свыше 60 мезолитических памятников.

Все стоянки располагаются как бы отдельными группами (рис. 1). При этом вряд ли можно говорить о неизученности районов, разделяющих их. Долина Верхней Волги за последнее время несколько раз обследовалась Разведочным отрядом Верхневолжской экспедиции под руководством

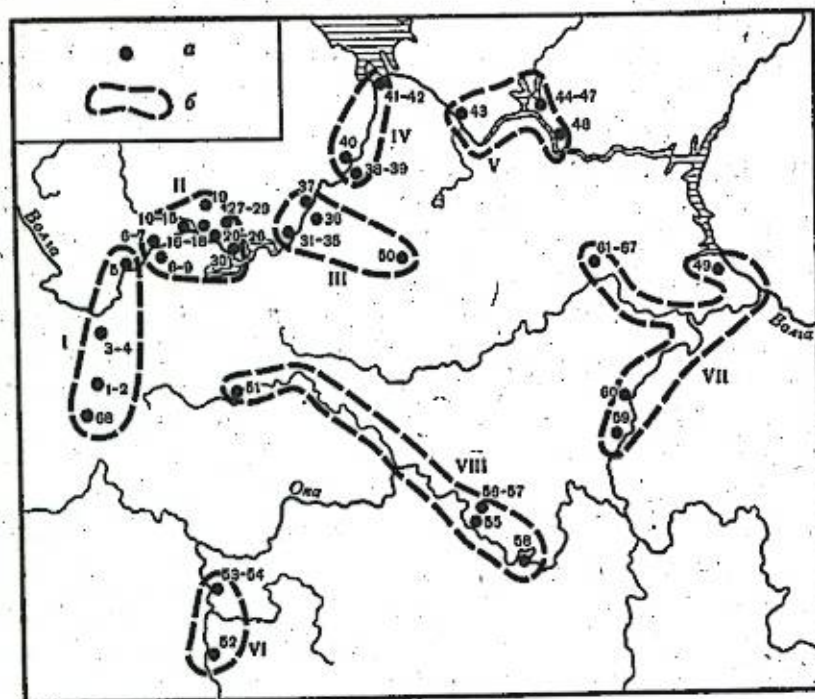

Рис. 1. Стоянки и локальные группы волго-окского мезолита (а — стоянки; б — границы локальных групп)

- I. Вазузско-Старицкая группа: 1-2 — Коньшино, Остипово; 3-4 — Высокино II и VI; 5 — Журавец I; 68 — Настасьино (Устье III)
- II. Бутовско-Калининская группа: 6-7 — Бутоло, Жихарево; 8-9 — Якино I и II; 10-15 — Черная грядь I-III, Дмитровское I-III; 16-18 — Сланкатынский завод I-III; 19 — Новинская II; 20-26 — Старое Константиново I-VII; 27-29 — Пичвакино, Лукино I и III; 30 — Судинька II
- III. Соболевско-Скнятинская группа: 31-35 — Пекуново II, Соболево I-III и V; 36 — Скнятино; 37 — Волжянка; 50 — Дижариха
- IV. Угличско-Копринская группа: 38-39 — Золоторучье III и Богоявление; 40 — Алатыново; 41-42 — Коприно, Звезде
- V. Ярославско-Костромская группа: 43 — Устье; 44-47 — Кострома (Ипатьевский монастырь), Некрасово, Огатино, Саметь; 48 — устье р. Пожши
- VI. Гремяченская группа: 52 — Жабынь; 53-54 — Гремячее I и II
- VII. Муромско-Тезская группа: 49 — Горшиза; 59 — Елин Бор; 60 — Летаали Бор; 61-67 — стоянки у с. Мордовское и Алексеевское
- VIII. Рязанско-Звенигородская группа: 51 — Устье около Звенигорода; 55 — Борки; 56-57 — Дубровичи и Шумашь; 58 — Ужалье

автора (назовем хотя бы три таких обследования, носивших очень широкий характер, — в 1956, 1965, 1969 гг.). Систематическое выявление памятников вели и другие отряды Верхневолжской экспедиции. Труднее утверждать это относительно долины Оки, поскольку после работ П. И. Борисковского 1934 г., по-видимому, сплошного обследования с целью поисков мезолита там не производилось.

На Верхней Волге выявляются следующие группы памятников: Калининско-Бутовская, Соболевско-Скнятинская, Угличско-Копринская, Ярославско-Костромская. В последнее время намечается еще одна группа: Вазузско-Старицкая. Хуже исследованный Окский бассейн, по всей вероятности, предварительно можно подразделить на группы: Гремяченскую, Рязанско-Звенигородскую, Муромско-Тезскую. Каждая группа состоит из нескольких стоянок, среди которых есть раскопанные на значительной площади, что позволяет составить характеристику групп с учетом относительной хронологии внутри них. В Калининско-Бутовскую группу входят

¹ М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. МИА, № 2, 1941, стр. 142—148.
² М. Э. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки. МИА, № 2, 1941, стр. 149—157; В. И. Зубков. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 141—150.
³ М. В. Воеводский, П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. СА, III, 1937, стр. 77—79.
⁴ П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950, стр. 15—25.
⁵ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Стоянки родового общества. Участок Скнятино—Молога. «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.». ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 145—156.
⁶ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 4—6.
⁷ Л. В. Кольцов. Стоянка Коприно на Верхней Волге. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1963, стр. 7—17; он же. Новые раскопки стоянки Елин Бор. МИА, № 126, 1966, стр. 178—184.
⁸ В. А. Городцов. Археология, т. I. Каменный период. М.—Л., 1923, стр. 330.
⁹ Л. В. Кольцов. Мезолит Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 10.
¹⁰ Л. В. Грехова. Памятники эпохи палеолита и мезолита. «Труды ГИМ», вып. 44, 1970, стр. 10—34.

стоянки Бутово¹¹, Черная Грязь I¹², Дмитровское I¹³, Пищалкино, Лукино¹⁴, Старокопнинская IV («У вилки дорог»)¹⁵; в Соболевско-Скнятинскую группу — поселения Скнятинских дюн¹⁶, Соболево I¹⁷, III, V, VII¹⁸; в Угличско-Копринскую — Золоторучье III (нижние слои), Богоявление¹⁹, Алтыново (верхний слой)²⁰, Коприно²¹; в Ярославско-Костромскую — стоянка Устье²²; в Гремячскую группу — Гремячее²³, в Рязанско-Звенигородскую — стоянка Борки²⁴, в Муромско-Тезскую — поселение Ели Бор²⁵; во вновь намеченную Вазузско-Старицкую группу входят стоянки Высокино II и VI²⁶, Журавец I²⁷.

Такое расположение стоянок скорее всего вызвано особенностями экономики эпохи мезолита — необходимостью для каждого хозяйственного коллектива иметь постоянную охотничью территорию. При этом раннемезолитических стоянок значительно меньше, чем позднемезолитических, и расположены они на гораздо большем расстоянии друг от друга. Это свидетельствует о большей площади охотничьих территорий в эпоху раннего мезолита, что, вероятно, объясняется охотой на северного оленя в раннем мезолите и на лесную фауну — в позднем. Возможна и вторая причина увеличения числа стоянок в позднемезолитическое время — демографическая (количественное увеличение населения).

Для всех групп стоянок волго-окской мезолитической культуры характерно наличие определенных общих элементов: наконечники стрел на пластинках или отщепках, скребки концевые или (реже) подокруглые, резцы боковые и угловые, различные скребки, проколки, вкладыши, ножи, топоры, тесла и т. д. Эти элементы в тех или иных количественных и качественных сочетаниях повторяются во всех указанных группах стоянок. О тесных связях между группами свидетельствуют и другие факты, например общность кремневого сырья. Так, старицко-вазуский диловато-розоватый ме-

¹¹ Л. В. Кольцов. Бутовская мезолитическая стоянка. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 81—85; он же. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. КСИА, вып. 117, 1969, стр. 61—77; он же. Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.). КСИА, вып. 126, 1971, стр. 87—93.

¹² Д. А. Крайнов. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь. КСИА, вып. 131, 1972, стр. 31—38.

¹³ Л. В. Кольцов. Раскопки в Ярославской и Калининской областях. «Археологические открытия 1970 г.», М., 1971, стр. 38.

¹⁴ О. Н. Бадер, Л. В. Кольцов. Древнейшие стоянки в окрестностях Калинин (в печати).

¹⁵ Д. А. Крайнов. Исследования Верхневолжской экспедиции. «Археологические открытия 1970 г.», стр. 36; он же. Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях. «Археологические открытия 1971 г.», М., 1972, стр. 50.

¹⁶ П. Н. Третьяков. Указ. соч.

¹⁷ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Указ. соч.

¹⁸ Л. В. Кольцов. Раскопки в Ярославской и Калининской областях, стр. 37—38; он же. Раскопки у дер. Соболево. «Археологические открытия 1971 г.», стр. 50—51.

¹⁹ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 4—6.

²⁰ Л. В. Кольцов. Мезолитический слой стоянки Алтыново. КСИА, вып. 131, 1972, стр. 87—90.

²¹ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Указ. соч., стр. 149—150; П. Н. Третьяков. К вопросу об эппалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. СА, V, 1940, стр. 103; он же. Эппалеолитические поселения..., стр. 15, 16; Л. В. Кольцов. Стоянка у с. Коприно...

²² П. Н. Третьяков. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья. МИА, № 110, 1963, стр. 16—19.

²³ М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее.

²⁴ М. З. Паничкина. Указ. соч.; В. И. Зубков. Указ. соч.

²⁵ М. В. Воеводский, П. И. Борисковский. Указ. соч.; Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Ели Бор.

²⁶ Л. В. Кольцов. Исследование памятников каменного века на р. Вазуза. «Археологические открытия 1971 г.», стр. 61—62.

²⁷ В. П. Степанов. Стоянка-мастерская позднего мезолита в Верхнем Поволжье. «Археологические открытия 1970 г.», стр. 48—49.

ловой кремень проникает вниз по Волге до Угличско-Копринской группы. Однако, несмотря на общее сходство отдельных групп памятников, между ними существуют некоторые различия, что позволяет в какой-то мере отождествить понятия «локальная группа» и «локальный вариант». Конечно, в такой небольшой статье вряд ли возможна детальная разработка локальных вариантов волго-окской культуры. Да и само состояние изученности материала позволяет их только наметить. Такая разработка — дело будущего.

Уместно проследить эти различия по отдельным хронологическим ступеням нашей периодизации²⁸. Для удобства сравнения и пользования материалом мы свели все указанные стоянки в таблицу.

Таблица
Группы мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья

Хронологический этап	Вазузско-Старицкая	Калининско-Бутовская	Соболевско-Скнятинская	Угличско-Копринская	Ярославско-Костромская	Гремячская	Рязанско-Звенигородская	Муромско-Тезская
IV	Высокино II Высокино VI	Старокопнинская IV Черная Грязь I Дмитровское I Пищалкино	Скнятино Соболево I Соболево V Соболево VII	Золоторучье III (верхний мезолитический слой) Богоявление, Алтыново (верхний слой) Коприно (верхний слой)	Устье		Борки	
III		Лукино	Соболево III (нижний слой)	Золоторучье III (средний мезолитический слой)				Ели Бор (средний слой)
II		Бутово		Золоторучье III (нижний мезолитический слой) Коприно (нижний слой)		Гремячее I		
I								Ели Бор (нижний слой)

Раннемезолитические памятники представлены в четырех группах²⁹. Материалы четырех из пяти стоянок опубликованы, поэтому мы не будем

²⁸ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 1965, № 4, стр. 19—21; он же. Мезолит Волго-Окского междуречья, стр. 11—12.

²⁹ В данной статье для сравнения групп мы включаем нижний слой Ели Бора во второй этап нашей периодизации, хотя продолжаем считать его самым ранним памятником мезолита Волго-Окского междуречья.

останавливаться на их полной характеристике. Различия между группами заметны уже в характере заготовок для орудий. Так, в нижнем слое Елина Бора только 10% орудий изготовлено из ножевидных пластин, в то время как в нижнем слое Коприна — 61,6%, в Бутове — 72,1, в Гремячем I — 75,6%³⁰. Отчетливо заметны качественные различия в составе инвентаря: так, наконечники Бутова, изготовленные на ножевидных пластинах, имеют четкую и правильную форму (в этом комплексе встречен один наконечник со скошенным ретушью концом), наконечники же других стоянок асимметричные, при этом в Коприне они на пластинах, а в Гремячем и Елином Боре — на отщепках. Наконечники Гремячего и Елина Бора различны по технике обработки. Характерно соотношение скребков и резцов: в Бутове их соответственно 40 и 105, в Елином Боре — 10 и 3, в Коприне — 10 и 12, в Гремячем I — 3 и 7. Любопытен и качественный состав этих категорий орудий: если в Бутове, Елином Боре и Гремячем преобладают концевые скребки, то в Коприне они составляют меньше половины скребущих орудий. В Бутове и Елине Боре преобладают резцы с поперечной или косой ретушью на конце, в Коприне и Гремячем — резцы на углу сломанной пластинки. В Бутове хорошо представлена вкладышевая техника, в Коприне найден всего один вкладыш, а в Елином Боре и Гремячем их нет совсем. Пластины со скошенным или затупленным ретушью концом есть только в Бутове. Только здесь встречены и ножи на ножевидных пластинах. Комбинированные орудия имеются в Бутове и Коприне, однако в Бутове они разнообразнее (резцы объединяются со скребками, скобелями, ножами и т. д.), тогда как в Коприне всегда это только скребки-резцы.

Как видно из изложенного, различия между памятниками достаточно показательные, однако есть и сходство.

К третьему этапу в нашей таблице отнесены стоянки Лукино (Калининско-Бутовская группа), Соболево III — нижний слой (Соболевско-Скнятинская группа), Золоторучье III — средний мезолитический слой (Угличско-Копринская группа), Елин Бор — средний слой (Муромско-Тезская).

Сравнивая их, можно убедиться в существовании различий. Так, если в Соболево III почти 90% орудий сделано на пластинах (при этом достаточно совершенных), то в Лукине и Елином Боре соответственно 60 и 63,9%. Если в Лукине и Елином Боре преобладают наконечники стрел на пластинах со слабо выделенным черешком, то в Соболево — с четко выделенным. В Лукине и Соболево доминируют концевые скребки, в Елином Боре — округлые; если в Елином Боре вкладыши составляют 41,5% всех орудий, то в Лукине и Соболево соответственно только 13,4 и 18,2%. Наконец, в Елином Боре есть топоровидное орудие, в Соболево и Лукине их нет совсем.

Из сказанного следует вывод, что на третьем этапе различий значительно меньше. Однако это можно отнести, вероятно, за счет меньшего числа раскопанных стоянок и за счет отсутствия сведений о материалах Золоторучья III, пока не опубликованных.

К четвертому этапу относится уже значительное число раскопанных стоянок. Поэтому целесообразнее здесь сравнивать не памятники, а группы их, так как внутри группы стоянки различаются лишь в деталях. Можно сопоставлять шесть групп, так как в Гремячской и Муромско-Тезской группе пока нет раскопанных памятников этого времени (рис. 2).

Итак, при сравнении выясняется, что индустрия ножевидных пластин больше развита в Соболевско-Скнятинской, Ярославско-Костромской и

Мезолит

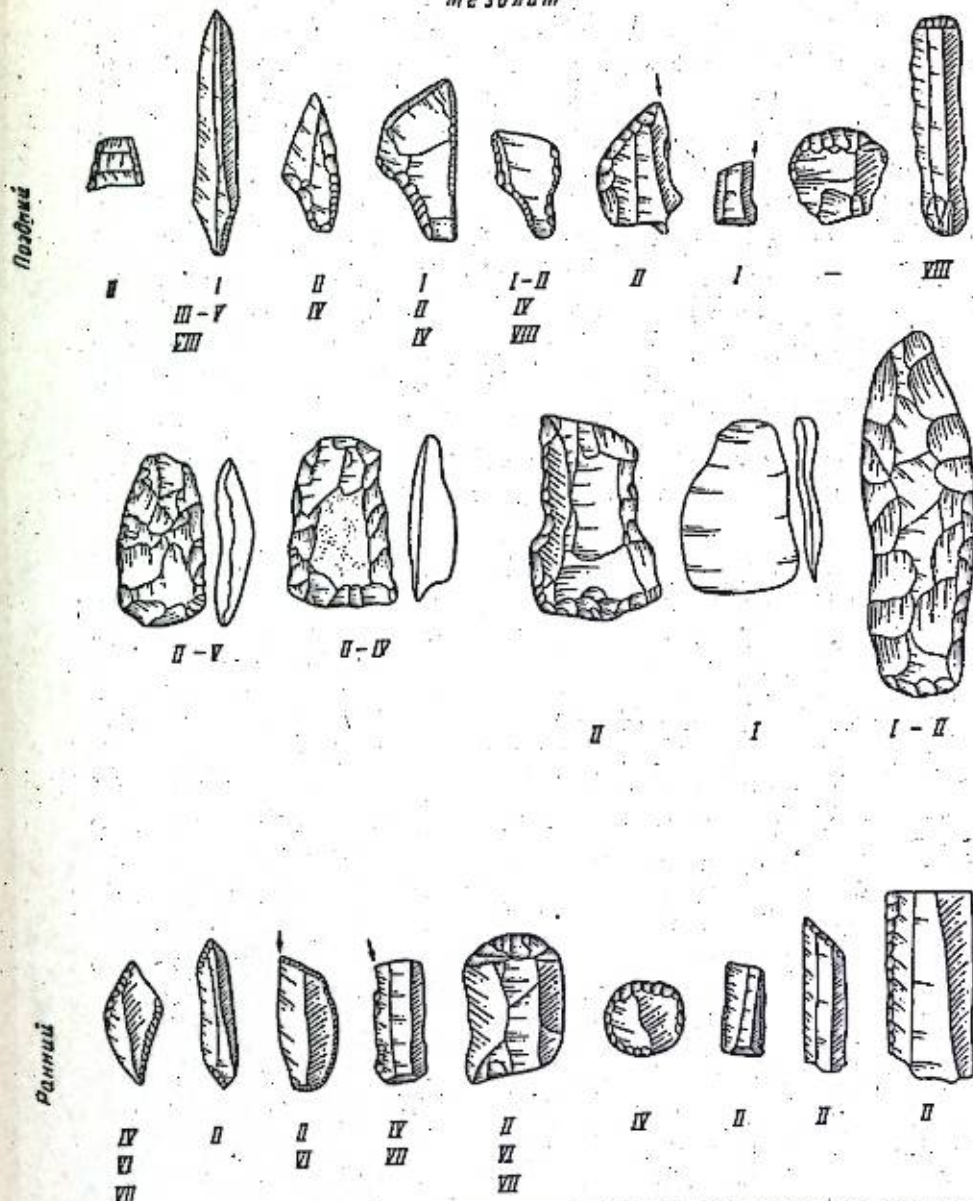

Рис. 2. Основные типы орудий различных локальных групп волго-окского мезолита. Цифры под рисунками соответствуют номерам групп на карте

Рязанско-Звенигородской группам, в то время как в Вазузско-Старицкой и особенно Калининско-Бутовской и Угличско-Копринской группах она развита значительно слабее. В последних двух группах преобладают асимметричные наконечники стрел, изготовленные на отщепках, тогда как в других группах господствуют наконечники стрел на пластинах с четко выраженным черешком. В Соболевско-Скнятинской и Ярославско-Костромской группах отсутствуют наконечники стрел с поперечным лезвием, которые есть в остальных группах. Вкладыши алтыновского типа есть только в Вазузско-Старицкой, Калининско-Бутовской и Угличско-Копринской группах. Только на одной стоянке Калининско-Бутовской группы (Дмитровское I) найдены впервые в Верхнем Поволжье трапеции (рис. 3).

Среди резцов в Калининско-Бутовской группе преобладают косоретушные и поперечноретушные, в остальных группах — на углу сломанной пла-

³⁰ Материал стоянок Золоторучье III и Богоявление, раскапывавшихся Д. А. Крайновым, полностью еще не опубликован. Поэтому мы не можем его использовать, хотя Д. А. Крайнов любезно предоставил возможность познакомиться с ним.

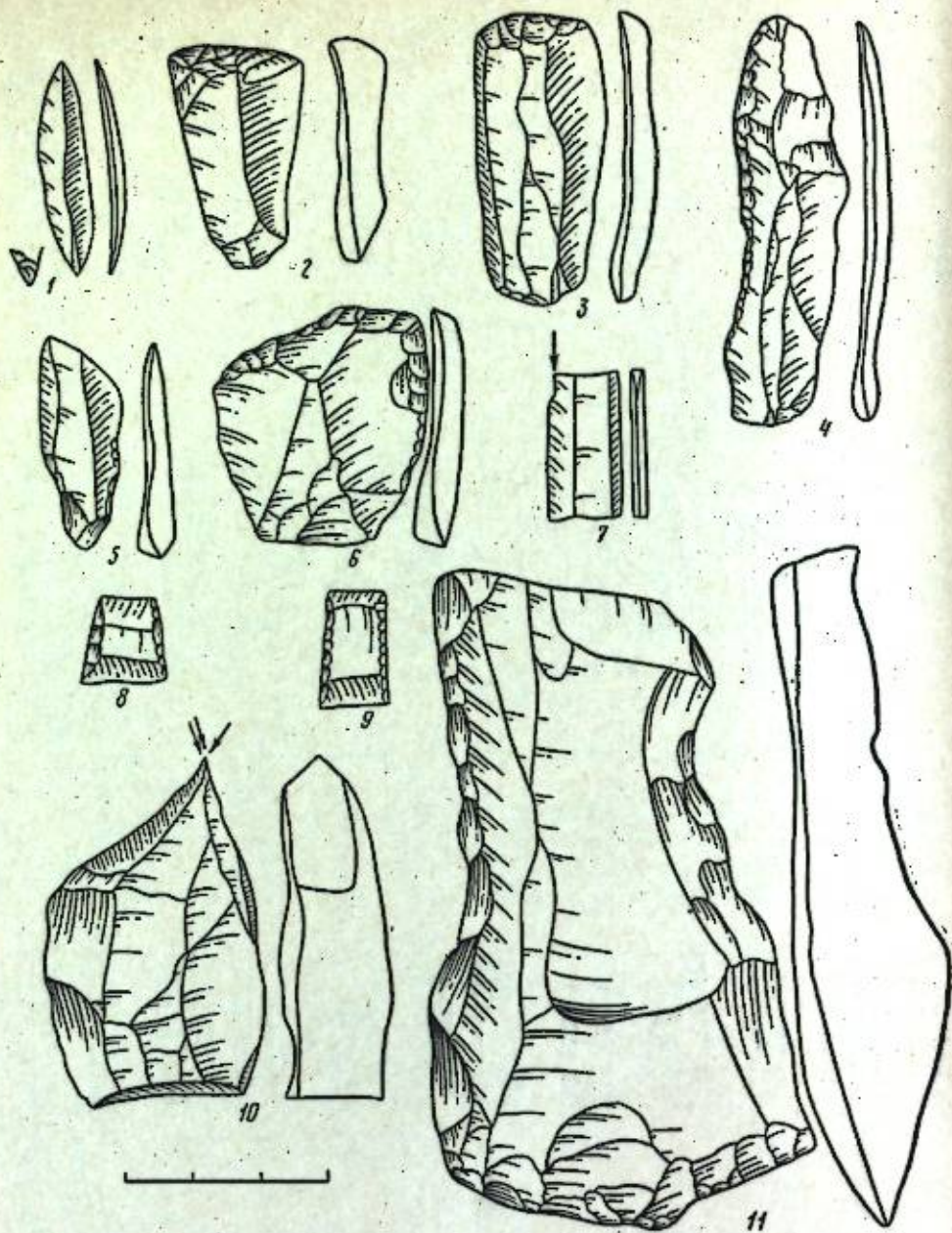

Рис. 3. Стоянка Дмитровское I. Каменный инвентарь с трапециями

стинки. Очень существенны различия, прослеживающиеся в рубящих орудиях: в Рязанско-Звенигородской группе их нет совсем, а в Соболевско-Скнятинской, Ярославско-Костромской группах они представлены только топорами прямоугольной формы, в Угличско-Копринской группе наряду с такими топорами есть еще и тесла с высокой спинкой. Рубящим орудиям Вазузско-Старицкой и Калининско-Бутовской групп свойственна иная форма и количественное соотношение. В Вазузско-Старицкой группе преобладают топоры и тесла, изготовленные на отщепе (при этом брюшко остается без обработки), есть также пиковидные орудия; в Калининско-Бутовской группе встречены примерно в равной пропорции пиковидные формы, топоры и тесла прямоугольные, трапециевидной формы и с перехватом.

Таким образом, и на последнем этапе волго-окского мезолита существуют различия между локальными группами.

Вероятно, на ранних этапах различия были связаны со сложением волго-окской культуры. В этом процессе принимали участие, по-видимому, посетители по крайней мере трех культур: местной палеолитической, финального палеолита Десны (Тимоновка) и потомки свидерской культуры. Различия в локальных вариантах мезолита связаны с разной долей участия тех или иных элементов в сложении этих вариантов. Так, например, если Бутовская стоянка дает четкие следы влияния свидера и палеолита Десны, то в Гремячем прослеживается влияние свидера, в нижнем слое Елина Бора больше, чем других элементов, — влияние палеолита Десны, в нижних слоях Коприна и Золоторучья III превалирует местный, верхневожский палеолит.

На следующих этапах в развитии данных групп сказывается традиция, поэтому различия между ними остаются. Новые группы³¹, по-видимому, образовались уже путем отделения от ранее существовавших. Так, в Ярославско-Костромской и Соболевско-Скнятинской группах чувствуется влияние Угличско-Копринской и Муромско-Тезской. В Вазузско-Старицкой группе наряду с влиянием Калининско-Бутовской ощущается влияние мезолитической культуры бассейна Верхнего Днепра. Конечно, нельзя сказать, что группы мезолита Волго-Окского междуречья не избежали взаимовлияния и, вероятно, влияния других культур (появление трапеций в Калининско-Бутовской группе). Мы разумеется, не претендуем на окончательное решение этой проблемы: новые находки, вероятно, помогут раскрыть ее значительно глубже.

³¹ Соболевско-Скнятинская, Ярославско-Костромская и др.

А. А. ФОРМОЗОВ

О СООТНОШЕНИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ
И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР КАВКАЗА

Неолитическая эпоха по-прежнему остается наименее исследованным периодом в истории Кавказа. Значительный материал для ее характеристики имеется только со стоянок причерноморских районов. Совершенно неясен облик неолитической культуры в Армении, большей части Азербайджана, центральной части Северного Кавказа.

Судя по типам каменных орудий, можно говорить о сложении неолитической культуры Западного Кавказа на основе местного мезолита и палеолита. Гораздо труднее решить вопрос, существует ли такая преемственность между неолитическими и энеолитическими культурами. Открытие целого пласта энеолитических памятников типа Шулаверы — Шому-тепе, предшествующих ранее выявленному куро-араксинскому, позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения неолита и энеолита Кавказа.

О неолите Западного Кавказа до недавнего времени приходилось судить по подъемным материалам из Кистрика и Одиши в Причерноморской полосе. За последние годы здесь же было раскопано несколько стоянок, давших бесспорные комплексы находок: нижнешиловское поселение около Адлера¹, Мицисцихе и Анасеули в районе Махарадзе² и особенно важный пещерный памятник Самеле-кладе на р. Джручула в Имеретии³.

Всюду мы видим логическое продолжение развития микролитической кремневой индустрии, начавшегося еще в верхнем палеолите. В Самеле-кладе преемственность в развитии документируется, в частности, непосредственным смыканием мезолитических и неолитических слоев. Во всех стоянках много геометрических орудий мезолитического типа — главным образом трапеций, в меньшей мере — треугольников и сегментов. Среди вкладывшейся появляются такие поздние формы, как трапеции со струганной спинкой, а к микролитическим орудиям добавляются двустороннеобработанные и полированные клиновидные топоры и керамика. Это плоскодонные баночные сосуды, обычно без орнамента, реже с насечками по краю и нарезным слочным узором, покрывающим вертикальными зигзагами отдельные участки стенок сосуда, а не всю его поверхность.

Чрезвычайно важен вопрос, оставлены ли эти памятники еще охотниками или уже скотоводами и земледельцами. В Нижнешиловской сто-

янке, Кистрике, Анасеули и Мицисцихе костные остатки не сохранились. Нет там и каких-либо явно земледельческих орудий. Правда, в Одиши, Кистрике и Мицисцихе на поверхности пахоты были подняты зернотерки, но они могут относиться и к более позднему времени, подобно некоторым другим случайным примесям к коллекциям. В комплексе Нижнешиловской стоянки, полученном при раскопках, ни одного обломка зернотерки нет. Поэтому приходится считать недоказанным предположение о земледельческом характере неолитических стоянок Кавказского Причерноморья, высказанное применительно к Кистрику А. Н. Соловьевым и по отношению к памятникам в районе Махарадзе — А. Д. Небиеридзе⁴.

В Самеле-кладе сохранились костные остатки, но все они принадлежат диким животным — благородному оленю, горному козлу, медведю. Единственная кость домашнего быка найдена в верхней части слоя и, по мнению исследователя пещеры Д. М. Тушабрамшвили, не связана с неолитическим комплексом. В той же верхней части слоя встречен и медный стержень, что указывает на связь этой части отложений уже с энеолитическим временем. Неолитический слой в Самеле-кладе мощный, до 2 м толщиной, так что нельзя думать, будто это следы кратковременной остановки группы охотников, принадлежавших к общине, знавшей скотоводство. В то же время и в неолитическом, и даже в мезолитическом слоях Самеле-кладе есть ряд роговых мотыговидных орудий. Конечно, они могли служить и собирателям пищи для выкапывания диких растений, но показательно, что точно такие же предметы обнаружены уже в явно земледельческих памятниках тех же самых районов. Приходится все же помнить, что ни по археологическим, ни по этнографическим материалам мы не знаем обществ, у которых было бы развито только земледелие и не существовало никакого домашнего скота.

При раскопках среднего неолитического слоя Каменноостской пещеры в бассейне р. Белой вместе с микролитическими кремневыми орудиями и глиняными сосудами баночных форм найдены кости как диких (благородный олень, козуля, медведь, заяц-русак, лесная кошка, выдра, барсук), так и домашних животных (бык, коза или овца, свинья и собака — определения В. И. Цалкина). Число костей невелико, тем не менее на основании этих материалов мы вправе говорить о скотоводстве в неолите Прикубанья. Существенно и то, что в энеолите того же района 96% костных остатков принадлежит домашнему скоту (поселение Мешоко майкопской культуры)⁵. Это заставляет отнести возникновение скотоводства к более раннему времени.

Таким образом, производящее хозяйство в неолите Кавказа, видимо, уже складывалось, но речь может идти лишь о первых шагах к обработке земли и содержанию домашних животных, а отнюдь не о кардинальных переменах в системе хозяйства, не о «неолитической революции». Неолит Западного Кавказа, такой, каким мы его сейчас знаем, выглядит прямым наследником местного мезолита, а не качественно новым явлением.

Особняком стоят материалы из неолитических слоев близ известных Кобыстанских наскальных изображений в Азербайджане. Здесь, на горе Беюк-даш, в 40 км к югу от Баку, в убежищах под скалами с рисунками Д. Н. Рустамов вскрыл мощную толщу отложений — 3—4 м культур-

¹ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 129—147.

² А. Д. Небиеридзе. Ранне-неолитический памятник в Анасеули. «Труды Ин-та истории АН Груз. ССР», т. VII, 1964, стр. 151—181 (на груз. яз.); она же. Неолит Западной Грузии. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1967.

³ А. Глонти, А. Джовахишвили, Я. Киквидзе, Д. Тушабрамшвили. Некоторые итоги полевых работ Урбинской и Квирильской экспедиций. «Вестник Музея Грузии», XXV. Тбилиси, 1968, стр. 7—8.

⁴ А. Д. Небиеридзе. Неолит Западной Грузии, стр. 17; А. Н. Соловьев. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа — Нижнешиловское и Кистрик. «Материалы по археологии Абхазии». Тбилиси, 1967, стр. 26—27.

⁵ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 57; он же. Каменноостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье. МИА, № 173, 1971, стр. 107—112; В. Г. Котович («Каменный век Дагестана». Махачкала, 1964, стр. 207) упоминает о находке костей домашнего быка на неолитической стоянке Малли-Карат в Дагестане. Однако, судя по рисункам найденных там предметов, она может относиться и к энеолиту.

ных слоев. Нижняя их часть содержала только кремневые орудия и кости животных, в верхних 1,5 м вместе с кремневыми орудиями, похожими на найденные в нижнем слое, встречались и керамика. Каменный инвентарь из обоих слоев аналогичен. Это мелкие, тщательно обработанные карандашевидные нуклеусы, микропластинки и орудия из них: острия с притупленным краем, прямо и косо срезанными концами, орудия в виде низких асимметричных треугольников, пластинки с выемчатым рабочим краем, концевые скребки, редкие сегменты, трапеции и резцы. Перед нами — типичный позднемезолитический инвентарь в восточнокавказском его варианте, для которого более характерны вкладыши в виде треугольников, чем сегменты и трапеции. Вполне естественно сохранение тех же типов орудий и в раннем неолите, когда появилась керамика. Облик ее иной, чем в Причерноморской полосе Кавказа. Найдено острое днище сосуда. В глиняном тесте заметны выгоревшие растительные примеси, стенки горшков не орнаментированы, но иногда заглажены травой. Приближается к керамике Одиши и Самеле-кде только один фрагмент венчика с насечками по ободку. Фауна из этих слоев принадлежит исключительно диким животным — кулану (50% костных остатков), джейрану, быку, горному козлу, лисе, волку, тюленю и птицам (определения Д. В. Гаджиева)⁶. Раскопки в Кобыстане говорят о том, что мезолит и ранний неолит Восточного Кавказа характеризовались еще присваивающим хозяйством. Облик наскальных изображений, связанных с этими слоями и частично ими перекрытых, очень архаичен. Во многом они перекликаются с палеолитическим искусством и во всяком случае не имеют ничего общего с искусством древнейшей Передней Азии. Важно своеобразие керамики с горы Беюк-даш по сравнению с найденной в Причерноморской полосе Кавказа. Сосуды из Кобыстана напоминают скорее остродонные неорнаментированные горшки из пещеры Джебел на Красноводском полуострове на противоположном, восточном берегу Каспийского моря⁷. Видимо, в это время уже наметились различия в путях развития культуры Западного и Восточного Кавказа, неоднократно отмечавшиеся археологами для позднейшего времени.

В кремневом инвентаре западнокавказских стоянок улавливается ряд черт, присущих и натуфийским кремневым орудиям Палестины, — сегментовидные вкладыши с двусторонней обработкой по краю (не характерные ни для одного района распространения геометрических орудий в СССР), пластинки с выделенной двумя ретушированными выемками головкой-черешком. Сегменты, обработанные ретушью по дуге с двух сторон, есть и в верхних слоях Шанидара в Ираке⁸. Эти параллели, вероятно, отражают первый этап влияния древнейших земледельческо-скотоводческих культур Ближнего Востока на Кавказ, с чем, может быть, связано и появление домашнего скота в Каменномостской пещере, и (если мы примем это предположение) навыков земледелия в Самеле-кде. Влияние это, однако, едва заметно, и решающий шаг к переводу хозяйства на новые пути в мезолите и неолите Кавказа сделан не был.

Иное видим мы в энеолите. До недавнего времени эта эпоха на Кавказе характеризовалась памятниками так называемой куро-араксинской культуры. Комплекс находок на куро-араксинских поселениях не давал практически никаких точек соприкосновения с неолитом Восточного При-

черноморья. Среди каменных орудий с этих поселений совершенно нет микролитических и геометрических форм. Редки и клиновидные топоры. Преобладают двустороннеобработанные вкладыши для серпов. Высококачественная чернолощенная керамика с изогнутыми стенками и рельефным криволинейным орнаментом резко отличается от примитивной баночной посуды Одиши или Нижней Шиловки. Многочисленные данные о земледелии, скотоводстве, металлургии меди (а возможно, и сплавах меди с мышьяком), о глинобитных жилищах на поселениях типа теллей свидетельствуют о принципиальной отличии куро-араксинской культуры от неолита Закавказья. В связи со всем этим в своей книге 1959 г. я писал о приходе нового населения на Кавказ, об отсутствии связей между местным неолитом и энеолитом⁹.

За последние десять лет в результате целенаправленных исследований закавказских археологов (большую роль сыграли здесь и разведки А. А. Иссена в Азербайджане) характеристика энеолита Закавказья должна быть существенным образом изменена. Выявлен целый пласт памятников, предшествовавших куро-араксинским и в отличие от них относящихся не к заключительным этапам энеолита или даже к заре бронзового века, а к раннему и развитому энеолиту. Это поселения шому-тепийского типа в Азербайджане, шулаверского типа в Восточной Грузии и их аналоги в Армении и прилегающих к южной границе Советского Закавказья районах Анатолии и Северного Ирака. Перед нами, безусловно, земледельческие поселения. При раскопках их обнаружены остатки многорядного и двухрядного ячменя, твердой и мягкой пшеницы (поселения Техут, Шому-тепе I, Шенгавит I), полбы и проса (Кюль-тепе I, Арухло). Наряду с земледелием было развито и скотоводство. Кости быка, свиньи, мелкого рогатого скота встречаются в изобилии. Преобладает по числу особей крупный рогатый скот (Шулавери, Имрис-гора, Кюль-тепе I)¹⁰. Поселения принадлежат по типу к теллям, тепе. Это холмы, возникшие в результате периодической постройки новых глинобитных жилищ на развалинах старых. Мощности культурного слоя на поселениях в связи с этим очень велика: в Шулавери — 6 м, на Нахичеванском Кюль-тепе — 9 м. В Шулавери и Арухло изучены глиняные круглопланые постройки. Применялся уже и кирпич planoconvexных форм. Была известна медь (Кюль-тепе, Геой-тепе, Техут).

Имеется серия радиоуглеродных датировок для памятников этого круга: Шому-тепе — 5560 ± 70 лет до н. э., Шулавери — 4675 ± 210 , Тойре-тепе — 4295 ± 125 , Шулавери — 3970 ± 300 , Пиждели-тепе — 3857 ± 88 , Кюль-тепе I — 3820 ± 90 , Пиждели-тепе — 3666 ± 165 и 3502 ± 160 , Геой-тепе — 3300 лет до н. э.¹¹ Таким образом, поселения относятся к VI, V, а в основном к IV тысячелетию до н. э.

В материальной культуре этой группы памятников обнаруживаются определенные соответствия с находками как на более ранних неолитических стоянках, так и на более поздних — куро-араксинских. На нескольких поселениях шулаверско-шому-тепийские слои перекрываются куро-араксинскими (Кюль-тепе в Нахичевани, Абелия, Тетрицкаро, Баба-дервиш). Особенности глинобитных построек, очагов, некоторые формы керамических сосудов, сложившиеся в шому-тепийское время, получили дальнейшее развитие в куро-араксинских поселениях.

Как доказательство связей с неолитом Закавказья могут быть названы другие черты. На западных поселениях шому-тепийского типа

⁶ Д. Н. Рустамов. Результаты археологических раскопок 1965 г. в Кобыстане. «Тезисы докладов II Научной конференции аспирантов Ин-та истории АН Азерб. ССР». Баку, 1966, стр. 3—5 (на азерб. яз.); А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 43, 44; Коллекции из раскопок хранятся в Кобыстанском заповеднике АН Азерб. ССР.

⁷ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», VII, 1956, рис. 62—64.

⁸ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 57—59, рис. 25, 27.

⁹ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 110.

¹⁰ К. Х. Кушнарса, Т. Н. Чубикишвили. Древние культуры Южного Кавказа (IV—III тысячелетия до н. э.). Л., 1970, стр. 36.

¹¹ К. Х. Кушнарса, Т. Н. Чубикишвили. Указ. соч., стр. 171.

кремневая индустрия сохраняет тот же, что и в неолите, пластинчатый микролитический характер. На поселении Цопи в Грузии найдены, в частности, сегментовидные орудия и микрорезы¹². Похожи на костяные и роговые изделия из Самеле-кладе и соответствующие предметы с шомутепинских памятников. В Шому-тепе и Тойре-тепе встречены также каменные шарики для пращи, в большом числе собранные и при раскопках Нижнешиловской неолитической стоянки¹³. Среди керамики шому-тепинских поселений представлены сосуды баночной формы, сходные по пропорциям с сосудами Одиши, Нижней Шиловки, Каменноостской пещеры и Самеле-кладе. Такие архаичные формы мы увидим и в Грузии, и в Армении, и в Азербайджане (Шому-тепе, Тойре-тепе, Баба-дервиш I, Маштроц-блур)¹⁴. На сосудах из Шулаверн нанесен такой же елочный орнамент, как в Одиши, — вертикальные зигзаги, не покрывающие всей поверхности сосуда¹⁵. В неолитическом же слое Самеле-кладе помимо баночных сосудов с насечками по ободку венчика, близких к найденным в Одиши, есть и горшки с суженным горлом и вздутым туловом, что уже напоминает керамику Цопи и Шому-тепе¹⁶. Все это позволяет говорить о каких-то местных корнях энеолитической культуры Кавказа.

В то же время разрыв между неолитом типа Одиши—Нижней Шиловки и шому-тепинскими памятниками остается очень большим. В первой группе поселений мы с трудом разыскивали далеко не четкие указания на производящее хозяйство. Во второй оно имеет вполне сложившийся облик и характеризуется использованием почти всех известных в то время домашних животных и растений. Тип поселений, возникновение теллей, появление кирпичных круглопланных построек никак не подготовлены предшествующим развитием культуры кавказских племен. Поэтому надо согласиться с К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили, которые, отметив связи с местным неолитом, решающее значение придают все же влиянию передовых южных районов. Оттуда пришли и навыки строительства, и плано-конвексные формы кирпича, и даже такие характерные перднеазиатские вещи, как печати.

К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили делят памятники шому-тепинского круга на две группы — западную и восточную. При этом восточная, азербайджанская, в отличие от западной не обнаруживает никаких точек соприкосновения с местным неолитом (Нахичеванское Кюль-тепе, Шому-тепе и др.). Как мы помним, неолит горы Беюк-даш выглядит более архаично, чем неолит Самеле-кладе и Каменноостской пещеры. Создается впечатление, что связи с древнейшими земледельческими культурами Передней Азии затронули в неолите только западные, причерноморские, районы Кавказа, но не восточные. В дальнейшем, в энеолите, в Закавказье продвинулись с юга племена земледельцев и скотоводов, обладавших более высокой культурой, чем аборигены Кавказа. В западной полосе Закавказья эти племена слились с достаточно подготовленными к восприятию нового племенами, оставившими памятники типа Самеле-кладе, быть может, уже знакомыми с земледелием. На востоке они встретились с охотниками, вроде тех, что обитали на горе Беюк-даш, и полностью вытеснили или поглотили их.

Шому-тепинская культура охватывает менее обширную область, чем куро-араксинская. Хотя следы первой обнаружены недавно в горах Да-

гестана (Гинчи), все же на Северный Кавказ она, видимо, не проникла. Распространение самой куро-араксинской культуры не затронуло северо-запад Кавказа, где в III тысячелетии до н. э. существовал мощный очаг скотоводческой майкопской культуры. По сути дела, и в причерноморской части Грузии облик энеолитических памятников достаточно специфичен. Вместо типичных куро-араксинских поселений мы видим здесь памятники типа Сачхере и Очамчиры. Из энеолитических культур Западного Кавказа лучше других знаем мы теперь майкопскую. Благодаря многочисленным находкам медных изделий в курганах Прикубанья, тщательно проанализированных А. А. Исесенем, датировка этой культуры сейчас уже не вызывает сомнений. Это III тысячелетие до н. э., скорее — вторая его половина¹⁷.

В то же время в комплексах майкопской культуры из Прикубанья в могилах (Майкопский курган) и в поселениях (Мешоко, Ясенова поляна) найдены типичные геометрические орудия мезолитического облика в виде сегментов, иногда и с двусторонней обработкой по краю, как в Нижней Шиловке¹⁸. На поселении майкопской культуры на р. Аликоновке под Кисловодском обнаружены костяные стержни с кремневыми пластинками в пазах, такие же, как в мезолитических слоях Сосруко и неолитических — Самеле-кладе¹⁹. Каменные шарики для пращи тоже встречаются в энеолитических памятниках Прикубанья, вплоть до самых поздних (Мешоко, курганы Новосвободной, некоторые дольмены)²⁰. Исходя из этих наблюдений можно предположить, что при своем расселении с юга передовые земледельческие племена не дошли до северо-запада Кавказа, где продолжалось развитие местных племен в традициях, сложившихся еще в мезолитическую и энеолитическую эпохи. Достижения передовых культур были восприняты и здесь. Появилось скотоводство и в меньшей мере — земледелие. Ряд черт инвентаря майкопских памятников — лощеная тонкостенная посуда с криволинейным орнаментом, каменные браслеты и т. д. — явно связывается с югом, но архаичные, местные черты проступают здесь гораздо отчетливее, чем в Закавказье.

В этом контексте важное значение приобретает вопрос о среднем слое Каменноостской пещеры, содержащем кости домашних животных. Хотя во многом этот комплекс близок к материалам Одиши, Нижнешиловской стоянки, Самеле-кладе (микролитический кремневый инвентарь, баночные сосуды), не исключено, что он моложе их и одновременен уже шому-тепинским поселениям. Геометрические орудия отсутствуют и в куро-араксинских, и во всех (кроме Цопи) шому-тепинских поселениях, но весьма многочисленны в памятниках III тысячелетия до н. э. в Прикубанье (в одном Мешоко сегментов более 200). Поэтому вполне возможно, что архаичная неолитического облика культура типа среднего слоя Каменноостской пещеры существовала в Прикубанье дольше, чем в Закавказье, и именно этим объясняется наличие здесь домашнего скота, отсутствующего в Самеле-кладе.

¹⁷ А. А. Исесен. К хронологии Больших кубанских курганов. СА, XII, 1950, стр. 157—200; он же. Майкопская культура и ее датировка. «Тезисы докладов на заседаниях Отделения исторических наук АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г.», М., 1962, стр. 19—22.

¹⁸ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 112, 148.

¹⁹ А. П. Рунин. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. СА, 1967, № 1, стр. 228—233, рис. 3, 5. Ср.: С. Н. Замятин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1935 г. «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института», т. XIII. Нальчик, 1957, рис. 7, 8.

²⁰ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 112.

¹² К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., стр. 32; А. Д. Небисридзе. Неолит Западной Грузии, стр. 15; Т. Н. Чубинишвили. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971, стр. 41.

¹³ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., стр. 54.

¹⁴ Там же, рис. 10, 15.

¹⁵ Там же, рис. 8, 24.

¹⁶ Там же, рис. 18; А. Глонти, А. Джавахишвили, Я. Киквидзе, А. Тушбрамишвили. Указ. соч., табл. VIII.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ФОРМИРОВАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ В БАСЕЙНЕ Р. КАТЫНИ НА СМОЛЕНЩИНЕ

В течение двух полевых сезонов 1969—1970 гг. в смоленском Поднепровье, в бассейне правого притока Днепра р. Катыни были раскопаны четыре неолитических поселения (Катынь 1, 2, 3, 4) и изучены путем сборов с поверхности земли еще четыре стоянки каменного века (Катынь 5, 6, 7 и у дер. Ладыжицы). Этим памятникам посвящены специальные публикации¹, в которых делается попытка установить их относительную хронологию на основании типологического сравнения материала с коллекциями стоянок каменного века смежных территорий и сопоставления находок с катынских поселений между собой.

Эти стоянки можно разделить на три одновременные группы, первая из которых представлена лишь одним поселением — у дер. Ладыжицы, относящимся к эпохе мезолита.

Вторая группа включает два поселения — Катынь 6 и 7, которые относятся к эпохе раннего неолита. Третья группа, состоящая из пяти стоянок (Катынь 1, 2, 3, 4, 5), датируется временем развитого неолита.

Стоянка у дер. Ладыжицы представлена коллекцией, содержащей все признаки мезолитической эпохи: множество ножевидных пластин и их сечений, резцы, концевые и с двумя рабочими краями небольшие скребочки, ножевидные пластины с боковой выемкой и т. п. Подобные изделия характерны для многих мезолитических памятников Волго-Окского междуречья, междуречья Днепра и Дона и других областей.

Стоянки Катынь 1, 2, 3, 4, 5 относятся к развитому неолиту. В пользу такого предположения говорят наличие в их коллекциях керамики, а также состав орудий труда, представленных двустороннеобработанными наконечниками стрел и копий, резчиками, «ложкарями», массивными скреблами, долотами, всевозможными скребками и т. п. Орудия этих типов в лесной полосе европейской части СССР в большом количестве находят именно на стоянках развитого неолита.

Иными оказались материалы поселений Катынь 6 и 7. Первое из них содержит небольшую группу керамики. На втором поселении она отсутствует².

¹ В. П. Третьяков. Исследование неолитических памятников в Верхнем Поднепровье. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970, стр. 48; *он же*. Древности Верхнего Поднепровья. «Археологические открытия 1970 г.», М., 1971, стр. 52—53; *он же*. Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в смоленском Поднепровье. СА, 1972, № 2, стр. 100—109.

² Представляется вероятным, что обитатели этой стоянки умели изготавливать керамику. Но спустя несколько тысяч лет после того, как поселение было покинуто, керамика была уничтожена при вспашке, разрушена водными потоками.

Орудия труда представлены сходными коллекциями. Они содержат черты, близкие, с одной стороны, мезолитическим стоянкам (резцы, ножевидные пластины с боковой выемкой, миниатюрные концевые скребочки, наконечники стрел из ножевидных пластин и другие орудия), а с другой стороны — орудиям, характерным для неолита (скребла из широких отщепов, крупные топоры и долота, проколки из отщепов, различные скребки).

Сопоставление коллекций перечисленных выше памятников между собой позволяет не только говорить о возможности деления их на три одновременные группы, но и поставить вопрос о преемственности развития каменной индустрии в бассейне р. Катыни от мезолита до развитого неолита. С этой целью нами была составлена сравнительная таблица (рис. 1)³, включающая все типы орудий труда эпохи мезолита и неолита, известных в этом микрорайоне. В ее нижнем ряду помещены изделия, найденные при обследовании мезолитической стоянки у дер. Ладыжицы: ножевидные пластины и их сечения, пластинки с выемкой в боковой части, проколки из ножевидных пластин, резцы, микронуклеусы, скребки с двумя рабочими краями, концевые, с высоким профилем, округлые с гранью на спинке, небольшие скобелы и долотца.

В среднем ряду отмечены типы орудий, найденных на ранне-неолитических стоянках Катынь 6 и 7. Состав их отличен от мезолитического. Отсутствуют сечения ножевидных пластин. В этот период обитатели бассейна р. Катыни научились изготавливать крупные скребла и нуклеусы, проколки стали делать не из пластинок, а из отщепов. В то же время мы видим целый ряд изделий, сближающих коллекцию стоянок Катынь 6 и 7 с коллекцией поселения у дер. Ладыжицы (резцы, ножевидные пластины, микронуклеусы, все виды скребков, долота).

В верхнем ряду помещены типы орудий, характерных для поселений, отнесенных нами к развитому неолиту (стоянки Катынь 1, 2, 3, 4, 5). Новыми являются такие изделия, как двустороннеобработанные наконечники стрел и копий, «ложкари», резчики, своеобразные наконечники стрел из пластин, скребки с четырехугольным рабочим краем, которые, по мнению М. Е. Фосса, выполняли двойную функцию — скребков-резчиков⁴.

В то же время можно отметить и черты, сближающие коллекции развитого и раннего неолита. В их числе одинаковые типы проколов, нуклеусы, скребла, рубящие орудия, скобелы и все формы скребков. Больше того, данная таблица показывает определенную преемственность комплексов развитого неолита и от мезолитических материалов. Если на стоянках развитого неолита мы не находим сечений ножевидных пластин, резцов, пластин с выемкой в боковой части, микронуклеусов и т. п., то типы скребков и небольших долот поражают своим сходством.

Все вышесказанное позволяет говорить о формировании неолитической каменной индустрии в бассейне р. Катыни на местной мезолитической основе.

К настоящему времени в Верхнем Поднепровье и в прилегающих к нему районах выявлен целый ряд поселений каменного века с материалами, аналогичными описанным выше. Это — одно из катынских поселений

³ В среднем ряду рисунка изображены скребок со скошенным рабочим краем и наконечник стрелы свидерского типа. На мезолитической стоянке у дер. Ладыжицы изделия этого типа не найдены. Однако они являются характернейшими находками на многих стоянках средней поры каменного века на смежных со смоленским Поднепровьем территориях (см.: «У истоков древних культур. Эпоха мезолита», МИА, № 126, 1966). Поэтому мы полагаем, что они бытовали в эпоху мезолита и в бассейне р. Катыни.

⁴ М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 14—21.

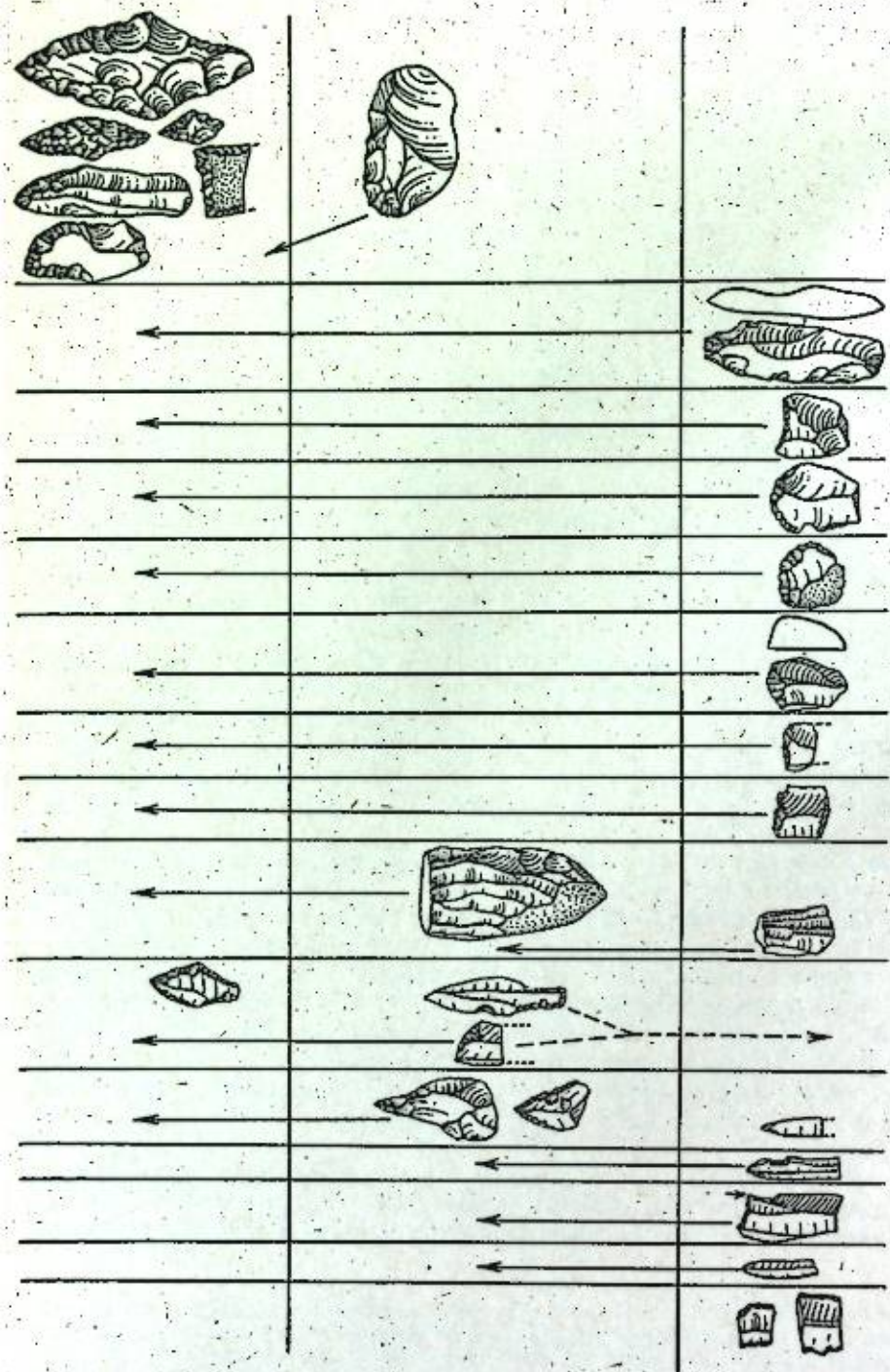

Рис. 1. Формы каменных орудий, бытовавших в бассейне р. Катунь в эпоху мезолита (нижний ряд), раннего неолита (средний ряд) и развитого неолита (верхний ряд). Стрелки показывают продолжительность бытования того или иного типа орудий. Пунктир — возможность бытования изделий определенного типа на каком-либо этапе

Рис. 1. Формы каменных орудий, бытовавших в бассейне р. Катунь в эпоху мезолита (нижний ряд), раннего неолита (средний ряд) и развитого неолита (верхний ряд). Стрелки показывают продолжительность бытования того или иного типа орудий. Пунктир — возможность бытования изделий определенного типа на каком-либо этапе

и стоянка у дер. Ломейково⁵, поселения Верхние и Нижние Немыкари, Дорогобуж, Заборье, Большая Карута⁶, Вороня⁷ и др.

По своим материалам указанные памятники делятся исследователями на две группы. Первая из них (Ломейково, Вороня) содержит материалы, близкие находкам ранне-неолитических стоянок Катунь 6 и 7. Это всевозможные скребки, скребла и скобели, проколки из отщепов, наконечники стрел, топоры и долота, типичные для неолитической эпохи. Но наряду с ними встречаются и орудия иных форм: резцы, ножевидные пластины с боковой выемкой, микроскретки, т. е. орудия, близкие к мезолитическим и находящие себе аналогию в коллекции стоянки у дер. Ладыжицы.

Вторая группа поселений (Верхние и Нижние Немыкари, Дорогобуж, Большая Карута, Заборье и др.) типично мезолитических черт не содержит, за исключением близких к ним скребков и скобелей. Здесь представлены двустороннеобработанные наконечники стрел и копий, скребла, топоры, резчики. Перечисленные моменты, по-видимому, позволяют хронологически сопоставлять данные поселения со стоянками Катунь 1, 2, 3, 4, 5, т. е. с памятниками развитого неолита.

Близость материалов данных двух групп стоянок катунским (неолитическим — второй и третьей) и некоторые аналогии орудий труда этих стоянок изделиям с поселения у дер. Ладыжицы и позволяет, с нашей точки зрения, предполагать (поскольку на всей Смоленщине известна пока всего лишь одна мезолитическая стоянка) возможность формирования неолитической каменной индустрии на местной мезолитической основе не только в бассейне р. Катунь, но и на более обширной территории Смоленщины.

Косвенным подтверждением этому служат наблюдения многих археологов, отмечавших подобное явление в ряде районов европейской части СССР⁸, причем, как подчеркивала М. Е. Фосс, это происходило даже в тех случаях, когда этнический состав населения на той или иной территории не оставался неизменным⁹.

⁵ И. М. Тюрина. К вопросу о неолите Смоленщины. КСИА, вып. 126, 1971, стр. 115—119.

⁶ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. «Научные известия Смоленского гос. ун-та», т. IV, вып. 3. Смоленск, 1927, стр. 219—259.

⁷ Е. А. Шмидт. Археологические памятники бассейна реки Угры в пределах Смоленской области. «Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского ин-та», вып. 2. Смоленск, 1958, стр. 100, 101, 103, 115, 116.

⁸ Д. Я. Телетин. Мезолит Левобережной Украины и его место в сложении днепровско-донецкой неолитической культуры. МИА, № 126, 1966, стр. 99—107; он же. Днепр-донецкая культура. Київ, 1967, стр. 29—36; В. П. Левенок. Мезолит средне-русского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. МИА, № 126, 1966, стр. 88—98; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

⁹ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера...

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. ВЕКИЛОВА

О ЗУБЧАТОМ МУСТЬЕ И ЗУБЧАТЫХ ОРУДИЯХ МУСТЬЕРСКИХ СЛОЕВ АХШТЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Методика изучения массового кремневого материала древнего каменного века, разработанная во Франции Ф. Бордом¹ и М. Бугоном², подняла на новую ступень уровень исследований палеолита. Предложенная французскими учеными система технических и типологических критериев с применением статистики показала несравненно большее разнообразие мустьерских индустрий. На основе материалов Франции был сделан вывод о существовании нескольких вариантов мустье — Шарантского варианта (с подвариантами Кина и Ферраси), мустье с ашельской традицией, мустье типичного (или классического) и мустье зубчатого. Каждый из вариантов документирован серийей памятников, позволяющих представить их развитие во времени и пространстве³. При этом для мустье с ашельской традицией было доказано генетическое развитие из местного ашеля.

Менее детально было охарактеризовано мустье зубчатое, хотя оно и привлекало внимание исследователей⁴. Хуже изученным остается оно и до сих пор: не разработана типология комплексов, тип-лист, предложенный Ф. Бордом, оказался недостаточным для характеристики этих своеобразных индустрий, нет единого мнения по вопросу о взаимоотношении тейяка и зубчатого мустье. Одни исследователи склонны относить к тейяку все комплексы, характеризующиеся преобладанием зубчатых орудий, независимо от техники раскалывания камня. Другие считают зубчатое мустье

¹ F. Bordes. Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de la typologie du Paléolithique ancien et moyen. «L'Anthropologie», v. 54, Paris, 1950, p. 19—34; он же. Typologie du paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.

² F. Bordes, M. Bourgon. Le complexe moustérien. Moustérien, Levalloisien et Tayacien. «L'Anthropologie», v. 55, N 1—2, Paris, 1951, p. 1—23; M. Bourgon. Les industries moustériennes et pré-moustériennes en Périgord. «Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine». Mémoire N 27. Paris, 1957.

³ F. Bordes. Essai de classification des industries «moustériennes». BSPF, v. 50, f. 7—8, 1953; он же. Moustérien cultures in France. «Science», 1961, v. 134; он же. L'évolution buissonnante des industries en Europe occidentale. Considérations théoriques sur le Paléolithique ancien et moyen. «L'Anthropologie», v. 54, N 5—6; Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. М.—Л., 1968; Н. К. Анисюткин. К вопросу о принципе подразделения мустье. МИА, № 173, 1972, стр. 167—172.

⁴ F. Bordes. Le moustérien à denticules. «Archeološki vestnik. Acta archaeologica». Brodariev zbornik XIII—XIV. Ljubljana, 1962—1963, p. 43—49

более широким понятием и включают в него как составную часть тейякские комплексы, забывая о большей древности последних. Третьи, с нашей точки зрения, обоснованно признают полноправное существование первого и второго. Наконец, имеются исследователи, вообще отрицающие тейяк.

За последние годы число памятников этого типа повсеместно возросло, возрос и интерес к ним. К изучению зубчатого мустье и тейяка после Г. А. Бонч-Осмоловского⁵ вновь обратились и советские исследователи. Так, И. И. Коробков⁶ выделил микромустьерский или тейякский комплекс среди материалов Яштуха и с тех пор плодотворно занимается как общими проблемами тейяка, так и разработкой типологии зубчатых индустрий.

В 1964 г. Н. К. Анисюткин⁷ обнаружил и успешно исследует памятники, составившие стинковскую культуру на Среднем Днестре. Открыты первые памятники зубчатого мустье в Азербайджане⁸⁻⁹ и Армении. В. П. Любин опубликовал материалы мустье этого типа Лысой горы вблизи г. Орджоникидзе¹⁰. Д. С. Цвейбель исследует местонахождение Белокузминьорка на юге Украины¹¹. Возобновление раскопок и изучение ранее полученных материалов пещерных стоянок Сочинского Причерноморья (Ахштырская¹², Навалишенская¹³, Воронцовская¹⁴, Хостинская I и II¹⁵) показали существование второго центра сосредоточения стоянок зубчатого мустье, отличающегося своими особенностями. В. П. Любин¹⁶ и автор¹⁷ отнесли их к леваллуазской фацции этого варианта мустье.

⁵ Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Кинк-коба. «Палеолит Крыма», вып. 1. М.—Л., 1940.

⁶ И. И. Коробков. Нижний и средний палеолит Черноморского побережья Кавказа. «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР». Баку, 1965, стр. 44; он же. Новые палеолитические находки на Яштухе (по результатам работ 1961 г.). СА, 1965, № 3; он же. К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий (По материалам памятников Черноморского побережья Кавказа). «VII Международный конгресс доисториков и протосториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966; он же. Относительно подхода к разработке типологии тейякских индустрий. Тезисы доклада, прочитанного на заседании сектора палеолита 17.XI 1970 г. ЛОИА АН СССР, посвященного 80-летию со дня рождения Г. А. Бонч-Осмоловского; И. И. Коробков, М. М. Мансуров. К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий (на основе материалов местонахождения Чакмаклы в Западном Азербайджане). МИА, № 185, 1972, стр. 55—67.

⁷ Н. К. Анисюткин. Новая палеолитическая стоянка Стинка на Среднем Днестре. БКИЧП, № 31, 1966, стр. 131—136; Н. А. Кетрару, Н. К. Анисюткин. Мерсинна — новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии. Кишинев, 1967; Н. К. Анисюткин. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре. АС, вып. 11. Л., 1969, стр. 5—17.

⁸⁻⁹ М. М. Мансуров. Предварительное сообщение о палеолитическом местонахождении близ с. Шихлы. МКА, т. VI. Баку, 1965, стр. 8—14; И. И. Коробков, М. М. Мансуров. Указ. соч.

¹⁰ В. П. Любин. Палеолит Северной Осетии. «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. II. Орджоникидзе, 1969, стр. 6—47.

¹¹ Д. С. Цвейбель. Стоянка с «зубчатым» мустье в Донбассе. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (археологические секции)». Тбилиси, 1971, стр. 15—16.

¹² Е. А. Векилова. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 80—85.

¹³ В. П. Любин, В. Е. Щелинский. Исследование Навалишенской пещеры в 1965 г. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 73—79.

¹⁴ В. П. Любин, Л. Н. Соловьев. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа. МИА, № 173, 1971, стр. 10—40; В. П. Любин. Исследование Малой Воронцовской и Хостинской пещер. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 50—52.

¹⁵ И. И. Коробков. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 г. КСИА, вып. 92, 1962, стр. 44—50.

¹⁶ В. П. Любин, В. Е. Щелинский. Указ. соч., стр. 73—79.

¹⁷ Е. А. Векилова. Общие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг. «Пленум Ин-та археологии АН СССР (итоги 1965 г., секция палеолита). Тезисы докладов». М., 1966, стр. 10—12; она же. Краткие итоги раскопок Ахштырской

Ахштырская пещера является опорным памятником указанной группы. Ни одна стоянка этого района не обладает столь полной стратиграфией, охватывающей (несмотря на ряд существенных лагун) огромный геологический период времени от раннего мустье до средневековья. Помимо слоя энеолита и позднего палеолита она содержит пять мустьерских слоев, сопровождающихся обширными палеонтологическими остатками. В Ахштырской пещере обнаружены единичные остатки ископаемого человека¹⁸ и остатки пыльцы¹⁹. Наконец получены две даты абсолютного возраста памятника. Из этого следует, что культуру зубчатого мустье Сочинского Причерноморья следует называть Ахштырской, а не Хостинской, как это делает В. П. Любин²⁰.

В Ахштырской пещере нами выделено пять мустьерских слоев (слои 7, 8, 9, 11 и 12)²¹. Особенности геологии и подробное описание геологических слоев отложений пещеры опубликованы М. Н. Грищенко и автором²². Мустьерские слои Ахштырской пещеры (раскопки 1961—1965 гг.) доставили около 1500 расщепленных кремней, распределяющихся послойно следующим образом: слой 7—194 кремня; слой 8²³—483; слой 9—293; слой 11²⁴—394 и слой 12—152 кремня. Настоящая статья посвящена характеристике основных групп зубчатых орудий Ахштырской пещеры.

Отличительной чертой инвентаря зубчатых комплексов является их полиморфность и связанная с этим полифункциональность. Обычно каждое орудие имеет несколько рабочих лезвий, оформленных часто различными приемами. При этом наблюдается умелое использование особенностей формы заготовок-выступов и неровностей их края.

Остановимся несколько подробнее на вопросе о вторичной отделке. Необходимо отметить, что при современном уровне развития науки о палеолите, комплексности его изучения (исследование литологии, стратиграфии, особенностей накопления отложений), трасологического изучения орудий вопрос о вторичной обработке не решается так просто, как раньше. Среди законченных орудий палеолитических стоянок, в особенности пещерных, встречаются изделия, отличающиеся различной сохранностью, а именно: 1) орудия, как будто не бывшие в употреблении, имеющие свежие грани и не носящие следов сработанности; 2) изделия, на рабочих лезвиях которых четко прослеживаются следы использования от работы по различным материалам; 3) орудия с четкими следами реутилизации — случаи вторичного использования изделий предшествующих эпох; 4) изделия со следами повреждений — окатанностью, измятостью граней, раздавленностью ретуши, вызванные различными условиями сохранности слоя после оставления стоянки первобытным человеком.

пещеры в 1961—1965 гг. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 80—85; она же. Ахштырская пещера на Кавказе. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (археологические секции)». Дополнительный выпуск. Тбилиси, 1970, стр. 5—9.

¹⁸ Е. А. Векилова, А. А. Зубов. Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахштырской пещеры. КСИА, вып. 131, 1972, стр. 61—64.

¹⁹ В. П. Гричук, Э. П. Губонина, В. М. Муратов, Э. О. Фриденберг. О результатах спорово-пыльцевого анализа отложений палеолита кавказских пещер. «Изв. АН СССР», серия географ., 1970, № 4, стр. 104—108.

²⁰ В. П. Любин. Мустьерская эпоха на Кавказе. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (археологические секции)». Тбилиси, 1971, стр. 15—16.

²¹ В настоящей статье мы рассматриваем как самостоятельный культурный слой (слой 9), достаточно обильный материал которого, происходящий из верхней части бурой глины (4-й слой по С. Н. Замятину), мы ранее присоединяли к слою 8.

²² М. Н. Грищенко. Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры. МИА, № 173, 1971, стр. 49—60; Е. А. Векилова, М. Н. Грищенко. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг. МИА, № 185, 1972.

²³ Слой 8 — верхний (3-й) мустьерский слой по С. Н. Замятину.

²⁴ Слой 11 — нижний (5-й) мустьерский слой по С. Н. Замятину.

Для изделий, происходящих из мустьерских слоев Ахштырской пещеры, отложения которой связаны с карстовыми процессами, неоднократной сменой климата и его влажностью, наконец, особенностями литологии слоев, вопрос о вторичной отделке орудий встает во всей своей сложности. Среди ахштырских материалов мустьерского возраста можно выделить некоторое количество окатанных изделий и заготовок, имеются и орудия с гранями и ретушью, поврежденными в связи с условиями их захоронения. По свидетельству В. Е. Щелинского, на них редко сохраняются линейные следы. При неразработанности критериев определения ретуши, следов использования и поврежденной различного происхождения, за исключением фиксированных случаев, в целом мы рассматриваем изделия со вторичной обработкой из мустьерских слоев Ахштырской пещеры как полученные в результате целенаправленной деятельности древнего человека.

Не останавливаясь подробно на характеристике ретуши и других приемов вторичной отделки, заметим, что мустьерские обитатели Ахштырской пещеры использовали все виды ретуши, характерные для орудий зубчатого мустье. Здесь встречаются крупные и мелкие клектонские выемки, крутая притупляющая ретушь (крупная, средняя и мелкая), а также пологая приотступающая ретушь. Очень распространена ретушь противоположная, чередующаяся. Известны приемы утоньшения пятки заготовки и спинки, а также удаление ударного бугорка относительно крупными снятиями. Уплотнение края заготовки производилось более мелкими и плоскими снятиями. Редко, но использовались параллельная ретушь и техника резового скола.

Полиморфность зубчатых изделий и особенности их вторичной отделки, естественно, затрудняют классификацию кремневых орудий комплексов зубчатого мустье. Дальнейшая разработка типологии этих комплексов является неотложной задачей зарубежных и советских исследователей. К решению этой сложной задачи методически правильно, с нашей точки зрения, подошел И. И. Коробков, разделив изучение данных комплексов на ряд этапов. Первый сводится к максимально полной фиксации на каждом изделии всех имеющихся рабочих элементов. В том случае, когда это оказывается возможным, выделяется главный элемент (скребок, лезвие, клювовидное острие, разнообразные выступы и т. д.), по которому вся группа получает свое название. На втором этапе происходит систематизация в группы орудий, характеризующихся повторяемостью сочетаний отмеченных ранее элементов. Выделенные типологические группы орудий вместе с единичными специфическими типами составляют комплекс.

Полученные типологические группы и комплексы с учетом техники расщепления, статистических показателей и данных относительной хронологии позволяют выделить группы стоянок, составляющих отдельные культуры зубчатого мустье, и значительное число различных стоянок, которые пока не составляют ни новые культуры, ни входят в ранее выделенные.

Признавая в целом плодотворными и перспективными, хотя и исключительно трудоемкими, методические приемы классификации зубчатых индустрий, предложенные И. И. Коробковым, мы в настоящей предварительной публикации использовали их частично, в основном при выделении главного элемента.

В мустьерских слоях Ахштырской пещеры представлены многие типы орудий, характерные для зубчатого мустье других территорий. Остановимся на некоторых из них.

Пластины и отщепы с крупными и мелкими клектонскими и ретушированными выемками, одинарными, двойными и т. д., симметрично и асимметрично расположенными по одному или двум краям, часто с чередую-

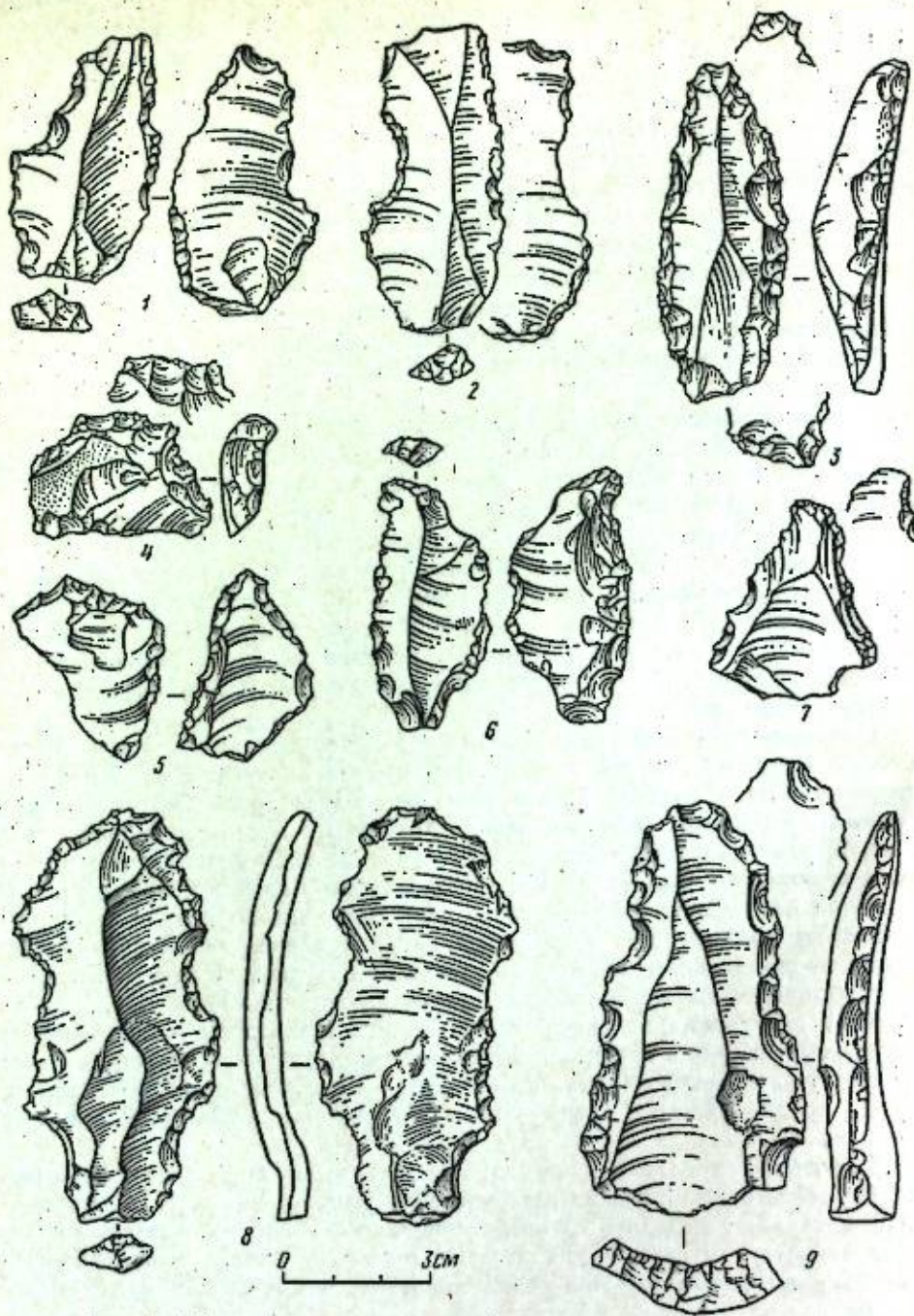

Рис. 1. Кремневый инвентарь мустьерских слоев Ахштырской пещеры

1 — орудие с боковым выступом; 2, 8, 9 — пластины с выемками; 3—5 — скребла с зубчатым краем (5 — скребок на отщепе); 6, 7 — клювовидные резчики

шейся ретушью (рис. 1, 2, 8, 9). В коллекции имеются разновидности, выделенные Ф. Бордом²⁵ и В. П. Любиным²⁶.

Следующая группа — орудия с выступами боковыми или концевыми — близка к первой, но отличается от нее дополнительным намеренным оформлением выступа, полученного ретушированной выемкой, приуроченной к неровностям заготовки. Особенно четко это прослеживается на орудиях

²⁵ F. Bordes. *Typologie du paléolithique ancien et moyen*, p. 35—36, pl. 39, 40, 42.

²⁶ В. П. Любин. *Палеолит Северной Осетии*, стр. 34—35.

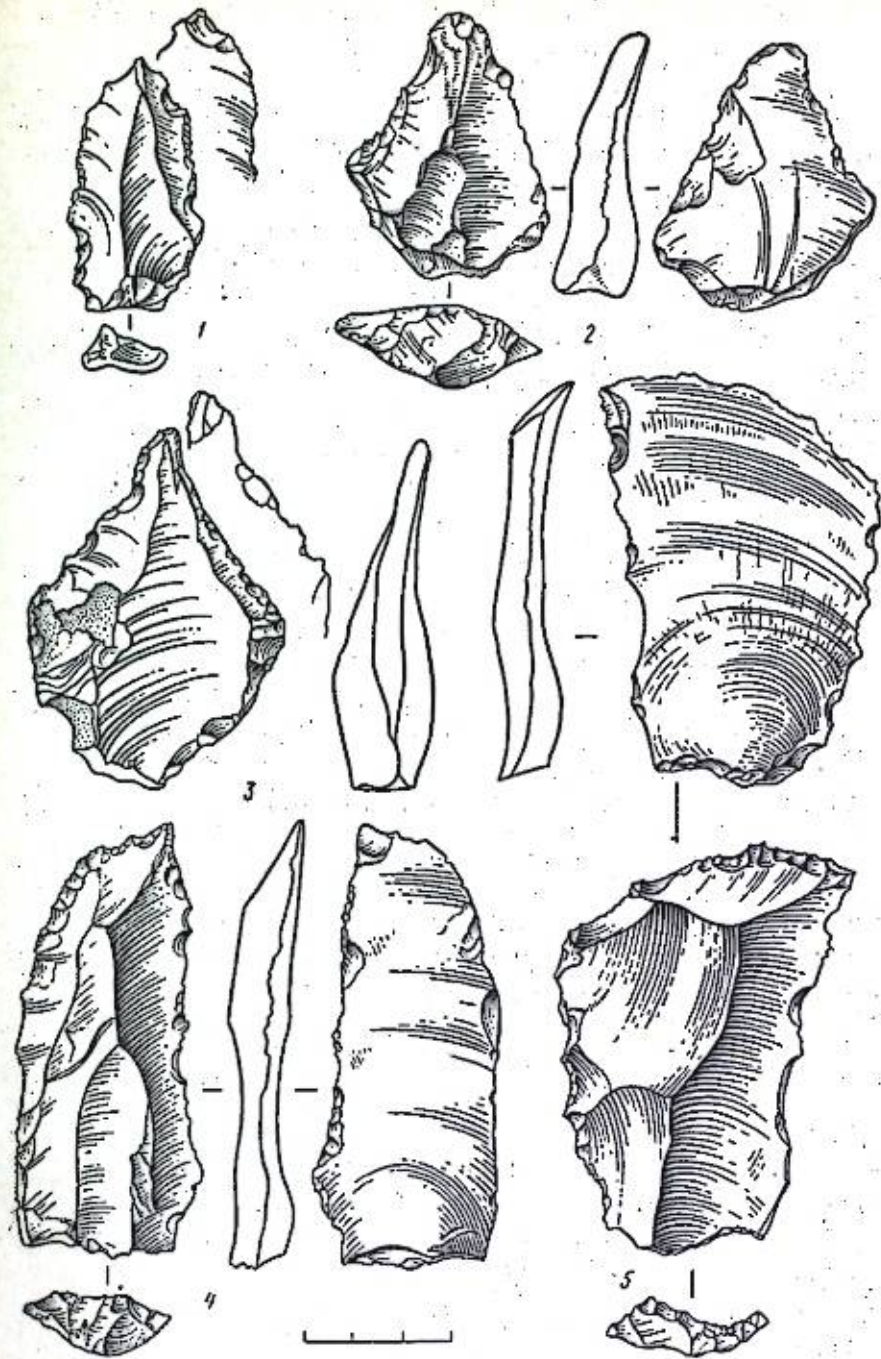

Рис. 2. Кремневый инвентарь мустьерских слоев Ахштырской пещеры

1 — орудие с зубчатым краем; 2 — концевой скребок; 3 — провертка; 4 — проколка; 5 — клювовидное острие

с боковыми выступами, обычно оформленными противоположающей ретушью (рис. 1, 1). Выразительны изделия с выступами на конце, выделенными двумя ретушированными выемками (рис. 2, 1). Близкую, но самостоятельную группу составляют провертки и проколки (рис. 2, 3, 4).

Клювовидные резчики (всё французской классификации) представлены в ахштырском материале в небольшом числе (рис. 1, 6—7; рис. 2, 5).

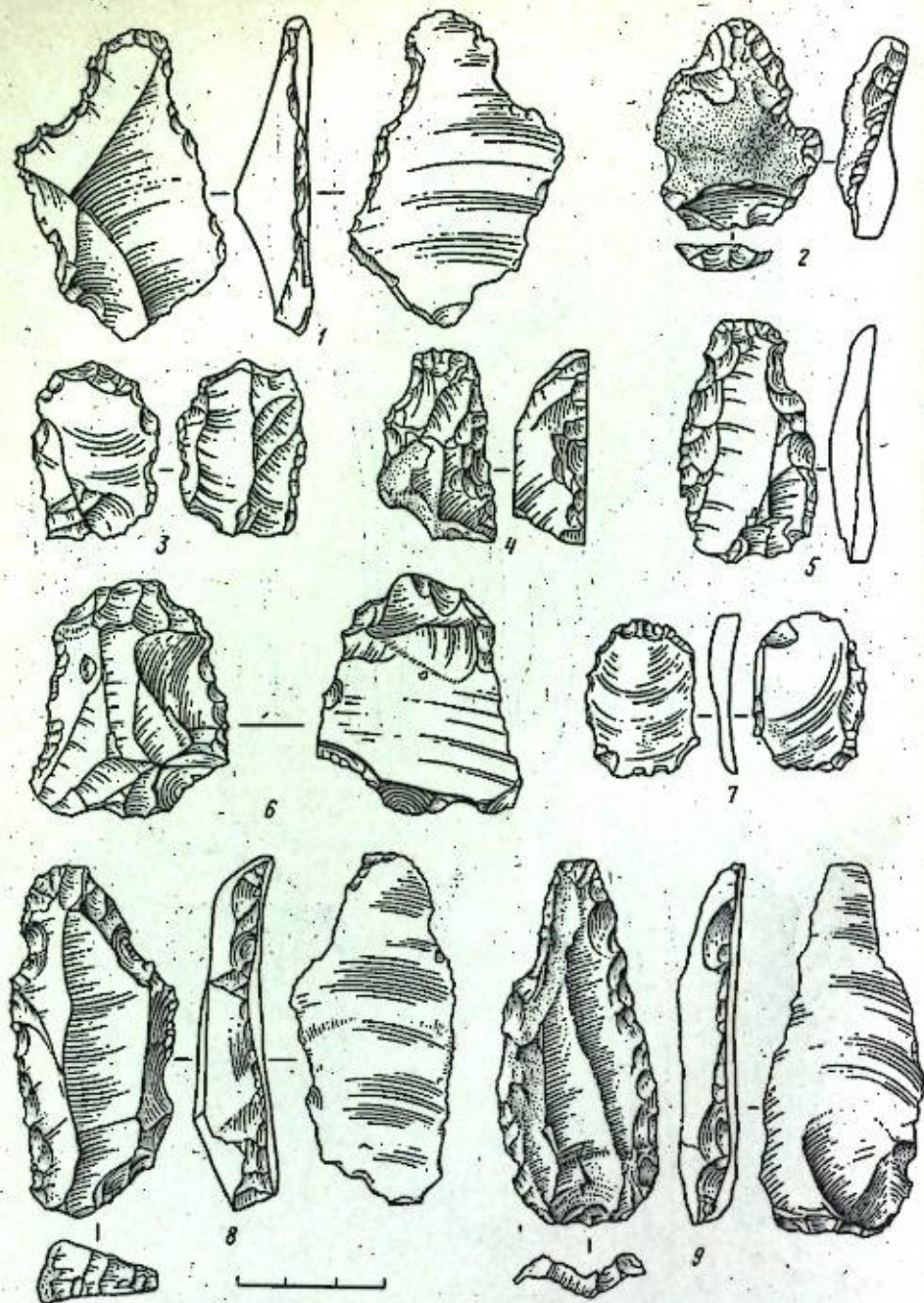

Рис. 3. Кремневый инвентарь мустьерских слоев Ахштырской пещеры

1—2—скребки на отщепках; 3, 7—скребки на ударных площадках; 4—6—скребки высокой формы; 8, 9—концевые скребки

Типологически наиболее разнообразную группу составляют скребки (рис. 3). Среди них имеются: концевые с округлым или прямым рабочим лезвием, с выделенными плечиками, скребки на площадках, на отдельных участках неправильной формы отщепов и на мелких сколах, отретушированных почти по всей окружности, напоминающие *gaclette*. Они присутствуют среди орудий каждого слоя, начиная с нижнего.

Концевые скребки, изготовленные на удлиненных зауженных пластинчатых заготовках или массивных сколах, — с выделенными ретушью

плечиками, то более высокими, то более низкими. Само лезвие, приуроченное к зауженному концу, образует дугообразное или почти прямое тупо-конечное лезвие (рис. 3, 4, 6, 8, 9).

Скребки на площадках изготовлены из не крупных обычных отщепов или сколов оживления ударных площадок. Дополнительной скребковой ретушью оформлялось округлое основание площадки, а чаще — небольшой участок ее (рис. 1, 5; рис. 3, 3, 7).

Скребки, изготовленные на выступающих или вогнутых участках обычно неправильных отщепов, часто первичных, сохраняющих желвачную корку (рис. 2, 2; рис. 3, 1, 2). Аналогии им мы находим в Фонтешеваде²⁷. Как уже упоминалось, имеются скребки типа *gaclette*. Весьма распространены скребла и скребла-ножи различных типов, оформленные зубчатой, чередующейся ретушью, которые могли служить пилами (рис. 1, 3, 4). Очень многочисленны отщепы с нерегулярной чередующейся ретушью. Таковы основные группы зубчатых орудий мустьерских слоев Ахштырской пещеры. В каждом из них помимо только что охарактеризованных групп каменных изделий имеются единичные своеобразные орудия. Наибольшее количество их встречено в нижнем (12-м) слое, где обнаружены два бифаса, верхняя часть двустороннеобработанного наконечника дротика, орудие типа *hachereaux*. Выше лежащий (11-й) слой характеризуется наибольшим количеством типичных и довольно крупных леваллуазских острий. В 8-м слое встречено орудие типа чоппинг-тул. В 7-м, верхнем, мустьерском слое наблюдаются элементы верхнепалеолитической техники расщепления кремня и техники резцового скола. Как правило, мы не прослеживаем типологического развития этих единичных форм в разрезе стоянки, но они придают особый колорит каждому из мустьерских слоев пещеры.

Итак, в настоящее время в европейской части СССР выявлены две культуры зубчатого мустье: Стишковская на Среднем Днестре, характеризующаяся клетонской техникой расщепления кремня и присутствием на поздних этапах развития листовидных наконечников, и Ахштырская в Сочинском Причерноморье, отличающаяся леваллуазской техникой расщепления кремня и пластинчатостью заготовок, придающих ей как бы более совершенный вид. Намечается возможность выделения особой культуры зубчатого мустье в Азербайджане.

Ахштырская культура, представленная серией стратифицированных пещерных памятников, оставленных охотниками главным образом на пещерного медведя, охватывает значительный хронологический отрезок времени. Генезис ее восходит к началу раннего мустье, а может быть, и к концу позднего ашея. Завершается же она переходом к верхнему палеолиту, который имеет дату позднее 35000 ± 2000 лет до н. э. Более детальная ее характеристика затруднена из-за незавершенности исследований и отсутствия публикаций материалов стоянок, составляющих эту культуру.

²⁷ G. Henri-Martin. La grotte de Fontéchevade. «Archives de l'Institut de paléontologie Humaine». Mémoire N 28. Paris, 1953, p. 144, fig. 45, 1, 2; p. 145, fig. 46, 1—3.

В. П. ЛЮБИН, П. У. АУТЛЕВ, В. П. ГРИЧУК,
З. П. ГУБОНИНА, М. М. МОНОСЗОН

МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА В ГУБСКОМ НАВЕСЕ 1
(ПРИКУБАНЬЕ)

Первые пещерные палеолитические стоянки в Прикубанье (Даховская, Каменноостская) были обнаружены в 1957, 1960 гг. А. А. Формозовым¹. В 1961 г. научный сотрудник Адыгейского научно-исследовательского института П. У. Аутлев открыл в Прикубанье новый пещерный район — группу карстовых скальных убежищ в Борисовском ущелье (каньон р. Губс в бассейне р. Лабы), в западной пониженной части Скалистого хребта, в 40—45 км к юго-востоку от Майкопа².

Скальные убежища Борисовского ущелья представляют значительные удобства для поселения людей: ниши, навесы и гроты, тянущиеся цепочкой вдоль левого борта каньона, укрыты от ветров, имеют южную экспозицию и соседствуют с выходами родниковых вод. Ущелье изобилует кремневым сырьем и располагается в полосе весьма разнообразных ландшафтов: холмистых предгорий — к северу от каньона, залесенного вершинного плато — вокруг него, широкой открытой долины — к югу от расположенного поблизости обрыва Скалистого хребта.

Разведывательные шурфы, поставленные П. У. Аутлевым в 1961—1963 гг., выявили следы пребывания людей каменного века в 11 пещерах и гротах Борисовского ущелья. В трех из них — в Монашеской (Губской) пещере и в Губских навесах 1 и 7 — были заложены раскопы. Два первых исследовал П. У. Аутлев³, последний — А. А. Формозов⁴. В 1964 г. группа сотрудников институтов географии и археологии АН СССР (В. М. Муратов, Э. О. Фриденберг, А. К. Филиппов, В. П. Любин совместно с П. У. Аутлевым) посетила Борисовское ущелье с целью ознакомления со стратиграфией, характером отложений и культурных напластований Губского навеса 1 и Монашеской пещеры.

Губский навес 1 располагается в верхнем ярусе карстовых убежищ, на границе между отвесным обрывом каньона и нижележащим крутым скло-

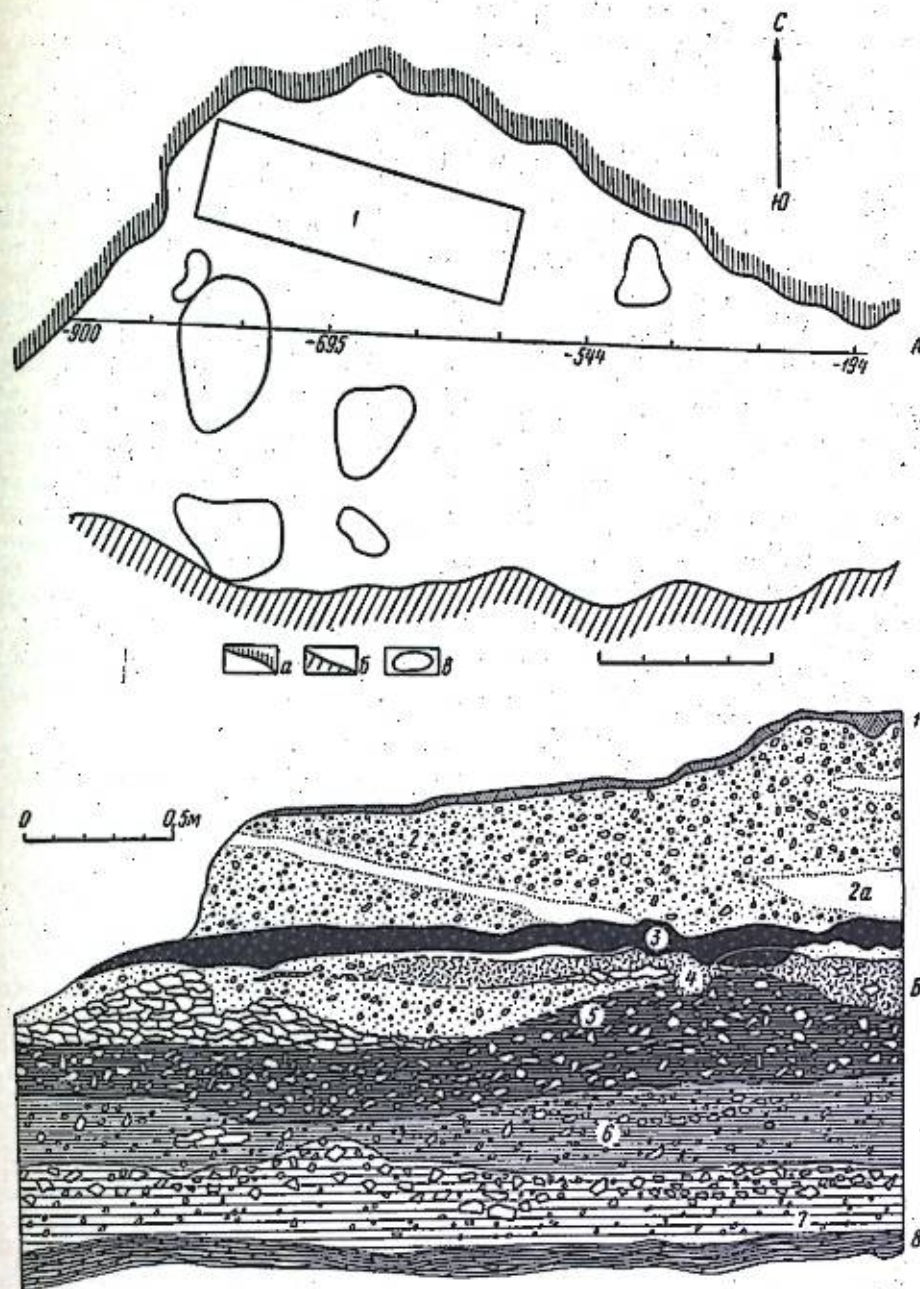

Рис. 1. Губский навес 1

А — план: 1 — раскоп 1962—1963 гг.; а — очертания навеса; б — край входной площадки; в — камни обрыва; -900, -695, -544, -194 — нивелировочные отметки дневной поверхности пола
Б — разрез отложений по южной стене раскопа П. У. Аутлева в 1962—63 гг.: 1, 2, 2а, 3, 4, 5, 6, 7, 8 — слои (описание в табл. 1)

¹ А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II. Майкоп, 1961, стр. 38—47; он же. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 9—16.

² П. У. Аутлев. Отчеты об археологических разведках и раскопках, проведенных Адыгейским научно-исследовательским ин-том в 1961, 1962 и 1963 гг. Архив ИА; он же. Губская палеолитическая стоянка. СА, 1964, № 4, стр. 172—176; он же. Обзор новых палеолитических памятников Прикубанья. Тезисы доклада на Всесоюзном палеолитическом совещании в Ленинграде в январе 1965 г.

³ П. У. Аутлев. Отчеты...; он же. Губская палеолитическая стоянка, стр. 172—173.

⁴ А. А. Формозов. Палеолитические стоянки... стр. 9—14; он же. Каменный век и внеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 30—40, 43, 44, 52.

ном⁵, на высоте 90—100 м над р. Губс. Навес ориентирован на юго-юго-восток. В настоящее время он представляет собой прикрытую выступом скалы неглубокую, но широкую нишу; расстояние от капельной линии до скалы не превышает 6—7 м, ширина входа 18 м; перед входом тянется

⁵ В. М. Муратов. Палеогеографические условия палеолитических стоянок Северного Кавказа. «Природа и развитие первобытного общества». М., 1969, стр. 171.

площадка шириной около 5 м (рис. 1, А). Общие размеры возможного жилого пространства достигают здесь 198—216 м² (11—12×18 м), но лишь половина этой поверхности (западная и центральная части навеса) защищена скалой. В древности параметры жилой площади навеса были, видимо, большими: крупные глыбы обвала части скального козырька выступают из земли на западной половине входной площадки.

В 1962—1963 гг. П. У. Аутлев заложил в западной и центральной частях навеса раскоп—траншею площадью 13,6 м² (6,8×2 м). Раскоп выявил два культурных слоя общей мощностью 1,5 м, разделенных горизонтом обвалных плит. Верхний слой, содержащий очажные прослойки, доставил обильный верхнепалеолитический материал: 2170 кремней, в том числе 46 нуклеусов, 15 нуклеидных орудий, 30 резцов, 86 концевых скребков и т. д.; в нижнем слое найдено 682 кремня мустьерского облика. П. У. Аутлев относит нижний слой к финальному мустье⁶, А. А. Формозов — к мустью или началу верхнего палеолита. Верхний слой оба исследователя согласно относят ко второй хронологической группе по периодизации, предложенной С. Н. Замятинным для Закавказья: «В верхнем слое отсутствуют и мустьерские формы, и геометрические орудия»⁷.

В 1964 г. на время осмотра навеса группой археологов и географов был зачищен и зарисован участок южной стены раскопа П. У. Аутлева (рис. 1, Б). В. М. Муратов выделил здесь восемь литологических горизонтов общей мощностью 1,7—1,75 м. Данные о последовательности, мощности и литологии отложений, прослеженных в зачистке 1964 г., а также археологические, фаунистические и палеоботанические свидетельства, доставленные раскопом 1962—1963 гг., сведены в таблицу.

В западной и средней частях зачистки верхнепалеолитический и мустьерский культурные слои, несмотря на разделяющий их интервал, налегали непосредственно друг на друга. В восточной же трети и на площади в целом слои эти, судя по данным А. А. Формозова, разделял горизонт обвала.

Особого внимания заслуживает слой 3—тонкий, черный, «гумусированный», по В. М. Муратову, горизонт, который вместе с подстилающим его слоем 4 (обожженный горизонт), представляет собой по существу прослой в толще слоя 2. П. А. Аутлев и А. А. Формозов также отмечают этот горизонт (иногда их два-три) под названием «линзы золы или пепла» или «очажного», исходя из его состава и непосредственного залегания на супеси с признаками длительного воздействия огня (слой 4). Специальное изучение слоев 3 и 4—одна из важнейших задач дальнейшего изучения отложений стоянки.

В приведенных характеристиках литологических подразделений отметим: песчаный и супесчаный аспект заполнителя, становящегося кверху (слои 2—4) хрящеватым и пылеватым; наличие десквамационного щебня во всей колонке отложений; наибольшую насыщенность щебнем верхней трети мустьерских культурных отложений (слой 5) и верхней части слоя 7. Эти данные могут быть расценены, как свидетельства преобладания процессов морозного выветривания над процессами растворения на протяжении всего времени накопления седиментов. В мустьерское время, судя по возрастанию размеров и количества щебня в некоторых его уровнях, интенсивность процессов выветривания менялась. Особенности отложений отражают, по всей видимости, условия существования относительно сухого и прохладного климата. Фаунистические свидетельства находятся в согласии с таким толкованием. Находки в верхнепалеолитическом слое остатков лошади, суслика (*Citellus* sp.) и слепыша говорят об определенном остепнении района пещер. Фаунистические находки из мустьер-

Таблица

Характеристика отложений Губского навеса 1

№ слоя (справа вниз)	Краткая характеристика литологических подразделений (по В. М. Муратову)	Мощность, м	Археологические находки	Фаунистические остатки (видовой состав)	Палеоботанические данные
1	Гумусированный горизонт	0,05—0,09	—	—	—
2	Песок палево-желтоватый, пылеватый (до 80%), с хрящом и мелким щебнем (средний диаметр 1—3 см). Контакт — четкий. В толще слоя — более светлые, линзовидные прослои известняков и дресвы (2 «а»)	0,6—0,7			
3	Песок черновато-бурый, аналогичный слою 1, но более темный (погребенный гумусированный горизонт). Контакт четкий, с карманами	0,03—0,15	Верхнепалеолитические каменные изделия	Лошадь, суслик, слепыш (определения Н. К. Верещагина)	—
4	Обожженный слой кирпичного цвета — песок (местами супесь), пылеватый, хрящеватый, известковистый, с остроугольным щебнем (до 2—5 см) и плитками до 15 см. Контакт неровный	0,02—0,15			
5	Песок (местами супесь) желтовато-бурого оттенка (до 40%), сильно насыщенный щебнем. По простиранию переходит в обвалный горизонт с мелкими глыбами. Контакт слегка заметный	0,2—0,3	Мустьерские каменные изделия	Альпийская галка (определение Н. И. Бурчак-Абрамовича), хомьякообразный грызун (определение И. М. Громова)	Флора хвойно-широколиственных лесов с элементами пионерной растительности
6	Аналогичен слою 5, но светлее и содержит меньше щебня. Контакт нечеткий	0,05—0,25			

⁶ П. У. Аутлев. Обзор новых палеолитических памятников...

⁷ А. А. Формозов. Палеолитические стоянки..., стр. 13.

№ слоя (серия выкоп)	Краткая характеристика литологических подразделений (по В. М. Муратову)	Мощность, м	Археологические находки	Фаунистические остатки (видовой состав)	Палеонтологические данные
7	Сходен со слоем 5, но заполнитель более тонкий. В верхней части — такое же, как в слое 5, насыщенные щебнем. Контакт четкий	0,2—0,3	То же	То же	То же
8	Зеленовато-серый элювий. Известняковый панцирь	0,05—0,15	—	—	—

ского слоя чрезвычайно скудны (обломок плечевой кости альпийской гапки и фрагмент кости хомякообразного грызуна размерами с водяную полевку), но и они, видимо, свидетельствуют о том же. Результаты спорово-пыльцевого анализа образца отложения из мустьерских слоев Губского навеса подтверждают эти предположения (раскопки 1962—1963 гг.; опр. деления В. П. Гричука, Э. П. Губониной, М. М. Монозон):

Древесные породы	Число зерен	Древесные породы	Число зерен
<i>Abies Nordmanniana</i>	2	<i>Ulmus</i> sp.	4
<i>Pinus silvestris</i>	3	<i>Carpinus betulus</i> + <i>C. orientalis</i>	3
<i>Betula</i> sect. <i>Albae</i> (<i>B. pubescens</i> и др.)	12	<i>Fagus</i>	1
<i>Quercus</i> sp.	2	<i>Alnus glutinosa</i> + <i>A. incana</i>	8
<i>Tilia platyphyllos</i> + <i>T. caucasica</i>	6	<i>Corylus</i>	3
Травянистые растения	%	Травянистые растения	%
Gramineae	1	Polygonaceae	< 1
Chenopodiaceae (<i>Ch. album</i> , <i>Ch. chenopodioides</i> , <i>Atriplex tatarica</i> , <i>A. patula</i> , <i>Eurotia ceratoides</i> , <i>Echinopsilon sedoides</i> и др.)	17	Umbelliferae	< 1
<i>Artemisia</i>	10	Labiatae	< 1
Compositae	62	Cruciferae	< 1
Saryophyllaceae	< 1	Неопределенные	6
Valerianaceae	2	Общее число подсчитанных пыльцевых и спорных зерен	682
		Пыльца древесных пород	60%
		Пыльца травянистых растений	94%

Результаты анализа позволяют сделать следующие предварительные выводы⁸. Степень облесенности территории во время накопления мустьерского культурного слоя была меньше, чем в настоящее время: об этом свидетельствует присутствие пыльцы видов, растущих на обнаженных скалах и открытых каменистых склонах, а также видов лебедовых, обитающих на солончаковых лугах вдоль рек. Высокое содержание пыльцы берез указывает на значительно более низкое положение границы субальпийского пояса, а следовательно, на снижение всех высотных поясов. Но так как пыльца всех лесообразующих пород (в том числе бука и граба) также

⁸ Предварительность выводов обусловлена тем, что анализировался только один образец породы, взятый к тому же не из самого мустьерского слоя, а из полостей встреченных в нем трубчатых костей во время их осмотра в Майкопе.

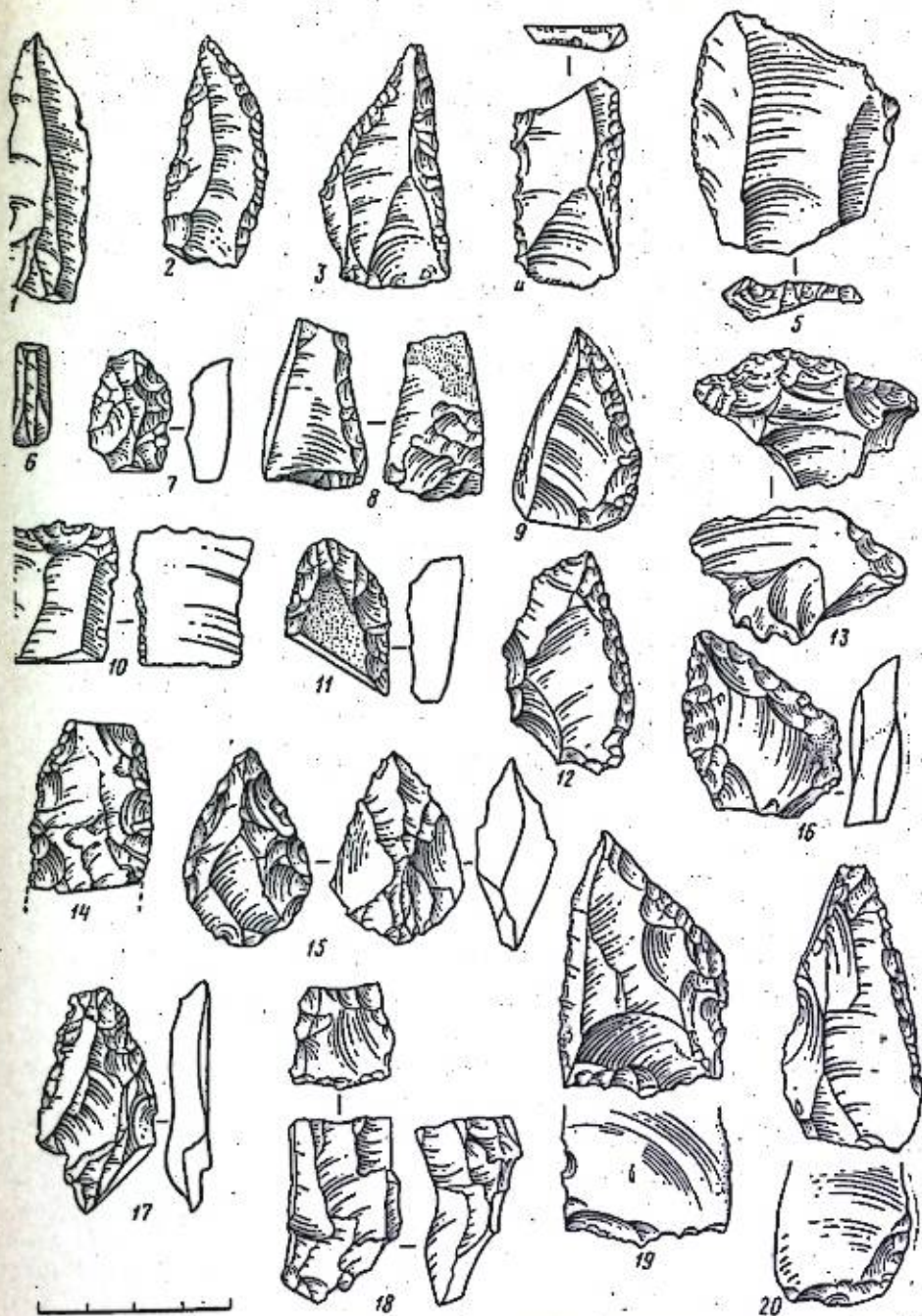

Рис. 2. Губский навес 1. Мустьерский комплекс. Образцы кремневых орудий
1, 6 — пластинки; 3 — остроконечник; 4 — зубчатое орудие; 5 — лезвиевзвешенный отщеп; 7, 10, 11 — скребки; 2, 8, 9, 12—14, 16, 17, 19, 20 — скребла (2, 16 — угловатые; 8 — с ретушью с броска; 9, 12, 20 — простые выщелки; 13 — поперечное; 14 — двойковыпуклое; 17 — конвергентное; 19 — простое прямое); 15 — бифас; 18 — мулеус

присутствует, то из этого следует, что нижняя граница пояса еловых и пихтовых лесов все же располагалась выше местоположения пещеры. Это позволяет оценить амплитуду снижения поясных границ величиной порядка 600—700 м, чему соответствует снижение летних температур по сравнению с современными на 3,5—4,5°C.

Состав и обилие пыльцы травянистых растений показывают, что обжитая территория была довольно значительной. Об этом говорит обилие пыльцы сложноцветных (многие виды которых широко расселяются на вытаптываемых площадях) и лебедовых. Среди последних отмечены виды, расселяющиеся на высоких сорных местах и обильно растущие при избыточном азотном и хлоридном засолении. Длительность обитания человека в районе скальных навесов в Борисовском ущелье подтверждается рядом палеоботанических показателей и, таким образом, может считаться установленной достаточно надежно.

В коллекции кремней, обнаруженных в мустьерском культурном слое П. У. Аутлевым, насчитывается 682 предмета (в том числе 11 морозобойных кремней): нуклеусы, отщепы, пластины, многочисленные отходы производства, орудия. Кроме того, она содержит более 30 узких, ножевидных, в большинстве атипичных пластинок верхнепалеолитического облика (рис. 2, 1, 6). Принадлежность последних к мустьерскому слою может вызвать сомнение, ибо в некоторых местах, как отмечалось, мустьерские и верхнепалеолитические слои не разделены горизонтом обвала, из-за чего в процессе этих разведывательных по существу раскопок могло произойти некоторое смешение разновозрастных находок. Наличие подобных пластинок в заведомо мустьерских слоях расположенной по соседству Монашеской пещеры как будто снимает это сомнение.

Состав коллекции оббитых кремней, соотношение различных групп изделий в ней (5 нуклеусов, 3 нуклеидных обломка, 30 сколов леваллуа, 82 скола нелеваллуа, 33 узких пластины верхнепалеолитического облика, 340 сколов отделки и чешуек и 178 неопределенных обломков) и наличие значительного числа орудий характеризуют обнаруженный в нижних слоях пещеры памятник (слои 5—7), как стоянку-мастерскую мустьерского человека. В этом отношении показательны также значительная степень насыщенности мустьерского культурного слоя (в среднем 48 кремней на 1 м² вскрытой площади), обилие отходов производства (сколы отделки, чешуйки и неопределимые обломки составляют 77% всей коллекции) и кремней с фрагментами желвачной корки. Малое число ядрищ указывает в то же время, что первичное расщепление камня производилось главным образом за пределами стоянки. Встреченные же на месте ядрища являются либо вторичными, либо остаточными. Три из них — одноплощадные, плиточные, тяготеющие к сработанным позднелеваллуазским формам, два — грубопризматические, со сколами снятия узких пластинок (рис. 2, 18).

Отщепы и пластины — самая значительная часть коллекции П. У. Аутлева (485 экз.). Разделение сколов-заготовок на леваллуа (30) и нелеваллуа (82) небезупречно, ибо треть сколов леваллуа атипична и индексация их может быть оспорена. Фактический индекс леваллуа поэтому, возможно, меньше полученного (20, 7), но и в этом случае он достаточно надежно фиксирует существование здесь леваллуазской техники расщепления камня. В такой же мере представлена и верхнепалеолитическая техника (22, 7). Показатель этот также не бесспорен, ибо отдельные пластины могли быть сколоты с плитчатых, одноплощадных, леваллуазских нуклеусов. Гораздо более архаичная дисковидно-радиальная техника расщепления камня.

Орудия составляют 9,5% всей коллекции (65 из 682 кремней, если не считать сколов леваллуа неретушированных и 10 фрагментов сколов с небольшими участками подретушевки краев). Вторичная обработка осуществлялась ретушированием краев с одной стороны заготовок, реже — более сложными приемами двустороннего ретуширования (плоско-выпуклая отделка, ядрищный прием утоньшения).

Одностороннее ретуширование исполнялось, как правило, ретушью краевой, лицевой, чешуйчатой, пологой или полукруглой. Краевой характер

ретуши — важнейшая особенность комплекса: ретушь следует исходным краям заготовок, лишь выпрямляя и слегка притупляя (укрепляя) их. Наряду с этой мелкой краевой ретушью практиковалась и ретушь краевой глубокая (агрессивная Х. Мовиуса), заметно изменяющая первоначальные очертания заготовок. Такой ретушью оформлялись края скребков и некоторых скребел (рис. 2, 7, 11, 16). Лишь несколько орудий было оформлено ретушью распространенной — плоскостной, занимающей до 1/3—1/2 части их спинки (рис. 2, 8, 13). Наибольшее распространение имеет ретушь отделки сторон единичного миниатюрного бифаса (рис. 2, 15).

Края отщепов в подавляющем большинстве ретушировались обычным приемом — с брюшка на спинку (лицевая ретушь). Брюшковая ретушь (со спинки на брюшко) отмечена в одном случае (рис. 2, 8) и еще дважды — как слагаемое ретуши противоположной. Двустороннее ретуширование представлено на миниатюрном бифасе в виде плоско-выпуклой отделки (рис. 2, 15) и на одном из скребел — в виде ядрищного приема утоньшения основания исходной заготовки: от вспомогательной ударной площадки (plan de frappe aménagé французских археологов), оформленной крутой ретушью на массивном основании скола со стороны брюшка, было отделено несколько мелких снятий, утоньшивших бугорковую часть заготовки (рис. 2, 19).

По углу наклона, наконец, здесь преобладает ретушь пологая (до 30°) и полукруглая (до 45°). Ретушь крутая (до 75—80°) отмечена у двух скребел и четырех скребков (рис. 2, 10, 11, 16). Ретушь плоская, стесывающая, лежащая в плоскости ретушируемого края или под малым углом к нему, характерна для некоторых случаев плоскостной или брюшковой подправки (рис. 2, 8, 15, 20). Плоской брюшковой ретушью в двух случаях был срезан ударный бугорок.

Отличительным признаком мустьерского инвентаря Губского навеса 1 является его «микролитонидность»: длина всех орудий колеблется в пределах 3—5 см, достигая в единичных случаях 5,2—5,6 см (узкие ножевидные пластины здесь не учитывались). Ниже представлен типологический состав орудий:

Типы орудий (по Ф. Борлу)	Число	Типы орудий (по Ф. Борлу)	Число
Сколы леваллуа типичные и атипичные	15	угловатые	3
Остроконечники леваллуазские ретушированные	1	поперечные прямые	2
Остроконечники мустьерские	1	поперечные выпуклые с ретушью с брюшка	3
Скребла	1	с ретушью с противоположной ретушью	1
простые прямые	4	Скребки типичные	4
простые выпуклые	11	Скребки атипичные	1
простые вогнутые	1	Ножи с естественной спинкой	8
двойковыпуклые	2	Выемчатые орудия	7
конвергентные выпуклые	1	Зубчатые орудия	12
		Разные орудия	2

Всего 80

Типологический аспект инвентаря, судя по этим данным, весьма отчетлив: около половины состава орудий — скребла, среди которых доминируют скребла простые (однолезвийные — рис. 2, 9, 12, 19, 20), их 55,1%. Роль скребел двулезвийных (боковых — рис. 2, 14, конвергентных — рис. 2, 17, угловатых — рис. 2, 2, 16 с противоположной ретушью) незначительна. Скребла типа Кина отсутствуют. Небольшой, но яркой серией представлены скребки. Остроконечники и бифасы единичны. Бесспорные намеренно изготовленные зубчатые орудия и типичные анкоши составляют менее половины указанных количеств.

Важной особенностью большинства продольных однолезвийных скребел является наличие у них обушков (натуральных; образованных торцом — обломом заготовки; представляющих участок края ядрища, срезанный при снятии заготовки). Рабочие лезвия третьей части всех скребел (в том числе четырех из пяти скребел поперечных — рис. 2, 13) оформлены полой ретушью и являются весьма острыми, режущими.

Скребки представлены разными и весьма развитыми для мустьерского времени типами: 1) скребок на конце сломанной пластинки с прямым рабочим краем, оформленным крутой, почти отвесной, местами зубчатой ретушью (рис. 2, 10); 2) скребок на отщепе с рабочим краем по всей окружности заготовки, за исключением ударной площадки (рис. 2, 7); 3) фрагменты двух скребков, тяготеющих к ледьвидным формам. Более массивный, с передней частью, оформленной лямеллярной ретушью, изображен на рис. 2, 11.

Зубчатые орудия разделяются на типичные, крупнозубчатые (4 экз.; рис. 2, 4) и мелкозубчатые, образовавшиеся, по всей видимости, в результате работы по твердому материалу. Остроконечники: леваллуазский (оформлен на асимметричном, треугольном сколе второго снятия — рис. 2, 3) и мустьерский, фрагментированный. Бифас — маленький, но массивных (3,7×2,8×1,6 см) очертаний, близких к сердцевидным, частичный, изготовленный на отщепе с помощью плоско-выпуклой отделки (рис. 2, 15).

Особенности состава орудий находят отражение и в типологических индексах Ф. Борда. Индекс скребел основной⁹ — 44,6, он весьма высок; индекс шарантский основной — 24,6. Последний, однако, здесь иллюзорен, ибо лишен своей главной сути: скребок типа Кина и полу-Кина со всеми атрибутами их первичной и вторичной обработки. Его значение получено главным образом за счет продольных однолезвийных скребел с выпуклым рабочим краем.

Мустьерский комплекс Губского навеса 1 со своими технико-типологическими особенностями имеет ближайшую аналогию в инвентаре соседней Монашеской пещеры, вместе с которой он представляет своеобразную местную археологическую культуру, которую предполагается назвать губской¹⁰. Главные характеристики этой культуры позволяют сблизить ее с индустриями, выделяемыми обычно под названием мустье типичного¹¹.

Литологические и палеоботанические показатели стоянки и яркий верхнепалеолитический компонент в ее инвентаре (скребки, пластинки) допускают предварительную датировку ее (средне?) вюрмским временем, концом мустьерской эпохи. Дальнейшее исследование стоянки уточнит это заключение.

⁹ В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131, 1965, стр. 59.

¹⁰ В. П. Любин. Мустьерская эпоха на Кавказе. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР». Тбилиси, 1971, стр. 14.

¹¹ F. Bordes. A tale of two caves. New York, 1972.

А. М. ТАРАСОВ

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИЛИЩЕ В ГАГАРИНО

Палеолитические жилища начали изучаться сравнительно недавно — в 30-е годы, когда П. П. Ефименко, применив в Костенках I новую методику раскопок со вскрытием памятника на широкой площади, обнаружил сложный жилой комплекс с долговременными очагами, полуземлянками, ямами-хранилищами, находящимися в определенной взаимосвязи¹. Но еще раньше, в 1927 г., впервые в нашей стране С. Н. Замятинным были обнаружены в Гагарино остатки долговременного жилища на палеолитическом поселении открытого типа². Важность этого открытия трудно переоценить, ибо именно оно нацелило исследователей на поиски остатков жилых сооружений на палеолитических стоянках, а также сыграло важную роль и в разработке новой методики полевых исследований — раскопок памятников широкими площадями. Применение этой методики в последующие годы позволило открыть остатки долговременных жилищ на территории многих верхнепалеолитических стоянок (Мальта, Буреть, Костенки IV, Тельманская стоянка, Костенки II, Юдиново, Елисевицы, Пушкири; Мезин и др.), что коренным образом изменило бытовавшее ранее представление как о самом человеке той эпохи, так и о его культуре в целом.

К настоящему времени в изучении палеолитических жилищ накопился довольно большой фактический материал, требующий определенной систематизации и соответствующих обобщений. Однако это связано с целым рядом трудностей и прежде всего — в отношении тех палеолитических жилищ, которые исследовались ранее, когда новая методика раскопок находилась еще в стадии своего становления. В полной мере это относится и к Гагарино, где жилище вскрывалось по частям в три приема: в 1926 г. была исследована средняя часть, поврежденная хозяйственной ямой, в 1927 г. последовательно разбирались сначала восточная, а затем западная части. Выявлению жилища особенно способствовало наличие сохранившегося ограждения из плит известняка.

Согласно исследованиям С. Н. Замятинна, жилище в Гагарино было небольшим, в плане округло-овальной формы, несколько вытянутой к юго-западу, в направлении оконечности мыса (5,5×4,5 м). Основание его углублено в грунт на 40—50 см. Пол жилища был неровным, с западными разной величины и формы, а у западного края находилась специально вырытая округлая в плане ямка-хранилище около 50 см в поперечнике и глубиной 30 см. Линза культурных остатков по краю была ограждена плитами девонского известняка (рис. 1).

¹ П. П. Ефименко. Костенки I. М.—Л., 1958.

² С. Н. Замятин. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. «Сообщения ГАИМК», т. II. А., 1929, стр. 209—214.

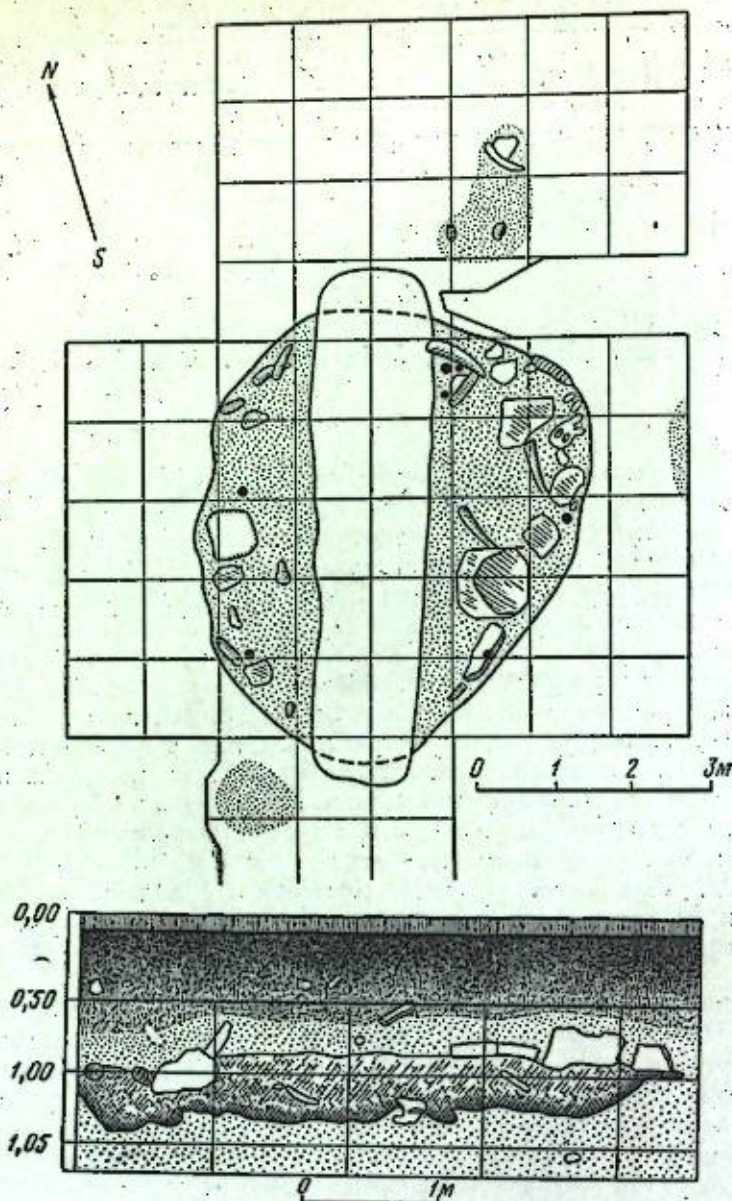

Рис. 1. План и разрез гагаринского жилища (по С. Н. Замятину)

Результаты исследований Гагаринской стоянки были довольно обстоятельно опубликованы С. Н. Замятым³. Однако ряд вопросов, касающихся в первую очередь жилища, остались невыясненными, что объясняется ограниченными возможностями старой методики раскопок, хотя в этом отношении С. Н. Замятин сделал огромный шаг вперед. Он отказался от практиковавшегося в то время метода поквартного изучения памятника и исследовал целиком отдельные объекты. Однако с точки зрения современных требований к изучению таких сложных объектов, как жилища, и примененная С. Н. Замятым в Гагарино ме-

³ S. N. Zamiatine, La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles, qu'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires». ИГАИМК, вып. 88. Л., 1934; С. Н. Замятин. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона, ЦЧО). ИГАИМК, вып. 118. М.—Л., 1935, стр. 26—77.

Рис. 2. Исследование гагаринского жилища в 1968 г.

1 — юго-западный край жилища (вид с северо-запада); 2 — средний участок жилища, на переднем плане — частично сохранившаяся очажная лунка (вид с северо-востока)

тодика оказалась недостаточно совершенной. Так, опубликованный план жилища явно неполный: средняя его часть, исследованная в 1926 г., совсем не нашла на нем отражения, а восточная и западная воспроизводят не все даже крупные объекты, о чем свидетельствуют полевые фотографии. Как явствует из этих снимков, изучение основания жилища проводилось не путем освобождения его от культурных остатков, а, наоборот, с целью расчистки культурных остатков на месте разбирался борт западины жилища. Один и тот же план и разрез жилища, опубликованные в разных работах, имеют расхождения. В тексте дана характеристика некоторых квадратов, но на плане отсутствует их нумерация. В публикациях нет сведений об очаге, месте входа в жилище.

В связи с этим при возобновлении исследований в Гагарино в 60-е годы с целью получения дополнительных сведений о жилище, а также увязки старых и новых раскопок были повторно вскрыты участки, исследованные в 1926—1927 гг., т. е. вся занимаемая жилищем площадь. В ходе этих работ установлено, что на месте восточной и западной частей жилища раскопы 1927 г. были углублены ниже уровня культурного слоя. Средняя же часть (на месте хозяйственной ямы-траншеи 1925 г.), которая исследовалась в 1926 г., дала новые весьма ценные сведения (рис. 2, 3).

В центральной части этого участка обнаружены залегающие *in situ* отдельные мелкие кости, расщепленные кремни и костные угли, фиксирующие основание культурного слоя в средней части жилища. Немного севернее этих находок, ближе к краю жилища, обнаружена очажная лунка, большая часть которой с восточной стороны и частично сверху срезана раскопом 1927 г. (раскоп на этом участке был углублен на 12 см ниже пода очага). Подстилающий суглинок не имел четких следов прокалиненности, но в плане здесь прослеживалась вертикальная трещина (15×1,5 см), заполненная углистой массой (очажное заполнение). В сохранившейся части очажная лунка имела блюдцеобразную форму 75 см в поперечнике и 8 см глубиной, на ее дне частично сохранилась зольная масса.

У южного края участка на площади около 1 м² залегал мощный (до 0,5 м) культурный слой в непо потревоженном состоянии. Нижняя граница культурного слоя круто поднималась в юго-западном направлении

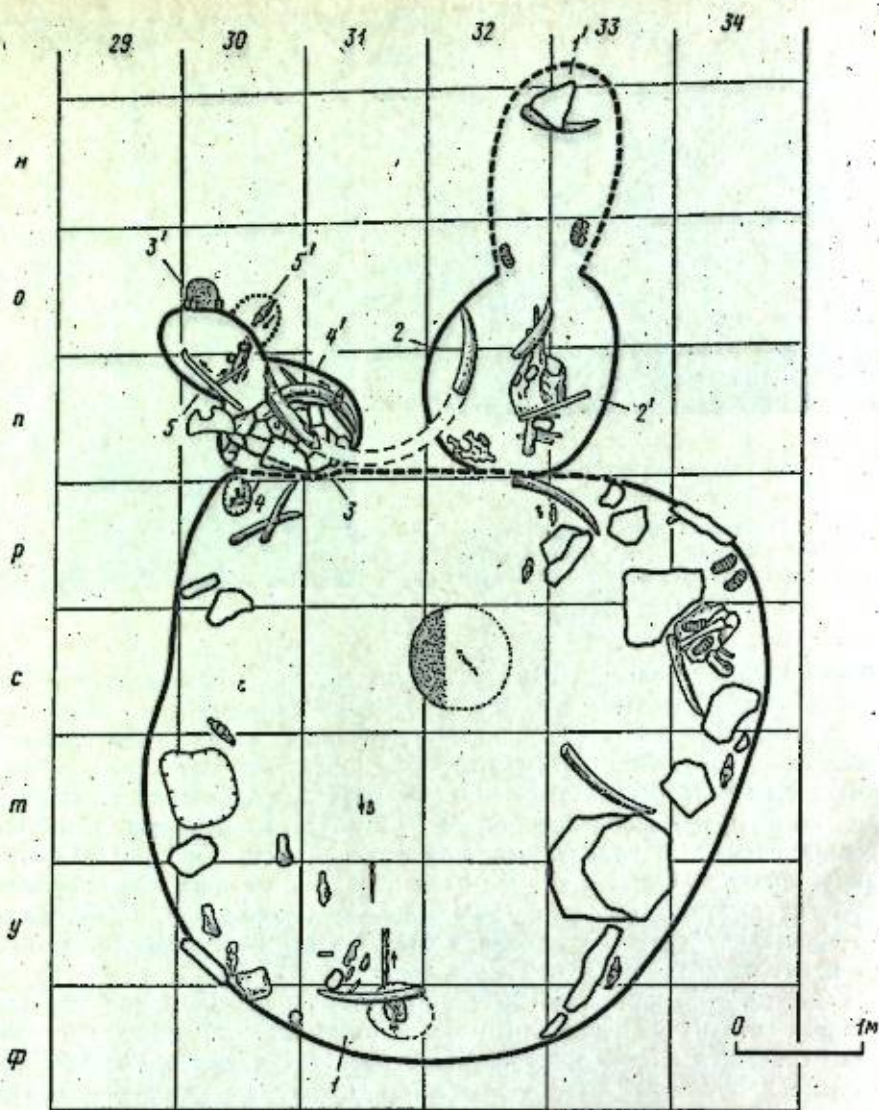

Рис. 3. План и разрезы гагаринского жилища (план — по раскопкам 60-х годов)

и резко выклинивалась, обозначая край углубленного основания жилища. Этот четко прослеженный край жилища не совпадает на 0,7 м с его контурами, установленными на данном участке С. Н. Замятинным в 1927 г. (см. рис. 1). Край жилища находится севернее, ближе к его центру 40 см в поперечнике и 19 см глубиной (восточный край ее частично среза скульптура человека, вырезанная из бивня мамонта).

Еще одна ямка (24×18×8 см), срезанная сверху прошлыми раскопками, обнаружена в 1965 г. у северного края жилища, когда на этом участке проводился контрольный просмотр мешаного грунта. Мешаный грунт на месте жилища содержал много кремневых изделий и костяные поделки (незаконченную женскую статуэтку и скульптуру антропоморфного облика).

В 1962 г. у северного края жилища обнаружены две большие ямы, которые вместе с жилищем составляют единый комплекс. Западная яма, состоящая из двух камер округлой формы, вытянута к северу от жилища, южная камера более крупная — 1,08×0,95×0,75 м и северная — 0,77×0,60×0,40 м. На дне южной камеры находились: оббитый и обожженный валунчик (21×18×12 см), плита девонского известняка почти правильных прямоугольных очертаний (65×50×12 см) и бивень мамонта длиной 1,5 м. Выше лежала своеобразная, сложенная из обломков известняка плита — кладка (0,90×0,60×0,22 м), над которой размещались: с западной стороны — череп мамонта, положенный лобной стороной вниз, а затылочной к северу (большая часть черепа срезана раскопом 1927 г.), с восточной — основание крупного бивня мамонта, которое вместе с одним из концевых обломков, перекрывающих восточную яму, составляют один бивень длиной 3 м (средняя его часть уничтожена хозяйственной ямой); с южной — небольшая, но массивная известняковая плита. По-видимому, все это — остатки конструктивной детали доковой части перекрытия жилища. Крупный бивень, вероятно, стоял у жилища и свалился во время разрушения последнего. Край камеры, обращенный к жилищу, был нарушен хозяйственной ямой и особенно раскопом 1927 г. Внизу у северо-восточного края северной и южной камер, в нишах-подбоях обнаружено по одной женской статуэтке, а в нижней части заполнения южной камеры — фрагментированная головка скульптуры человека. У северного края ямы находился сильно разрушенный очажок (около 25 см в поперечнике), углисто-зольное заполнение которого ограждено по краю небольшими камнями и гальками.

Восточная яма овальная в плане, несколько вытянута в сторону от жилища (1,60×1,45×0,70 м), с почти отвесными стенами. На дне ямы прослеживался четко разделявшийся на два горизонта культурный слой мощностью 15 см: менее насыщенный находками нижний и верхний, почти сплошь состоящий из расщепленного кремня, мелких обломков костей, кусочков красной охры и костного угля. Яркая-красная охра в виде довольно крупных кусков образовывала скопление у северо-западной стены, а у середины ямы прослежено скопление костного угля и обожженных костей. Выше, у восточного края находился череп мамоненка с одним (правым) бивнем, но без нижней челюсти. У южного края найден второй, сильно разрушенный череп мамонта.

У северо-восточного края этой ямы в 1929 г., по-видимому, тоже была обнаружена небольшая яма. С. Н. Замятин отмечает, что здесь находилась плита розоватого песчаника, бивень и два зуба мамонта, много костей песка и кремневых осколков; мощность слоя была больше, чем на других участках⁴. Судя по монолиту, взятому в Гагарино в 1929 г. (в на-

⁴ С. Н. Замятин. Раскопки у с. Гагарино, стр. 37.

стоящее время находящемуся в экспозиции Музея антропологии и этнографии в Ленинграде), можно утверждать, что это действительно была яма. Монолит содержит хорошо выраженный культурный слой с включениями расщепленного кремня и скоплениями костного угля.

Чтобы проследить характер взаимосвязи этих ям, в 1967 г. был повторно вскрыт небольшой участок раскопа 1929 г. к северу от восточной ямы. Суглинок непосредственно у северного края восточной ямы в отличие от других участков имел темную окраску. Здесь найдены небольшая кремневая пластинка и крупный костный уголь. Находки залежали на 35 см выше дна восточной ямы, что в точности повторяет разницу глубин прилегающих друг к другу камер западной ямы. Таким образом, можно считать, что и восточная яма тоже имела двухкамерную конструкцию, сильно напоминающая полуземлянки Авдеевской стоянки.

О месте входа в жилище и его конструкции никаких сведений С. Н. Замятнин не приводит. Если учесть, что жилище южной стороной близко подходило к крутому склону мыса, восточная имела непрерывное ограждение из плит известняка, а у северной находились ямы и отсюда дули холодные ветры, то наиболее вероятно, что вход в жилище был с западной стороны. Здесь известняковые плиты не образовывали сплошного ограждения, и, как показано С. Н. Замятниным на плане (см. рис. 1), эта сторона жилища заметно спрямлена. Мы видим определенное сходство с одним из жилищ Мезинской стоянки, у которого, как отмечает И. Г. Пидопличко, фасадная часть срезана по хорде⁵. Западной стороной гагаринское жилище обращено к реке, и, как показали раскопки 60-х годов, именно с этой стороны на ровной площадке мыса находилась основная часть территории поселения, что в известной мере тоже подтверждает вероятность предположения о месте входа в жилище.

Планировка палеолитического жилища в ряде случаев может быть установлена довольно точно, особенно когда основание его углублялось или укреплялось по краю крупными костями или плитами камня. Что же касается перекрытия, то этот вопрос, как правило, остается без ответа, а если и решается, то весьма условно, поскольку дерево, служившее, несомненно, основным строительным материалом, на палеолитических стоянках не сохранилось. Лишь в единичных случаях зафиксированы остатки древесины, например полустлешные остатки дерева в жилище на Афонтовой горе⁶, фрагменты обугленных жердей в третьем жилище Долних Вестониц⁷ и в жилище стоянки Жаковска⁸. Крупные же кости животных и каменные плиты являлись лишь дополнительным строительным материалом и служили для укрепления нижней части перекрытия. С. Н. Замятнин считал, что высказываться о форме перекрытия гагаринского жилища нет достаточных данных, но предполагал, что оно имело вид шалаша конической или округлой формы⁹. Однако в суждении о форме наземной части гагаринского жилища необходимо учитывать своеобразие ограждения из плит известняка: на некоторых участках, в особенности на северо-восточном, плиты занимали строго вертикальное положение¹⁰. Такое ограждение могло соответствовать только более или менее вертикально стоящей стене, во всяком случае в самой нижней ее части. Если бы

перекрытие имело коническую форму, то и ограждение поставлено было бы с наклоном внутрь жилища, и после его разрушения свалиться плиты могли только внутрь, как, например, в пятом жилище Мальты¹¹. Сохранившие же первоначальное положение плиты занимали бы в таком случае наклонное положение и тоже в направлении центра жилища. Таким образом, считать, что наземная часть гагаринского жилища имела вид шалаша конической формы, нет никаких оснований. При наличии вертикальных стен и перекрытие в целом, по всей вероятности, имело округлую форму. Остов жилища был, очевидно, деревянным (при анализе образцов суглинка, взятого на месте жилища, установлены остатки древесины), сверху покрывался, вероятно, шкурами животных или корой дерева, а в нижней части по краю укреплялся поставленными на ребро плитами известняка.

В настоящее время известно большое число палеолитических стоянок, где были изучены остатки долговременных зимних жилищ. Учитывая близость хозяйственных основ палеолитического человека и тождественность климатических условий в приледниковой зоне, можно с уверенностью говорить о наличии постоянных жилищ на каждой достаточно длительно существовавшей стоянке. Однако в целом ряде случаев остатки жилых сооружений не могут быть зафиксированы только из-за сильного естественного разрушения памятника.

Жилища эпохи палеолита различаются по размерам, форме планировки, способам сооружения, используемому строительному материалу и т. д. Недостаточная изученность палеолитических жилищ не позволяет пока по-настоящему оценить их роль в освещении многих вопросов развития общества. Велико должно быть значение жилищ при выделении обособленных вариантов культуры в эпоху верхнего палеолита. Жилище, как правило, наиболее ярко отражает черты этнографического своеобразия. Но поскольку у палеолитических жилищ не сохранилось перекрытия, то дело приходится иметь только с их основанием, и для установления различий совершенно недостаточны только такие признаки, как размеры и форма, — необходимо учитывать и целый ряд других: способ сооружения, использование того или иного строительного материала, особенности конструкции доковой части перекрытия, своеобразие отдельных строительных деталей, число и место очагов, их конструкция, способ сооружения и ориентировка входа, своеобразие причажных пекарных ям, особенности и место ямок-хранилищ, внешних ям-кладовых, выбор места и планировка самого поселения, а также и другие детали. Выявление этих признаков и соответствующая их группировка позволят систематизировать палеолитические жилища.

¹¹ М. М. Герасимов. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.). СЭ, 1958, № 3, стр. 49—50, рис. 19—21.

⁵ И. Г. Пидопличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969, стр. 93—94.

⁶ Г. П. Сосновский. Поселение на Афонтовой горе. ИГАИМК, вып. 118. М.—Л., 1935, стр. 136.

⁷ V. Klíma. Palaeolithic Huts at Dolni Vestonice. «Antiquity», v. XXVIII, 1954, N 109, March, p. 9—12.

⁸ Fr. Prošek, V. Lošek. Stratigrafické otázky československého paleolitu. Památky archeologické, ročn. XLV. Praha, 1954, s. 54—56.

⁹ С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарино, стр. 38.

¹⁰ Там же, стр. 37, рис. 8.

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ
ИЗ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ РАШКОВ 7

В 1971 г. Молдавская археологическая экспедиция проводила исследование позднепалеолитической стоянки Рашков 7, открытой Н. А. Кетрару и Л. А. Полевым в 1958 г.¹ Из двух раскопов (2—48 м² и 3—100 м²) собрана большая коллекция изделий. Наряду с орудиями из кремня найдены выразительные костяные поделки и их обломки с разнообразными следами работы на поверхности. Среди них исключительно важны наконечники, изготовленные из бивня мамонтов и рога северного оленя. Два фрагмента являются верхними концами, три — средними частями и один — основанием наконечников. Все они с пазами.

Верхний конец наконечника из бивня мамонта имеет овальную, слегка уплощенную в сечении форму (рис. 1, 1). Два его паза, начинающиеся от самого верхнего конца (3 мм шириной и 1—1,5 мм глубиной), сужаются к основанию. На его поверхности наблюдаются тончайшие следы продольного заглаживания. Наконечник был сломан в древности, его обломки найдены на разных участках квадрата.

Второй, более массивный верхний конец наконечника из бивня мамонта имеет овальное сечение (рис. 1, 2). В отличие от первого паз у него уже и мельче (ширина желобка 1,5 мм, глубина 0,5—0,7 мм), нанесен отступа 1,6 см от верхнего конца. На поверхности его также видны тончайшие следы, только не продольного, как у первого экземпляра, а поперечного заглаживания.

Фрагмент средней части третьего наконечника из бивня мамонта раскололся в древности пополам, сохранились его половина с одним пазом (3 мм шириной, 1 мм глубиной) и стенка от другого (рис. 1, 3). Имеется орнамент в виде двух нарезок, расположенных под углом к пазу и одной перпендикулярной ему. Судя по сохранившемуся фрагменту, наконечник имел овальное сечение. На поверхности его следы продольного заглаживания.

Фрагмент средней части четвертого наконечника из бивня мамонта представляет собой пластинку, на толстом конце которой видна стенка паза (рис. 1, 4). Он имеет следы от продольного заглаживания.

Средняя часть пятого наконечника из рога северного оленя, разломанная вдоль, имеет два паза (рис. 1, 5). Ширина одного 3 мм, глубина 2 мм, стенки другого паза сильно заглажены, ширина его 2 мм, глубина 1,5 мм.

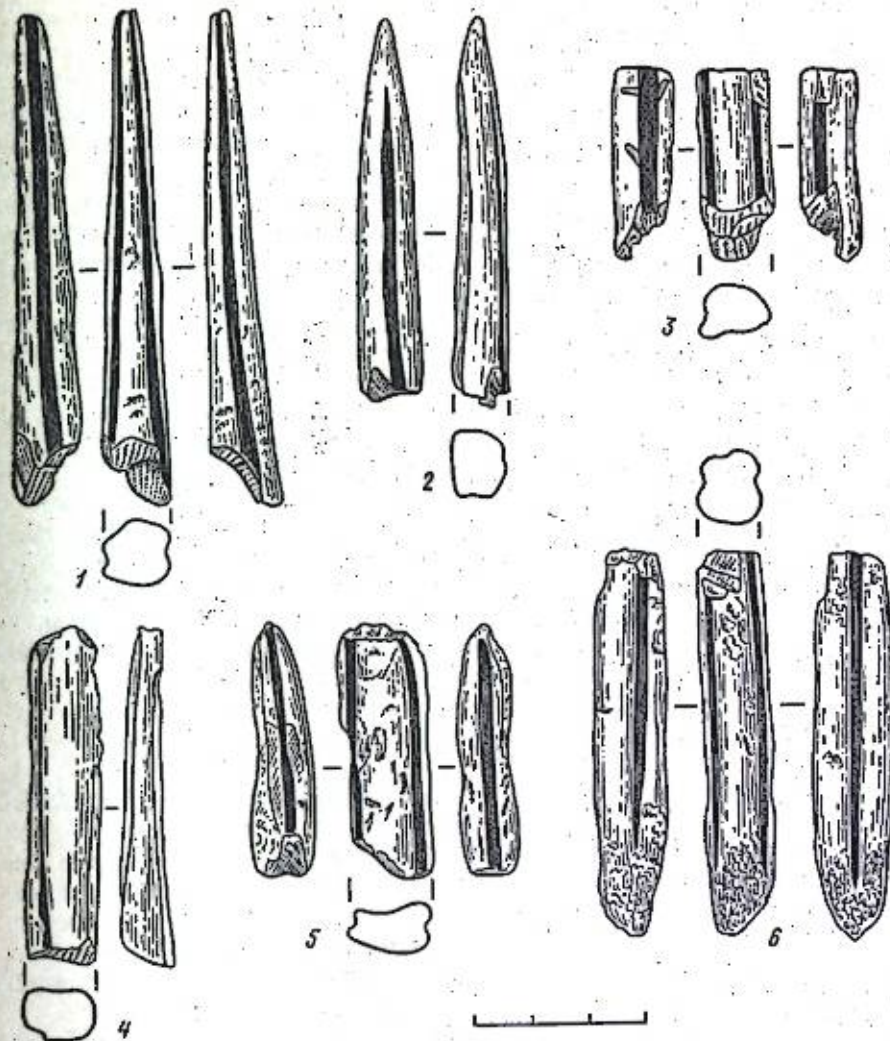

Рис. 1. Костяные наконечники из позднепалеолитической стоянки Рашков 7

Один конец в месте слома сильно затерт и как бы специально утончен. Судя по сохранившейся части, сечение наконечника слегка овально-уплощенное.

Фрагмент массивного основания шестого наконечника из бивня мамонта, слегка суженного к одному концу, имеет шероховатую поверхность (рис. 1, 6) и округлое сечение. Пазы его, нанесенные 1,6 см от зауженного и выкрошенного конца, имеют 3 мм в ширину и 1,5 мм в глубину. На поверхности видны тончайшие следы продольного заглаживания.

Таким образом, можно констатировать, что костяные наконечники Рашкова 7 в основном однообразны, лишь слегка варьируют их размеры и форма сечений; по-видимому, все они двухпазовые.

Костяной инвентарь Рашкова 7 представлен, кроме того, тремя муфтами-рукоятями из рога северного оленя, роговыми наковальнями и костями со следами срезов, возможно даже являющимися заготовками орудий.

Каменный инвентарь, насчитывающий свыше 35 000 экз., содержит более 3000 орудий. Основную группу составляют скребки, среди которых нуклеидные высокой формы и скребки с «носиком» занимают ведущее место. Среди резцов преобладают боковые, затем — на углу пластинки и

¹ А. И. Давид, Н. А. Кетрару. Предварительные данные об исследовании стоянки Рашков 7. «Охрана природы Молдавии», вып. 4. Кишинев, 1966, стр. 163—170; они же. Фауна млекопитающих палеолита Молдавии. «Фауна кайнозоя Молдавии». Кишинев, 1970, стр. 30—32; Н. А. Кетрару. Исследование палеолитической стоянки Рашков 7. «Проблемы географии Молдавии», вып. 2. Кишинев, 1967, стр. 105.

менее выразительные угловые и срединные резцы. Среди колющих орудий — проколки, остря, сверла. Единичны пластинки с круговой «ориньякской», далеко заходящей за край притупляющей ретушью, но много пластинок с мелкой притупляющей ретушью по одному, реже — по обоим краям. Выемчатые формы орудий немногочисленные. Выразительными сериями представлены песты-терочники различной формы и плиты для растирания не только краски, а, очевидно, сухих плодов и корней. Около 3% всех орудий составляют микропластинки с притупленным краем и ретушированными концами, микроострия и микропроколки. Большинство микролитов миниатюрны, что исключает их самостоятельное использование.

Число костяных наконечников с пазами, найденных при исследовании известных в настоящее время позднепалеолитических памятников Восточной Европы, незначительно. В Амвросиевской стоянке и в костище обнаружено 24 наконечника из трубчатых костей конечностей зубров (22 из костища, 2 обломка из стоянки)². При этом только три из них имеют пазы: один наконечник двухпазовый, два — однопазовых. Фрагмент средней части двухпазового наконечника овально-уплощенного сечения, ширина пазов 2—3 мм, глубина 1—1,5 мм. У второго наконечника паз (2,5 мм шириной и 1,5 мм глубиной) прорезан в средней части орудия, отступя 1,8 см от верхнего конца и 4,5 см — от основания. На третьем экземпляре паз намечен только несколькими продольными линиями, еще не везде соединенными вместе. Единственным экземпляром представлен небольшой наконечник вытянутой ромбовидной формы, в отличие от других округлый в сечении. Все остальные наконечники имеют веретенообразную форму, без пазов. Целые экземпляры из костища различны по длине — от 8 до 37 см³.

Небольшую, но выразительную серию составляют наконечники Мезинской стоянки⁴, изготовленные из бивней мамонтов. Два из них небольшие, ланцетовидной формы, с неглубокими пазами, один — двухпазовый целый наконечник и пять фрагментов (при этом три принадлежат одному наконечнику). Однопазовый наконечник один. Пазы на костяных наконечниках всех указанных памятников, как правило, относительно широкие и очень мелкие, так что закреплять в них кремневые вкладыши практически было невозможно.

Серия наконечников из бивней мамонтов и рогов оленей найдена также на многослойных палеолитических стоянках Молодова I и V⁵. В Молодове V, начиная с 7-го слоя, наконечники веретенообразные без пазов, в 3-м слое два фрагмента имеют пазы.

Небольшие сильно заглаженные стержни длиной от 5 до 7,1 см из бивней мамонтов обнаружены и на Елисевицкой стоянке⁶, среди них есть обломок наконечника с пазом. Наконечник из бивня мамонта и фрагмент найдены при исследовании Гонцовской стоянки⁷, три сломанных наконечника известны из Сунгирьской стоянки⁸, а также на ряде костенковских поселений и других позднепалеолитических памятниках. В большинстве случаев они не имеют пазов.

В общей сложности в настоящее время известно более 20 наконечников из позднепалеолитических стоянок Восточной Европы с довольно широкими, но неглубокими пазами. О назначении пазов неоднократно высказывались различные предположения: они служили для закрепления в них пластинок-вкладышей, для стока крови, для предания наконечнику большей устойчивости во время полета. Что касается первого предположения, то вряд ли оно достоверно. Невозможность закрепления вкладышей в столь мелких пазах была подтверждена экспериментально на рашковских наконечниках и микролитах. Об использовании пазов для закрепления микропластинок свидетельствует прекрасная серия вкладышевых орудий из Кокоревских стоянок на Енисее⁹. Там они узкие и глубокие, вставленная в них пластинка хорошо держится даже без дополнительного крепления. Два других предположения относительно назначения пазов остаются дискуссионными.

Примечательно, что на всех наконечниках, обнаруженных на многих ориньякских и мадленских памятниках Центральной Европы и ряде разнотипных стоянок Восточной Европы, пазы почти всегда широкие и неглубокие. Далее же на Восток, начиная с Урала¹⁰, вкладышевая техника применялась довольно широко — так же, как в Восточной Европе в эпоху мезолита.

Ответы на многие вопросы относительно костяных наконечников и о вкладышевой технике в позднем палеолите могут дать материалы Сунгирьской стоянки, в особенности инвентарь, сопровождающий погребение детей.

² З. А. Абрамова. О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 12—18.

¹⁰ М. Д. Гвоздовер. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого. «Ученые записки МГУ», серия IX, № 158, 1952, стр. 207—210.

² П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 339—340, 360—361.

³ Г. В. Григорьева. Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья. Автореф. канд. дисс. Л., 1968, стр. 8—9.

⁴ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965, стр. 207—211.

⁵ А. П. Черныш. Палеолит Среднего Приднестровья. ТКЧП, вып. 15. М., 1959, стр. 59—115.

⁶ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.

⁷ І. Ф. Левицький. Гонцівська палеолітична стоянка. «Палеоліт і неоліт України», т. I, Київ, 1947, стр. 197—237.

⁸ В. Н. Сукачев, В. И. Громов, О. Н. Бадер. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. М., 1966, стр. 38.

И. В. ГАВРИЛОВА

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
ФЕДОРОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Мезолитический комплекс на Федоровском поселении, выделенный после раскопок 1963 г., состоял из ножевидных пластин, их обломков с ретушью и без ретуши, резцов на углу сломанных пластин, мелких концевых скребочков, незначительного числа пластинок с выемкой и со скошенным краем¹. Аналогичные изделия в Костромской обл. отмечались также в устье р. Покши, на Умиленье, в устье р. Юг и на Некрасовском озере². При этом на трех последних помимо перечисленных орудий были найдены целые экземпляры и обломки наконечников стрел из ножевидных пластин, в устье р. Юг и на Умиленье — по одной трапеции.

Однако мезолитический возраст указанных микролитов у некоторых исследователей вызывал сомнение, поскольку в Костромском Поволжье они нередко сопровождаются находками галичской культуры, обнаруживающей определенное сходство с культурами Прикамья и Приуралья, где изделия из ножевидных пластин бытовали значительно дольше. Новые данные, полученные в результате исследований последних лет как в Верхнем Поволжье, так и на близлежащих территориях, подтверждают правильность их датировки мезолитом. Существенны в этом плане материалы раскопок Федоровского поселения 1969—1971 гг., на площади равной 288 м², расположенной в 150—200 м выше по течению р. Вексы от раскопов В. И. Смирнова, А. Н. Казаринова, А. Я. Брюсова и раскопок автора 1962—1964 гг.

К мезолитическому комплексу относится около 1000 предметов (рис. 1—2), состоящих главным образом из ножевидных пластин, их обломков и изделий из них, а также некрупных уплощенных отщепов кремня, обработанных очень мелкой ретушью. Во всех случаях сырьем служил велунный кремень коричнево-красноватого цвета. На этом участке, как и в ранее исследованной части поселения, культурный слой содержал разновременные остатки, не разделенные стратиграфически, поэтому комплекс эпохи мезолита выделен типологически.

Ножевидные пластины (общее число которых вместе с фрагментами без дополнительной обработки более 300 — рис. 1, 32—34, 36—39, 41) в подавляющем большинстве тонкие, правильно оgranены, трапециевидные в сечении. Длина их не превышает 6 см, ширина 2 см. Преобладают пластинки длиной от 2 до 4 см, шириной от 0,5 до 1—1,3 см. Особой миниатюрностью отличаются две пластинки размером 1,4×0,2 и 1,2×0,4 см. Сравнительно редки пластинки с высоким ребром, искривлен-

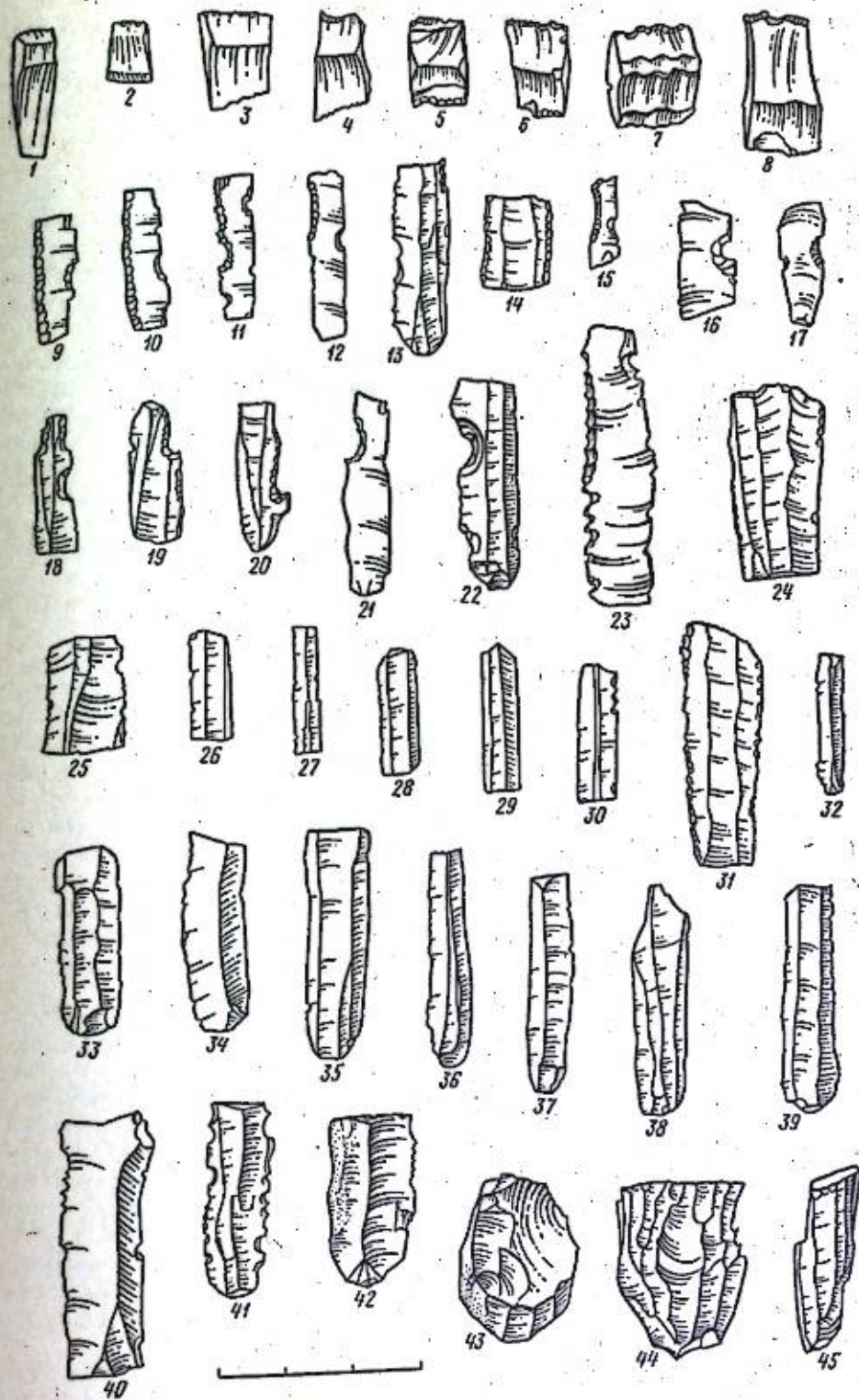

Рис. 1. Микролиты Федоровского поселения

1—3, 24—31, 35, 40 — сечения пластин; 4—12, 14, 15, 23 — сечения и пластин с ретушью на боковой стороне; 13 — резец; 16—22 — пластинки и сечения с выемкой; 32—34, 36—39, 41 — ножевидные пластинки; 42 — обломок пластинки; 43 — скол с нуклеусом; 44—45 — нуклеусы

¹ И. В. Гаврилова. Новые мезолитические памятники Костромской области. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 101—107.

² П. Н. Третьяков. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья. МИА, № 110, 1963, стр. 9—24.

ные, с гранями, не образующими прямых линий. Обломки пластин отличаются укороченными пропорциями (рис. 1, 42). Нередко это части с ударным бугорком, иногда узкий конец пластины. Обломки же пластин без ударного бугорка и узкого конца (269 экз.) составляют группу сечений (рис. 1, 1—3, 24—31, 35, 40). Они подразделяются на удлиненные, когда длина больше ширины, и укороченные, когда длина равна ширине или меньше ее.

У 246 пластин, обломков и их сечений мелкая крутая ретушь покрывает боковые стороны целиком или частично со спинки или брюшка, в единичных случаях — с обеих плоскостей (рис. 1, 4—12, 15, 23), как правило, стороны изделий сильно сработаны. При этом следы сработанности наблюдаются и на экземплярах без дополнительной обработки, в особенности на сечениях.

Определенный интерес представляют один целый наконечник стрелы и два обломка (рис. 2, 1—3), впервые найденные на Федоровском поселении. Целый экземпляр листовидно-удлиненных очертаний изготовлен из тонкого отщепа. Плоская ретушь покрывает спинку целиком и концы брюшка. Для обоих обломков наконечников заготовками послужили ножевидные пластины, в одном случае сравнительно крупная (4,7×1,6 см) из кварцита (?). Острый конец ее с брюшка ретуширован. Слегка выражен черешок, острие частично подправлено ретушью и со спинки. Второй обломок из кремня размером меньше первого (2,1×1 см) и в отличие от него имеет острие, обработанное ретушью с обеих плоскостей; на сломе с двух сторон нанесены резцовые сколы.

Единичны острие и пластины со скошенным краем (рис. 2, 10—11). Острие тонкое — 2,8×0,7 см, обработано мелкой крутой ретушью по всему периметру, легкая изогнутость придает ему клювовидную или гравитийную форму. На пластинке со скошенным краем ретушь нанесена с брюшка не только на скошенном конце, но частично покрывает и прилегающую к нему боковую сторону. Размеры ее 2,5×0,8 см.

Если в коллекции предшествующих лет пластинки с боковой выемкой были представлены единичными экземплярами, то в описываемом комплексе их 55. Для этих изделий использовались пластины и сечения (см. рис. 1, 16—22), на которых, как правило, располагается со спинки или с брюшка тщательно отретушированная выемка. Иногда она совсем крошечная, не более 0,3 см в диаметре, асимметричная, степень вогнутости различна.

Из 52 резцов лишь пять изготовлены из отщепов, остальные — на углу сломанной пластины (рис. 2, 4, 6—9, 14—21). Заготовками для них послужили обломки относительно массивных пластин и сечений, но встречаются и миниатюрные резцы. В большинстве случаев у сломы размещается один, реже — два резцовых скола. Очень редко сколы располагаются на противоположных концах сечения. Возможно, к резцам следует причислить и три удлиненных сечения, у которых крутая ретушь притупляет конец одной из боковых сторон, как бы заменяя резцовый скол (рис. 1, 13).

Из пяти резцов, изготовленных из крупных массивных отщепов кремня, два — срединные, три — многофасеточные. На двух изделиях ниже сколов наблюдается ретушь, подправляющая края отщепов. Один из резцов двойной.

Скребки представлены 60 экз. (рис. 2, 5, 12, 13, 22—28, 31—33). Для большинства из них использованы не крупные уплощенные отщепы подтреугольных и подпрямоугольных очертаний, их рабочий край слегка скруглен. Среди скребков из отщепов 11 выделяются особой миниатюрностью, их размеры не превышают 1,5—2 см. Значительно меньше скребков из ножевидных пластин, часть из них достаточно массивны. Один из скребков имеет вогнутую форму. Иногда на боковой стороне скребка

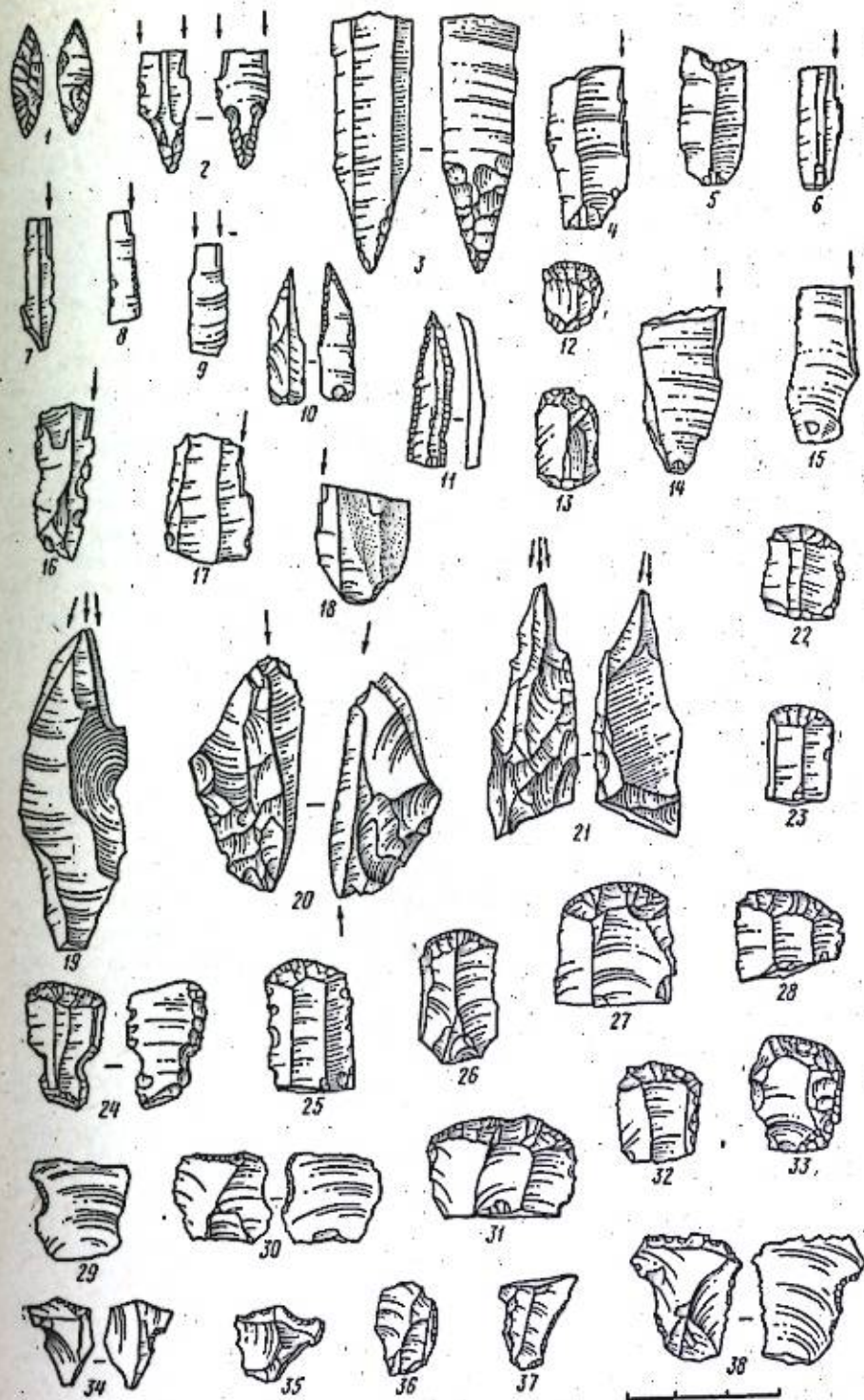

Рис. 2. Микролиты Федоровского поселения

1 — наконечник стрелы; 2 — обломок наконечника с резцовыми сколами; 3 — обломок наконечника стрелы; 4, 6—9, 14—21 — резцы; 5 — вогнутый скребок; 10—11 — острия; 12, 13, 22—23, 31—33 — скребки; 29—30, 34—38 — изделия из отщепов

размещается выемка, а на сломанном тыльном конце — рецзовый скол, высокие скребки полностью отсутствуют.

Помимо изделий, описанных выше, к этому же комплексу отнесен нами 131 отщеп (рис. 2, 29, 30, 34—38), на котором мелкая крутая ретушь покрывает целиком или частично одну из сторон или образует крошечную выемку. Иногда на одном отщепе выемка нанесена на микроскребочек.

Из 12 нуклеусов лишь один карандашевидный, остальные неправильной конической и призматической формы. О наличии ядрищ для скалывания очень мелких правильно ограниченных пластин свидетельствуют сколы с площадок (рис. 1, 43—45).

По аналогиям с другими мезолитическими памятниками к перечисленным изделиям, возможно, следует прибавить некоторые нешлифованные кремневые рубящие орудия подтреугольной формы.

В целом новый комплекс принципиально не отличается как от изделий микролитического облика, найденных здесь ранее, так и от других памятников с микролитическим инвентарем Костромского Поволжья. В то же время прочие предметы, найденные в раскопке, и прежде всего керамика, имеют существенные отличия. Так, в раскопках 1963—1964 гг. основную массу составляла ямочно-гребенчатая и галичская керамика, тогда как остальная не превышала 7%. На вновь вскрытом участке гораздо больше обломков сосудов эпохи бронзы и железа, а ямочно-гребенчатая даже в нижнем горизонте культурного слоя не превышает 39%. На площади более 400 м², вскрытой в 1963—1964 гг., найдено 143 микролита, за последние три года на меньшей площади в общей сложности обнаружено более 900 микролитических изделий.

Приведенные цифры иллюстрируют отсутствие взаимосвязи микролитов с любым более поздним археологическим материалом. Они должны рассматриваться как самостоятельный комплекс эпохи мезолита. Такой вывод подтверждает сходство наших находок с мезолитическими памятниками второго слоя Елиного Бора и с вновь открытыми на территории Верхнего Поволжья — Бутовской и Соболевской V стоянками³.

Некоторым аргументом для выделения микролитических изделий Федоровского поселения в самостоятельный комплекс служит и открытие летом 1970 г. нового местонахождения под г. Солигаличем. Здесь на высоком левом берегу старицы р. Костромы, против впадения в нее р. Сельмы, на поверхности и в сохранившихся пятнах культурного слоя обнаружены две пластинки с ретушью на боковых сторонах, пластинки и сечения без дополнительной обработки, мелкие чешуйки кремня. Существенно, что за редким исключением, цвет кремня, использованного для их изготовления, такой же красноватый, как у большинства федоровских микролитов. Высокое расположение находок, отсутствие каких-либо других вещей, сходство кремневого сырья с кремнем, из которого изготовлены микролиты Федоровского поселения, указывают, как нам кажется, на их мезолитический возраст.

Уместно в этом плане упомянуть и о местонахождении на левом берегу р. Унжи при впадении в нее р. Княжкой у с. Ильинского в Кологривском р-не. Кремни были найдены вблизи верхнего конца села, на краю коренного берега (или террасы), поднятого над высокой поймой р. Княжкой на 1,5—2 м и удаленного от последней на 500—800 м. Здесь берег прорезан небольшим ручейком, который, выйдя на пойму, круто поворачивает на юг к Унже. На правом берегу этого ручья, на размытой дороге при зачистке промоины обнаружены мелкие отщепы светло-серого кремня

и несколько обломков ножевидных пластин. Зачисткой установлено, что под тонким слабо гумусированным песком кое-где сохранились пятна розоватого песка толщиной 0,10—0,15 м, ниже которого лежит оранжевый песок толщиной 0,15—0,20 м, подстилаемый светлым белесым песком. Мелкие отщепы встречались в розоватом и оранжевом песке, а иногда проникали в белесый. Признаков керамики не обнаружено. По-видимому, это остатки мезолитической стоянки, так как отщепы микролитичны.

Находки двух последних пунктов невелики и маловыразительны. Однако они указывают с определенностью на перспективность и необходимость поисков мезолитических памятников и в этой области европейского Северо-Востока.

³ Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор. МИА, № 126, 1966, стр. 178—184; он же. Бутовская мезолитическая стоянка. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 81—85; он же. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. КСИА, вып. 117, 1969.

Н. Н. ГУРИНА

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЕВРОПЕЙСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ

Одной из научных традиций Ленинградского отделения Института археологии АН СССР являются работы в Европейском Заполярье — Кольском полуострове. В течение многих лет, в довоенные и послевоенные годы его сотрудники производили здесь исследования в ряде случаев совместно с геологами¹. В результате были открыты сотни археологических памятников, позволяющих осветить иногда достаточно подробно отдельные этапы древней истории этой территории и создать общие представления об основных путях развития его населения².

Почти сплошное обследование северо-западного, северного и частично южного побережья полуострова, произведенное в 1946—1948 г., показало, что эта далекая северная окраина нашей страны была довольно густо заселена в каменном веке.

В последние годы археологическое исследование Кольского полуострова вступило в новый этап. Непрерывные работы Ленинградского отделения Института археологии АН СССР проводятся совместно с Северным филиалом Географического общества (председатель И. Л. Фрейдин), в тесном контакте с высококвалифицированными геологами-четвертичниками под руководством С. А. Стрелкова и Б. И. Кошечкина, по единому целе-

¹ Г. Д. Рихтер, С. Ф. Егоров (1925 г.); А. В. Шмидт (1925, 1928 гг.); Г. И. Горский (1934, 1935 гг.); Б. Ф. Земляков, П. Н. Третьяков, И. И. Краснов, С. В. Яковлева (1935, 1937 гг.); Н. Н. Гурина (1946—1948, 1964, 1969—1972 гг.).

² А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском заливе. «Кольский сборник». Л., 1930; Г. И. Горский. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка. «Труды АИЧПЕ», вып. III, 1937; Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на Севере СССР. СА, V, 1940; он же. Отчет о работах Кольской экспедиции. «Труды Советской секции inqua», вып. II. Л., 1936; он же. Археологические исследования на побережье Арктического океана. «Труды Советской секции inqua», вып. III. Л., 1937; он же. Арктический палеолит на Севере СССР. «Труды КИЧПЕ», т. V, вып. 1. М.—Л., 1937; П. Н. Третьяков. Экспедиция по изучению «арктического палеолита». СА, II, 1937; Н. Н. Гурина. Каменные лабиринты Беломорья. СА, X, 1948; она же. Основные этапы древней истории Кольского полуострова. «Ученые записки АГУ», № 115, 1950; она же. Некоторые данные о заселении южной части Кольского полуострова. СА, XII, 1950; она же. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова. МИА, № 20, 1951; она же. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей. МИА, № 39, 1953; она же. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. МИА, № 39, 1953; она же. Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова. КСИА, вып. 126, 1971; она же. Археологические памятники Кольского полуострова. «Природа и хозяйство Севера». Апатиты, 1971; она же. Древние памятники Кольского полуострова. «Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита». Л., 1972.

направленному плану, подчиненному решению двух главных проблем: 1) время и пути первичного заселения Кольского полуострова и 2) закономерности и особенности этнокультурного, хозяйственного и социально-экономического развития его древнего населения.

В результате реализации очередных этапов принятого плана, что стало возможно в связи с включением в работу новых исследователей (Л. Я. Крижевской, И. В. Гавриловой, А. Н. Мелентьева и др.), удалось получить богатую информацию о заселенности ранее не обследованной территории, почти полностью завершить разведки на его побережье (рис. 1), произвести дополнительное изучение Рыбачьего полуострова, выборочно — долины западных рек: Патсойоки, Печенги, Титовки, Западной Лицы, а также западных бухт и побережий озер внутренней части Кольского полуострова: Иоконьгского, Бабьего, р. Варзуги и оз. Ловозера.

Серия вновь открытых памятников, расположенных в различных топографических условиях (в частности, по отношению к погребенному горизонту), при исследовании которых были получены типологические и в некоторых случаях радиоуглеродные датировки, позволяют приблизиться не только к уточнению возраста эпохи мезолита и неолита на рассматриваемой территории, но впервые расчленили их на отдельные хронологические этапы. Информация с широкой территории (западных, восточных, южных и центральных районов) способствует выявлению этнокультурной принадлежности древнего населения и позволяет проследить изменения его взаимосвязей с населением соседних территорий.

Из числа наиболее древних памятников, помимо вновь обнаруженных стоянок на Рыбачьем полуострове (Вайдогуба, губа Малая Волоковая, Эйногуба), расположенных так же, как и ранее известные, — на древних береговых валах, отчетливо датированных геологами³, мезолитические находки сделаны на западной окраине Кольского полуострова: Западной Лице, Долгой Щели, побережье р. Патсойоки, Печенги, а также на южном и восточном побережье полуострова: реках Лумбовке, Варзуге, Пялице. Появилось известное основание установить между ними некоторые различия, скорее всего этнокультурного порядка.

Особый интерес среди инвентаря вызывают кремневые трапеции, найденные в сочетании с кварцевыми орудиями — скребками и наконечником стрелы, миниатюрные резцы, полученные своеобразным приемом расщепления, очень близкие орудиям комсокультуры Норвегии⁴ (рис. 2). Помимо типологического сходства инвентаря указанных памятников их близость подтверждают и топографические данные — расположение на значительных высотных отметках (от 29,2 до 90 м над уровнем моря).

Большая группа неолитических стоянок и поселений (более 40) открыта экспедициями в результате почти сплошного обследования южного побережья от устья р. Чаванги до устья р. Даниловки (рис. 1). Они сконцентрированы вблизи устьев Чаванги, Чапамы, Пялицы, Пулонги и далее к востоку, на побережье всех рек и небольших ручьев: Бабья, Сосновка, Снежинца, Глубокая, Даниловка.

Двухлетние раскопки в районе пос. Сосновка (площадь около 300 м²), в одном из долговременных поселений Наволок⁵, выявили весьма интересную стратиграфию и позволили получить значительное количество материала, давшего возможность установить общие особенности прибрежных поселений и некоторые их локальные черты.

Поселение Наволок занимало мыс, расположенный между двумя небольшими морскими бухтами, поднятый на 8—10 м над уровнем моря. Общая

³ Вся серия высотных данных получена экспедицией Геологического института Кольского филиала АН СССР, возглавляемой Б. И. Кошечкиным.

⁴ K. Odner. Komsokulturen i Nesseby og sør-Vatanger. Bergen, 1966, tabl. XXIII.

⁵ Поселение открыто в результате разведок А. Н. Мелентьева.

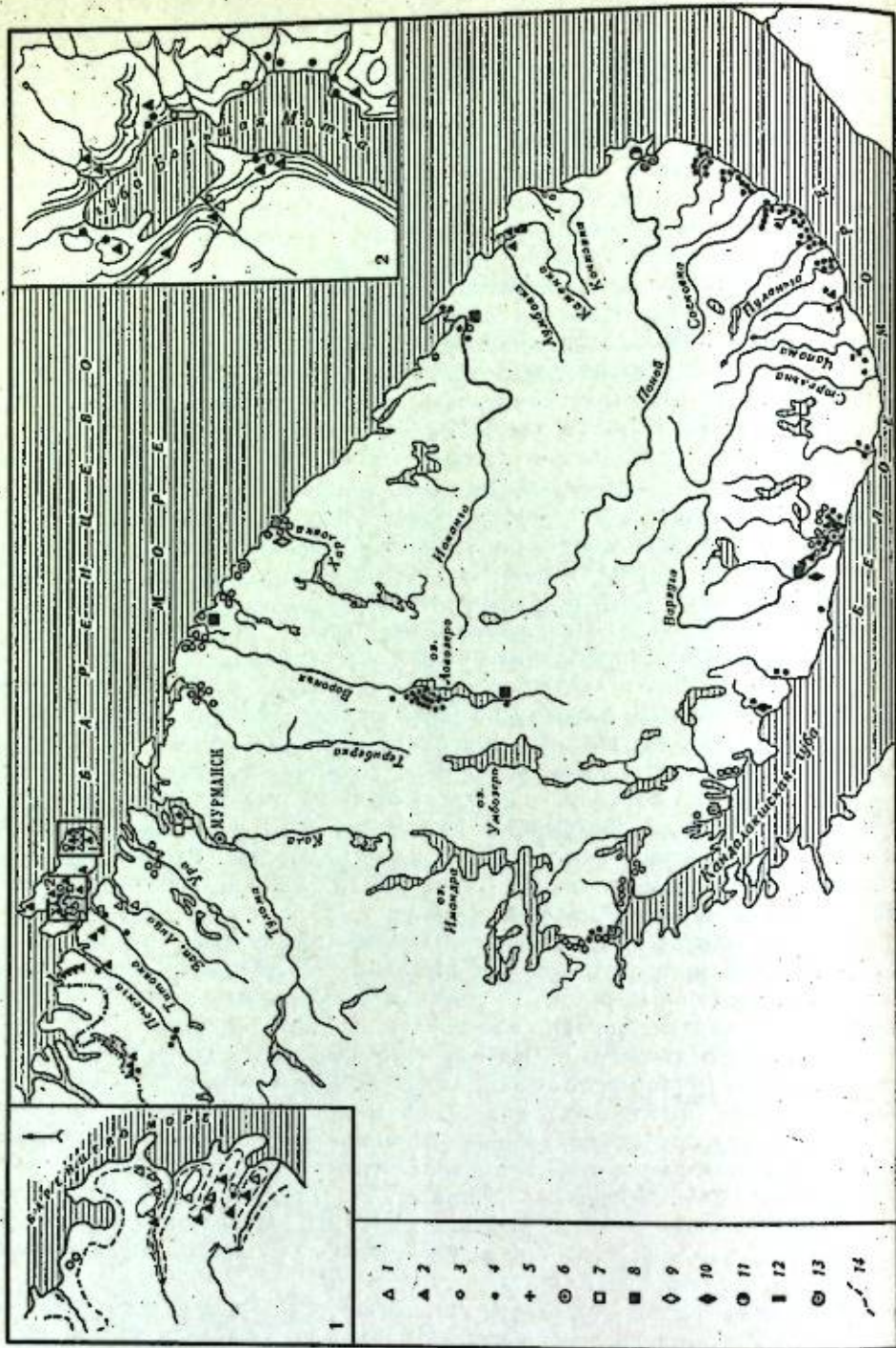

Рис. 1. Археологические памятники Кольского полуострова, открытые экспедициями ЛОИА АН СССР

1 — мезолитические стоянки, открытые до 1965 г.
 2 — мезолитические стоянки, открытые после 1965 г.
 3 — неолитические поселения и стоянки, открытые до 1965 г.
 4 — неолитические поселения и стоянки, открытые после 1965 г.
 5 — могильники эпохи раннего металла, открытые до 1965 г.
 6 — курганы, открытые после 1965 г.
 7 — стоянки эпохи раннего металла, открытые до 1965 г.
 8 — стоянки эпохи раннего металла, открытые после 1965 г.
 9 — русские средневековые поселения, открытые до 1965 г.
 10 — русские средневековые поселения, открытые после 1965 г.
 11 — древние славянские поселения и могильники, открытые до 1965 г.
 12 — древние славянские поселения и могильники, открытые после 1965 г.
 13 — лабиринты, открытые до 1965 г.
 14 — очертаия древнего берега

площадь, занятая в прошлом поселением, — не менее 6000 м². На большинстве участков стратиграфия имела следующий характер: 1) тонкий торф толщиной от 0,07 до 0,2 м; 2) серовато-розовый песок мощностью 0,1—0,2 м; 3) песок темного цвета различных оттенков мощностью 0,1—0,15 м, иногда до 0,25 м; 4) коричнево-серый мате-этой общей стратиграфии являлось наличие полосатой прослойки мощностью до 0,17 м (чередование белого песка и темного торфа), проследить которую удалось на некоторых участках, между торфом и темным песком. Находки торфа и темного песка.

На некоторых квадратах встречены очаги в виде углисто-золевых пятен, в отдельных случаях обожженных камней, и скопления полуфабричные места мастера».

Число находок не очень значительно. Основную массу составляют кварцевые отщепы и орудия из кварца, преимущественно скребки разнообразных, чаще всего округлых очертаний. Среди наконечников стрел встречаются тщательно изготовленные кремневые и сланцевые — зашлифованные по всей поверхности. По форме кремневые наконечники разнообразны: наряду с удлиненно-ромбическими с намечающимися шипами (рис. 2) встречен листовидный экземпляр, изготовленный из отщепы, ретушированный лишь по периметру. Сланцевые наконечники — треугольно-черешковые.

Керамика немногочисленна. Она представлена довольно толстостенными сосудами с примесью дресвы, орнаментированными по всей поверхности оттисками довольно крупной гребенки и ямками. Датировка методом С¹⁴, выполненная лабораторией Института археологии АН СССР, — ЛЕ 1020, 4170 ± 70 (2220 лет до н. э.), позволяет отнести данное поселение ко второй половине III тысячелетия до н. э.

Очень существенно, что и другой прибрежный памятник — близ пос. Пялицы, пункт 18, культурный слой которого залегает под торфом, датирован лабораторией Института археологии первой половиной III тысячелетия до н. э. — ЛЕ 1031, 4700 ± 70 (2750 лет до н. э.).

Столь же обширным по площади, как и Наволок, оказалось поселение в устье р. Чаваньги, впадающей в узкую, мелкую песчаную морскую бухту. Памятник расположен на относительно ровной площадке правого берега реки, поднятой на 17 м над современным уровнем моря, на расстоянии от него около 1 км.

В силу близкого залегания культурного слоя к дневной поверхности он в большой мере оказался разрушенным ветрами, в результате чего поверхность поселения усеяна огромным количеством находок, среди которых большой процент занимают отходы производства — разнообразные сколы, отщепы, а также нуклеусы, свидетельствующие о производстве орудий на месте. В ряде случаев они встречаются в сочетании со шлифовальными плитами, ретушерами, отбойниками, составляя большие скопления и размещаясь вблизи очагов. Наряду с этим многочисленны заготовки и цельные орудия, носящие на себе следы использования.

Велико число и крупных рубящих орудий — топоров, долот, тесел из разновидностей темно-серого сланца очень тщательно зашлифованных устойчивых форм. Хорошо представлены шиферные и кремневые наконечники стрел; шиферные — с отчетливо выделенным черешком и относительно широким пером, кремневые — листовидные и треугольно-черешковые. Преобладают кварцевые скребки разнообразных форм с хорошо выраженным округлым лезвием, кремневые скребки на случайных отщепках (рис. 2). Изредка попадаются мелкие скребочки из горного хрусталя, обнаружен довольно крупный кусок халцедона.

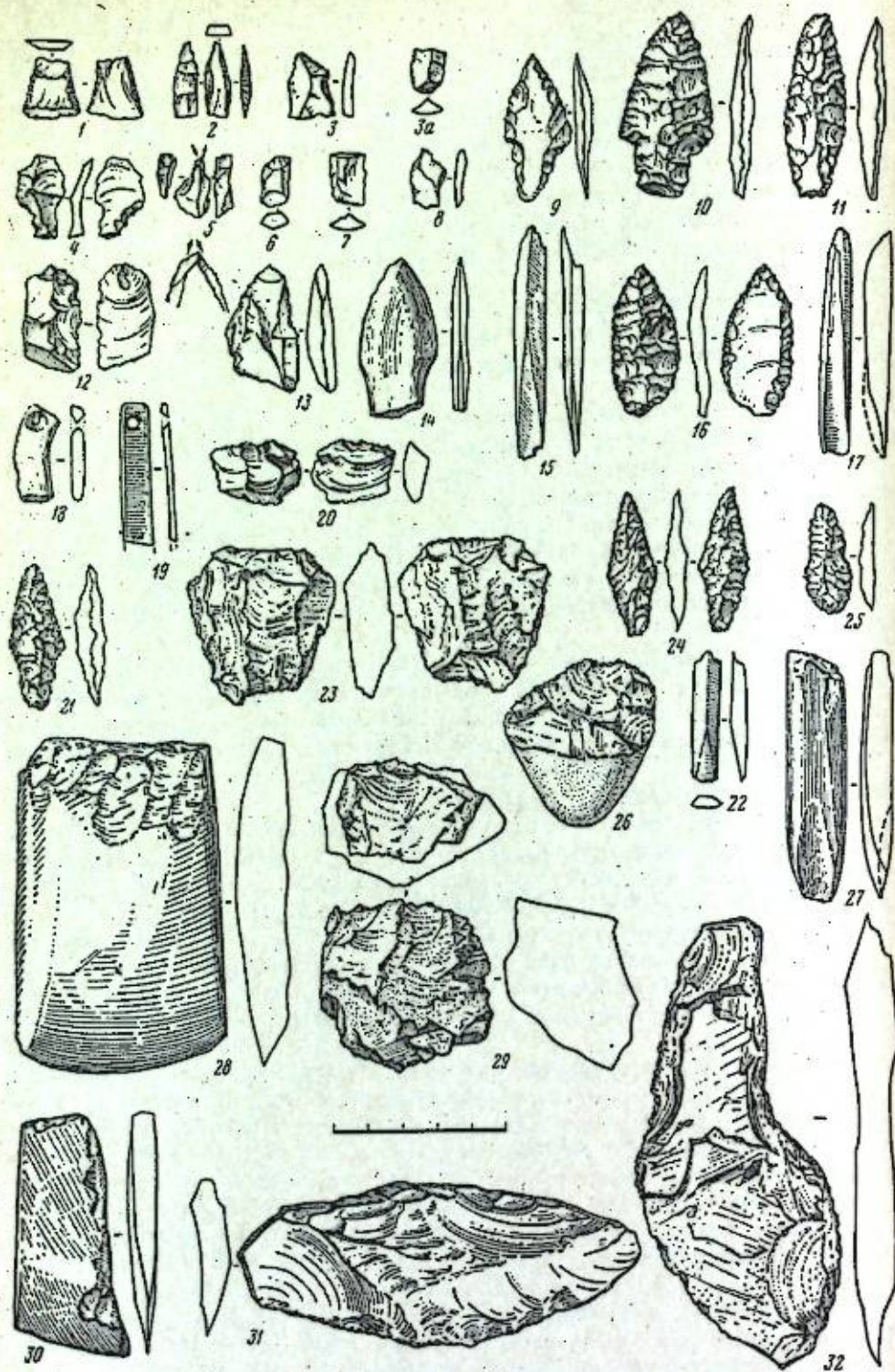

Рис. 2. Некоторые типы инвентаря стоянок, обнаруженных экспедициями ЛОИА в последние годы

1, 4, 21, 23—25 — Пялица; 2, 11, 18, 19, 32 — Куаюмень; 3, 3а, 5—8, 12—13, 20 — Долгая Щель; 9, 14, 15, 17, 22, 28, 29, — Чаваньга; 10, 26 — Пулоньга; 16 — Наволок; 27, 30, 31 — Воэтра

Для определения возраста и этнокультурной принадлежности памятника значительный интерес представляет керамика, найденная *in situ* в стостенных (0,8—1 см), сплошь орнаментированных своеобразным крупным гребенчатым штампом. Типологически они близки керамике поселения Чага I, возраст которой определен методом С¹⁴.

Существенно, что против этого поселения, на левом берегу реки, также на большой площади, встречаются многочисленные кварцевые отщепы и реки составляют единый памятник.

В непосредственной близости от этих поселений, но на значительно более высокой террасе (около 23 м) открыта стоянка, содержащая иной инвентарь. Наличие сохранившегося нетронутым культурного слоя на части участков устья р. Чаваньги позволит в будущем произвести достаточно широкие раскопки с целью сопоставления и выявления локальных различий с другими прибрежными поселениями, в особенности со значительной группой их, обнаруженной экспедицией на побережье рек Варзуги, Стрельни, Чапамы и Пулоньги.

В плане выяснения особенностей хозяйственного уклада между неолитическими группами, жившими на морском берегу и внутри полуострова на озерах, важное значение имело исследование части побережья оз. Ловозера.

Разведки и последующие раскопки, проведенные здесь экспедицией начиная с 1970 г., позволили обнаружить целую серию (более 15) памятников каменного века. Выяснилось, что большинство из них приурочено к современному песчаному берегу озера, меньшая часть достаточно отдалена и лежит на древнем его берегу, окаймляющем ныне в большей или меньшей степени заболоченный торфяник. Нередко в этом случае они размещаются на древних мысах или островах.

Значительное число памятников первой группы обнаружено в северо-западной части оз. Ловозера, в одном из заливов, почти замкнутом, близ пос. Ловозеро и устья р. Вирмы, называемом «Поповским озером» (рис. 3).

Среди открытых и исследованных с помощью раскопок памятников наибольший интерес представляют два: на мысе Семерка и в устье р. Чаги⁶.

Поселение Семерка расположено на мысовой части северо-западного берега Ловозера, в месте, где залив — Поповское озеро — очень узкой протокой соединяется с основной частью озера. Северо-восточная часть мыса примыкает к мелкой, слегка заболоченной бухте. Поселение занимало участок, чрезвычайно удобный для рыболовства, а почти замкнутый залив (Поповское озеро) служил надежным пристанищем для лодок во время довольно частых здесь бурь.

Мыс в месте расположения поселения в основе своей каменистый, прикрытый небольшим почвенным покровом. Находки встречались на значительной площади и разных уровнях. Часть их вблизи протоки лежала прямо в воде, будучи, по всей вероятности, смытой с площадки, расположенной не более 1 м над озером, поскольку здесь непосредственно под дерновым слоем залегал тонкий, окрашенный в красноватый цвет культурный слой, содержащий значительное число кварцевых орудий.

Основная концентрация находок в хорошо выраженном культурном слое прослеживалась на относительно ровной, хотя и сильно испорченной современными углублениями площадке, высотой 3 м над современным уровнем озера (рис. 3).

⁶ Материалы подробно освещены в нашем полевом отчете о работе Кольской экспедиции за 1970 г., хранящемся в архиве ИА.

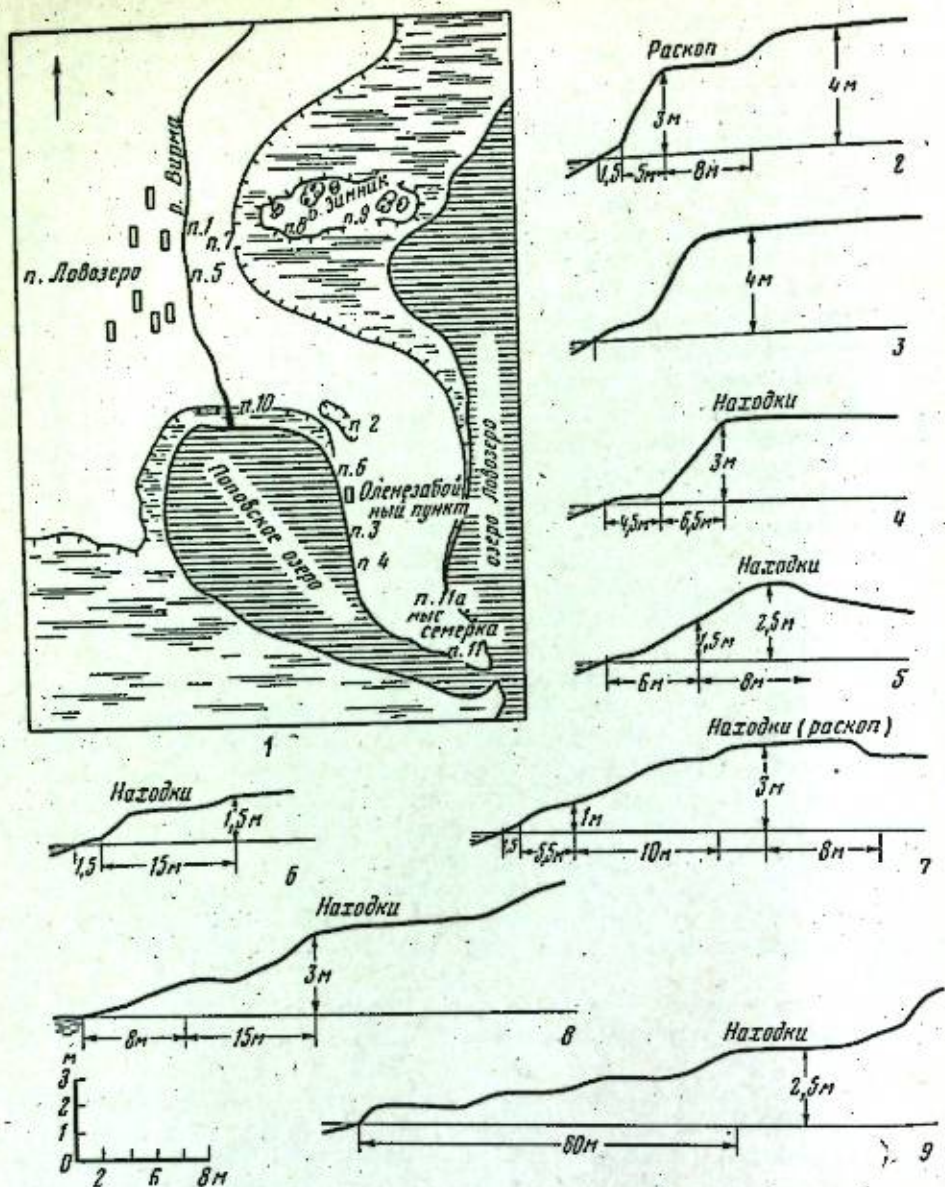

Рис. 3. Топографическое расположение некоторых памятников побережья оз. Ловозера
 1 — размещение стоянок в северо-западной части оз. Ловозера; 2—9 — высотные данные размещения стоянок оз. Ловозера; 2 — Цага I; 3 — Цага II; 4 — пункт 3; 5 — пункт 10; 6 — мыс Семерка (юго-западная сторона); 7 — мыс Семерка (юго-восточная сторона); 8 — пункт 7; 9 — пункт 4

Раскоп площадью 144 м² выявил следующий характер стратиграфии. Под относительно тонким травянистым растительным покровом залегал различных оттенков бурый песок иногда красноватого оттенка мощностью 0,2—0,3 м. На крайних квадратах (где он выклинивался) толщина слоя не превышала 0,1 м. Этот слой непосредственно подстилался красновато-бурым слегка железистым песком местами с примесью камней, так же как и верхний слегка заторфованным.

Культурные остатки встречались сразу под дерновым слоем, а некоторая часть их — в красновато-буром песке. Основную массу находок составляют кварцевые (скребки, нередко резцы) и сланцевые (топоры, тесла, долота) изделия часто весьма крупных размеров. Однако есть и небольшие шлифованные орудия — в отдельных случаях тонкообушные топоры.

Велико число полуфабрикатов — заготовок рубящих орудий, кусков и отщепов сланца. Иногда выразительные кварцевые нуклеусы имеют очень незначительный размер.

Керамика, как и на многих стоянках Кольского полуострова, представлена сравнительно небольшим числом сосудов, достаточно толстостенной (0,8—1 см), частично с органической примесью, после сгорания которой остались удлиненной или округлой формы пустоты. Глина, из которой изготовлены, хорошо промешана и отмучена, поверхность сосудов тщательно заглажена, как бы залощена, на внутренней стороне нередко выступают следы нагара. Полная форма сосудов не восстанавливается, очевидно лишь, что они имели прямой край. Орнамент хотя и разрежен, но покрывает, по-видимому, сосуд полностью. Он состоит из достаточно некосопоставленных отпечатки которой образуют горизонтальную линию. Встречаются отдельные фрагменты с растительной примесью, украшенные параллельными линиями, поставленными под прямым углом друг к другу, нанесенными тонкой гребенкой. Отдельные фрагменты имеют отпечатки гребенки на внутренней поверхности. В целом орнаментация сосудов довольно небрежная.

С таким в основном поздним характером керамики хорошо согласуются кремневые наконечники стрел, тщательно изготовленные плоской, почти пальчатой ретушью, характерной для беломорских наконечников. Сходство подчеркивают резко вытянутая их форма и характер кремня, преимущественно светлого.

Не исключена возможность, что мыс Семерка в силу большого удобства расположения был обитаем в течение длительного времени, в результате чего на нем сохранились следы разновременных (во всяком случае двух) древних поселений. Однако сильное разрушение поверхности мыса в последующее время не позволяет вынести окончательного суждения.

Для уточнения датировки памятников большое значение имело исследование стоянок южной части оз. Ловозера, в устье р. Цаги, на правом и левом ее берегах — Цага I и Цага II.

Стоянки оказались разновременными. Цага II, расположенная на правом берегу реки, содержала большое число кварцевых орудий и отщепов кварца, залегающих иногда значительными скоплениями. Тонкостенная керамика с примесью асбеста, украшенная вблизи края слабо заметными проглаженными полосами, и поздняя форма шиферного наконечника стрелы заставляют датировать эту стоянку самым концом неолита — началом эпохи раннего металла.

Стоянка Цага I занимала лишь небольшую часть четырехметровой террасы левого берега реки, будучи ограниченной с запада относительно резким повышением — второй террасой.

Раскопки дали весьма интересный вещественный материал. В отличие от Цаги II здесь преобладают сланцевые орудия, часто крупного размера. Довольно толстостенные глиняные сосуды имеют примесь песка. Внешняя поверхность их орнаментирована глубокими коническими ямками и своеобразным широким и плоским гребенчатым штампом.

Анализ углей из очага, произведенный лабораторией Института археологии, позволяет датировать эту стоянку первой половиной III тысячелетия до н. э. — 4690 ± 70 (2740 лет до н. э.).

Определенный интерес вызывают и другие стоянки побережья оз. Ловозера, в частности размещенные на древних его берегах. Судя по характеру материала и топографии, некоторые из них должны датироваться более ранним временем. Однако окончательное утверждение может быть сделано после полевых работ, продолженных нами в последующие сезоны, и сопоставления их с другими озерными памятниками.

Таковы результаты исследования, проведенного в последние годы экспедициями ЛОИА в Мурманской обл., изложенные здесь в предельно сжатой форме. Следует еще раз подчеркнуть, что огромные вновь выявленные материалы послужат надежным источником для установления общих закономерностей исторического процесса, протекавшего в древности на Кольском полуострове, что в свою очередь имеет чрезвычайно важное значение для познания древней истории всей Советской Арктики.

А. П. ХЛОБИСТИН

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНОГО ТАЙМЫРА

Среди памятников, обнаруженных Заполярным отрядом ЛОИА в 1971 г. при обследовании берегов р. Пясины — основной водной артерии западной части Таймыра, выделяются четыре стоянки, каменные изделия которых, изготовленные из пожевидных пластинок и имеющие мезолитический облик, можно считать в настоящий момент наиболее древними в бассейне Пясины.

Для Таймыра характерно, что большинство удобных мест неоднократно использовалось древними людьми для устройства своих поселений. До сих пор пригодными для жилья считаются хорошо прогреваемые, открытые ветрам, прогоняющим гнус, песчаные гривы высоких береговых террас при устьях небольших рек. Такие места, как правило, не заливаются при половодьях. Поверхность песчаных возвышенностей часто нарушена выдувами, на которых сплошными россыпями или отдельными скоплениями лежат находки. Древние стоянки обычно были недолговременными, содержащими немногочисленные следы деятельности их обитателей. Площади их невелики и зачастую не перекрывают одна другую, в силу чего применение метода горизонтальной стратиграфии для расчленения находок на разновременные комплексы дает хорошие результаты. Так, применение этого метода позволило отделить типологически ранние комплексы изделий от других находок на поселениях Пясина III и IV. Стоянка Лантошка II содержала аналогичный комплекс в чистом, без чужеродных примесей виде.

Связь изделий из пожевидных пластинок с культурным слоем отмечается на стоянке Пясина I, которая расположена на левом берегу р. Пясины, в 5 км ниже устья р. Б. Коренной, где четко выражены две террасы: первая высотой 5—6 м, вторая — около 9 м над уровнем реки. На мысовидном выступе второй террасы выявлены два культурных слоя. Первый — темно-коричневый песок с углистыми вкраплениями толщиной около 0,5 см — встречен прямо под дерном. К нему приурочены находки тонкостенной, с узкими налепными валиками керамики эпохи железа. Ниже в серо-желтом песке на глубине от 10 до 24 см лежит смятый криногенными процессами темно-коричневый гумус с зольными примазками толщиной 3—6 см; в мерзлотном клине он достигает 11 см. В слое изредка встречаются пожевидные пластинки. На выдуве рядом с раскопом на площади в 20 м² собрано более 60 пожевидных пластинок с двумя или тремя гранями на спинке. Сделаны они из хорошо раскальвающегося по слоям кремнистого сланца. По характеру и цвету породы можно предполагать, что пластинки сколоты всего с трех-четырех нуклеусов. В большинстве своем они имеют крупные размеры: ширина их 11—13 мм, редко 5—8, длина более 60 мм. Почти все пластинки использовались как орудия, причем 24 из них были для этого специально обработаны. Остальные, судя по следам сработанности, употреблялись просто как клинки ножей.

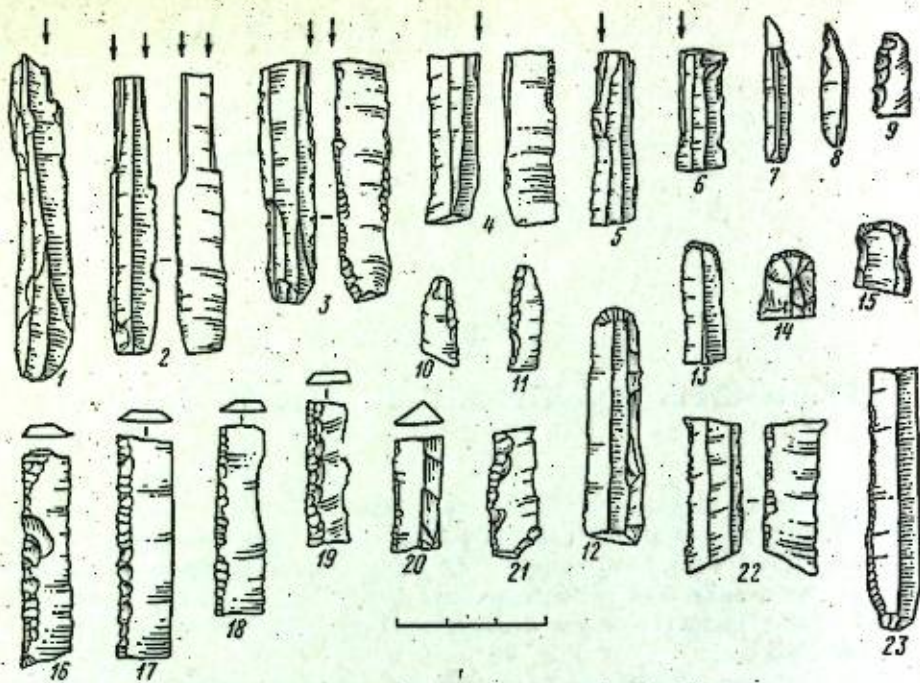

Рис. 1. Орудия стоянки Пясина I (1—23)

Шесть пластинок угловыми сколами были превращены в резцы (рис. 1, 1—6). У трех экземпляров резцовые лезвия сделаны из двух углов одного конца; у трех других — по единичному резцовому сколу. Резцы подновлялись дополнительными сколами. У одного орудия один угол образован сколом, другой оформлен наподобие резцового скола мелкой ретушью, нанесенной со спинки (рис. 1, 4). Для изготовления перечисленных орудий были утилизированы пластинки, уже использованные как ножи или как краевые скребки.

Концевые скребки (4 экз.) в трех случаях имеют овально-выпуклые рабочие края, а у одной пластинки усеченный конец использовался без предварительной обработки ретушью (рис. 1, 12—15). У длинного скребка на краях пластинки видны следы сработанности, как у ножа.

Девять пластинок употреблялись как боковые скребки (рис. 1, 16—21). Четыре из них с крупной приостряющей однокраевой ретушью на брюшке служили первоначально вкладышами. Особую группу скребков составляют мелкие пластинки с ретушью на брюшке около ударного бугорка (рис. 1, 9—11).

Две пластинки служили пилами (рис. 1, 22, 23); их края несут крутую зубчатую ретушь. Две проколки сделаны из миниатюрных пластинок, причем заостренность одной из них позволила обойтись без дополнительной обработки (рис. 1, 8). У другой острие, оказавшееся сломанным, было оформлено крутой ретушью (рис. 1, 7).

В 1,5—2 км ниже по течению р. Пясины, на ее правом берегу, вблизи оз. Чайчьего, на террасе, образующей берег высотой около 8 м, найдены остатки ряда разновременных поселений. Долинами ручьев и овражками терраса делится здесь на несколько мысовидных участков. Два из них, на которых сделаны находки, разделены долиной ручья. Поселение на верхнем по течению участке получило наименование Пясина III, на нижнем — Пясина IV.

На месте поселения Пясина III поверхность террасы сильно разрушена выдувами, на которых выявлено пять скоплений находок. В трех пунктах

они представлены грубыми сколами и отщепами кварцита, а также керамиче-ского железа. В двух других пунктах найдены только каменные изделия, селения на площади 10—15 м² были собраны шесть сколов кремня (из них один массивный, со скребковой ретушью) и обломки девяти ножевидных пластинок. Среди последних одна реберчатая. На пластинках видна мельчайшая ретушь, получившаяся в процессе работы. Мелкая крутая ретушь образует на конце одной пластинки выпуклое лезвие концевой скребка (рис. 2, 4).

Второе скопление каменной индустрии было обнаружено у края террасы на обширном выдуве. Собранные на площади 15—20 м² изделия состояли из 20 мелких отщепов кремнистых пород, скребка, нуклеуса, 8 призматических пластинок и 1 реберчатой.

Для изготовления пластинок использовались яшма и такие же кремнистые сланцы, как и на стоянке Пясина I. Найденный нуклеус сделан из кремнистого сланца. Он имеет чуть приостренную сколами спинку и на основе этого может быть отнесен к типу остроспинных (рис. 2, 9), однако он сильно сработан и по форме близок к призматическим. Нуклеус двухплощадочный: скалывание пластинок производилось с противоположных торцовых концов.

Скребок из беловатой яшмовидной породы сохраняет на брюшке остатки плитчатой корки (рис. 2, 5). На спинке его заметны негативы пластинчатых сколов. Изделие имеет три рабочих лезвия, обработанные крупной крутой ретушью. Левый край орудия с брюшка подновлен сколом. Из одной пластинки был сделан концевой скребок, но его рабочий край частично сломан. Еще одна пластинка служила канцелярским ножом. Угловые резцы (2 экз.) изготовлены из небольших сечений (рис. 2, 1, 2).

Особенно интересны три пластинчатые острия, впервые найденные на Таймыре. Одно острие (рис. 2, 6) из светло-бежевого кремнистого сланца отличается тщательностью выделки; аккуратная ретушь на брюшке и по одному краю на спинке создает со стороны ударного бугорка симметричное заострение под углом 29°. Другой ее конец спрямлен крутой ретушью, нанесенной со спинки. Длина орудия 4 см, приостряющая ретушь занимает участок в 3 см. По форме орудие напоминает треугольный с прямым основанием наконечник стрелы. Ясных следов сработанности оно не имеет. Второе острие сделано из коричневого плитчатого кремня (рис. 2, 8), третье — из светло-серой яшмы (рис. 2, 7). Они также приострены со стороны ударного бугорка, но слабее и менее тщательно. Лезвия их, обработанные двусторонней ретушью, сходятся под углом 41°. На одном из них около усеченного конца пластинки видна мелкая грубая ретушь, идущая со спинки. Длина этого орудия 4,5 см, длина заострения 1 см. У другого орудия острие асимметрично, кончик его обломан. Отсутствие следов сработанности на заостренных частях изделий позволяет относить их типологически к наконечникам стрел.

Мысовидный участок коренного берега с расположенным на нем местонахождением Пясина IV имеет три уступа. Здесь найдены разновременные материалы. На среднем уступе, совпадающем по высотным отметкам с уровнем стоянки Пясина III, собраны предметы, которые могут рассматриваться как более древние, чем находки на других площадках этого поселения, однако они оказались частично смешаны с изделиями, датированными поздней бронзой и ранним железом. Фрагменты керамики этих эпох лежали на выдувах совместно с 33 отщепами кремнистого сланца и халцедона и 37 ножевидными пластинками, при этом пластинки встречались чаще выше по склону, чем другие находки. Пластинки изготовлены из кремнистого сланца серого и бежевого цветов и реже — яшмы и халцедона. Орудия, сделанные из них, находят аналогию на стоянках Пясина I и III.

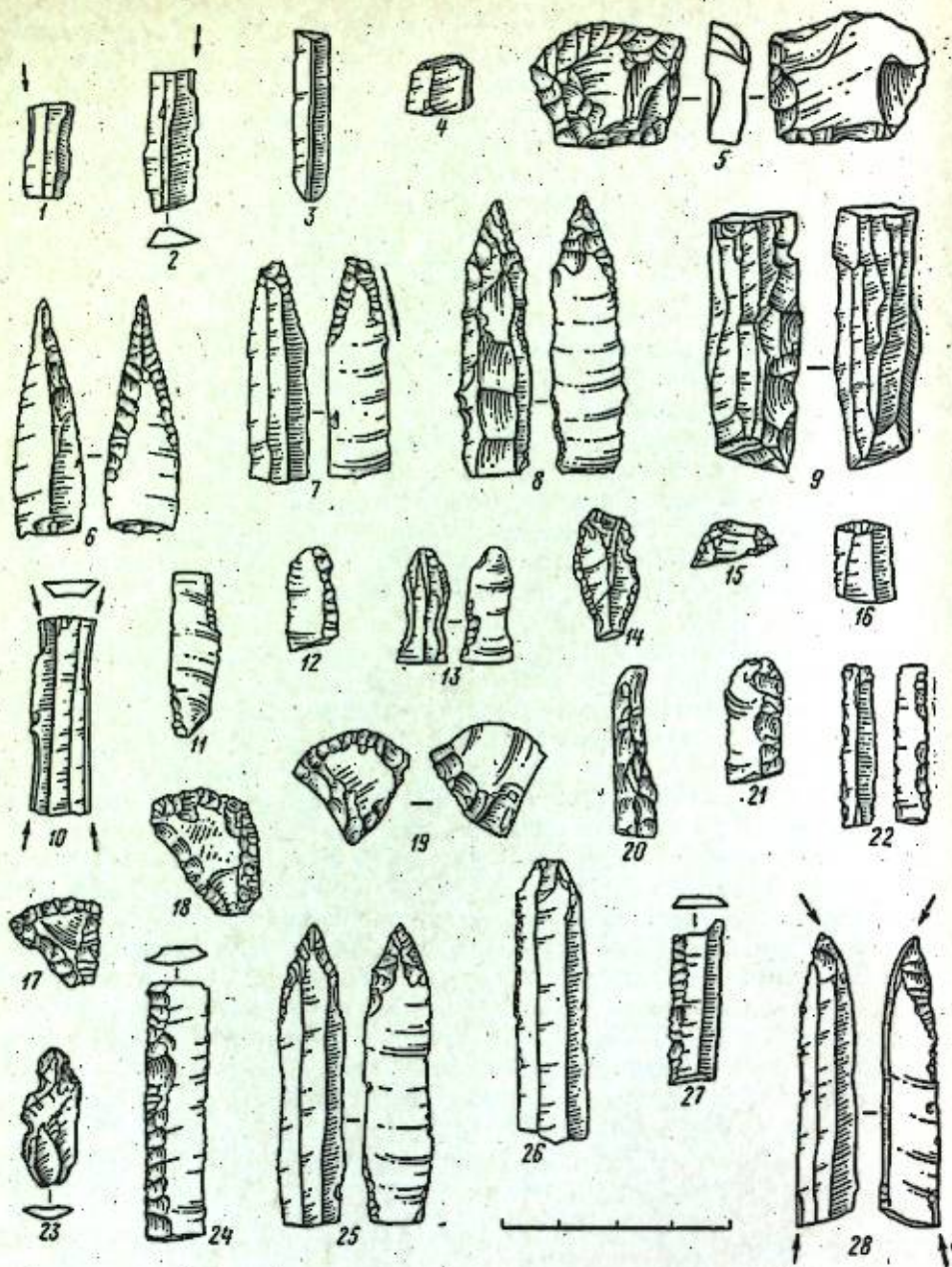

Рис. 2. Орудия стоянок Пясина III (1—9), Пясина IV (10—20), Лантошка II (21—26) и Малая Коренная III (27, 28)

Это резец со сколами на всех четырех углах (рис. 2, 10), концевой скребок из темно-коричневого, почти черного кремня (рис. 2, 16), обломок пластины с ретушью, напоминающий рабочий край концевого скребка (рис. 2, 15), обломок верхнего конца пластинки с крутой однокраевой ретушью, служивший боковым скребком (рис. 2, 12), и, наконец, изделие, подобное угловым резчикам (рис. 2, 11). Реберчатая пластинка светлого кремнистого сланца интенсивно использовалась как развертка; острием служил ее верхний конец, не имеющий дополнительной обработки. Около самого кончика выступающие ребра сильно, до заполированности заглажены (рис. 2, 20). По-видимому, к этому комплексу относятся две халцедоновые пластинки: одна с крутой, скребковой ретушью по краям и на

конце, другая — с полой, режущей ретушью (рис. 2, 13, 14). Меньше оснований причислить к нему три небольших скребка, сделанные из верхностных сколов халцедона (рис. 2, 17—19).

От устья р. Лантошки, правого притока Пясины, к северу протянулась восьмидесятиметровая терраса, образующая коренной берег Пясины. На ее северном конце обнаружена стоянка Лантошка II. Поверхность террасы повреждена рядами мелких выдувов, вытянувшихся вдоль края террасы. На площади около 150 м² собрана небольшая, но выразительная коллекция каменных изделий, состоящая из 12 отщепов, 8 из которых могут быть названы пластинчатыми, и 15 призматических пластинок. Большинство пластин массивны (их ширина 9—12 мм) и изготовлены из кремнистых сланцев бежевого, серого и коричневого цветов. Из яшмовидных пород сделаны пластинки меньших размеров — шириной от 5 до 8 мм. Все они были в употреблении: их края хранят следы в виде выщерблин, мелкой ретушированности, образовавшихся от резания и скобления. Верхний конец одной из массивных пластин залощен, и на его скругленном крае четко видны поперечные штрихи, свидетельствующие об употреблении этого изделия в качестве ложила (рис. 2, 26).

Четыре пластинки ретушированы. Две из них — правильного ограничения — являлись вкладышами. Они имеют на брюшке пологую однокраевую ретушь, придающую пластинке симметричность в сечении, необходимую для прочного закрепления в пазах составного орудия (рис. 2, 24). Подобная ретушь имеется и на обломке пластинки (рис. 2, 22), вначале также служившей вкладышем, а позднее выполнявшей функции бокового скребка. Ее края дополнительно обработаны крутой ретушью. У крупной пластинки (рис. 2, 25) верхний конец с ударным бугорком двусторонней ретушью превращен в симметричное острие. Угол заострения 54°. Нижний конец пластинки усечен, и края около слома подправлены крутой мелкой ретушью, что, вероятно, было сделано для более удобного закрепления орудия. Пластинка асимметрична в поперечном сечении, и скос острия ее, как показало исследование под бинокляром, выполнял функции бокового скребка — скобеля. Изношенность краев свидетельствует, что орудие это выполняло также роль ножа. Однако многофункциональность изделия не исключает возможности его первоначального применения в качестве наконечника стрелы. Единственным халцедоновым орудием является пластинчатый отщеп, у которого крутой краевой ретушью образованы выемки и клювовидный выступ на конце, служивший основной рабочей частью этого скребкового инструмента (рис. 2, 23).

Для инвентаря рассмотренных нами четырех стоянок характерным является применение техники ножевидных пластинок. В целях полноты описания локальной группы памятников западного Таймыра, для которых типична эта черта, отметим, что на пясинской стоянке Малая Коренная III были найдены два орудия, которые могут быть также включены в указанные комплексы. На этой стоянке обнаружены черепки поздней гладкостенной керамики, обломок шлифованного сланцевого ножа, скребки и отщепы, что позволяет основной материал памятника датировать единственными призматическими пластинами. Резко выделяются среди этих находок две почти черного кремнистые пластинки. Одна — из темно-серого, почти черного кремнистого сланца однокраевой ретушью, нанесенной с брюшка, превращена в пику (рис. 2, 27), вторая — из темно-коричневого кремнистого сланца первоначально была остроконечником (рис. 2, 28). Ее конец со стороны ударной площадки заострен плоской ретушью по брюшку, затем со стороны острия был снят длинный резцовый скол. Вторым угловым резцовый скол сделан по антитезе. Тем самым остроконечник был превращен в комбинированный резец. Употреблялась пластинка и как нож, о чем свидетельствует срабовидность сохранившегося края пластинки. Наличие этих изделий на стоянке говорит о двух этапах ее заселения.

Обобщая основные признаки выделенных комплексов и сопоставляя их с материалами датированных памятников Таймыра и прилегающих к нему территорий, следует в первую очередь отметить, что стоянки, содержащие эти комплексы, располагаются только на высоких террасах. Памятники же развитого неолита встречаются и на первой террасе. Более высокие отметки могут оцениваться как свидетельство более древнего возраста пластинчатых комплексов сравнительно с материалами развитого неолита.

Преобладание в этих комплексах изделий из правильных призматических пластин, использовавшихся в качестве основных полуфабрикатов, типично для мезолитических или ранне-неолитических памятников Сибири. Бытование приемов пластинчатого расщепления кремня здесь продолжается до периода поздней бронзы, но поделки из пластинок становятся редкими, господствуют орудия из отщепов и сколов, обработанные со всех сторон. Позднее каменные орудия на Таймыре вообще становятся редкостью, уступая место металлическим предметам.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что пластинчатые комплексы со стоянок Пясина I, III, IV, Лантошка II и близкие им орудия со стоянки Малая Коренная III следует датировать мезолитом или ранним неолитом.

До пясинских находок единственным мезолитическим памятником на Таймыре была стоянка Тагенар VI, датированная радиоуглеродным методом 6020 ± 100 лет¹. Материалы этой стоянки включают такие же формы орудий, как и пясинские комплексы, отличаясь наличием микровкладышей, долотовидного орудия и отсутствием острий и крупных вкладышей. Но на стоянке есть обломок орудия, которое напоминает остроконечник, а отсутствие крупных вкладышей может объясняться различием в исходном сырье (на стоянке Тагенар VI пластинки делались из яшмы).

Ранний неолит на Таймыре представлен материалами нижнего слоя стоянки Абылаах I. В нем вместе с черепками сосудов, изготовленных методом выбивания при помощи лопаточки, обмотанной сеткой, залегали орудия, сделанные из ножевидных пластинок: листовидные наконечники стрел, угловые резцы, вкладыши. С ними найдены карандашевидный нуклеус, округлый скребок из массивного скола, призматические пластинки, употреблявшиеся как ножи. Подделочным материалом являлись светлая яшма и серый кремнистый сланец. Находки из нижнего слоя Абылаах I хорошо сопоставляются с материалами сылахской культуры Якутии.

В период развитого неолита, датируемого на Таймыре концом IV—III тысячелетием до н. э., ножевидные пластинки почти полностью вышли из употребления: примером служат материалы стоянок своеобразной гибридной культуры сетчатой керамики Восточного Таймыра² Маймече I и Маймече IV, а также стоянки Половинка VIII, отражающей на р. Пясине вариант неолита енисейского бассейна.

К востоку от Таймыра, в бассейнах рек Анабара и Оленека обнаружено много археологических местонахождений, относящихся к разным эпохам — от мезолита до ранней бронзы, на которых призматические пластинки и орудия из них встречаются в большом числе³. К сожалению, датировка этих местонахождений, давших в основном подъемные материалы, основана лишь на типологических сопоставлениях находок. В целом ряде мест этой территории, являющейся частью Северо-Сибирской низмен-

¹ А. П. Хлобыстин. О древнем заселении Арктики (в связи с новыми находками на Таймыре). КСИА, вып. 136, 1973.

² А. П. Хлобыстин. Поселение развитого неолита Маймече I и его место в неолите Восточной Сибири. КСИА, вып. 131, 1972.

³ А. П. Хлобыстин. Новые памятники бассейна рек Анабара и Оленека. «Древняя Сибирь», вып. 3. Новосибирск, 1970; он же. Буокаалах — новая стоянка древнего человека на Крайнем Севере Сибири. «Древняя Сибирь», вып. 2. Новосибирск, 1966; И. В. Константинов. Неолитические стоянки на Оленеке. «По следам древних культур Якутии». Якутск, 1970.

ности, встречаются аналогичные пясинским типы орудий, сходные и по материалам, из которого они изготовлены. Не обнаружены лишь остроконечники. Наконечники стрел, найденные в бассейнах Анабара и Оленека на стоянках Тимир-Билар, Абылаах, Хорбусуонка I, сделанные на ножевидных пластинках, имеют листовидную форму или выделенный черешок. Подобные наконечники могут датироваться ранним неолитом, так как они залегают в VII слое алданского многослойного поселения Белькачи I совместно с сетчатой керамикой сылахской культуры⁴. В нижележащем XI слое этого поселения, относящемся к сумнагинской культуре, представляющей мезолит ленского бассейна, встречаются острия на пластинках. По сравнению с пясинскими они более миниатюрны, как и почти весь пластинчатый инвентарь этого слоя, что может быть связано с особенностями сырья. Близки пясинским пластинчатые наконечники, собранные на бичевнике около стоянки Белькачи⁵. Возможно, их следует связывать с более ранними слоями. Часть сумнагинских острий на пластинках, вероятно, выполняла роль наконечников стрел, как и острия, найденные на памятниках Ангары (погребения в падах Частая и Хиньская), Байкала (мыс Будуй) и Забайкалья⁶, непосредственно предшествующих неолитическим памятникам. Примечательно, что с появлением отчетливо выраженных наконечников стрел из пластин такие острия исчезают.

Исходя из типологических сопоставлений, памятники Пясины с пластинчатыми остриями следует считать более древними, чем ранне-неолитические. Однако, учитывая широкий хронологический диапазон восточно-сибирского мезолита, а также возможность локальных переживаний ряда мезолитических форм орудий в раннем неолите, точный возраст выделенных нами комплексов стоянок Пясина I, III, IV, Лантошка II и близких к ним орудий стоянки Малая Коренная III определить трудно. Можно только отметить их большую древность по сравнению с другими памятниками Западного Таймыра и отнести их ко времени ранее IV тысячелетия до н. э., допуская, что возникнув в мезолите, орудия этих комплексов могли существовать и в раннем неолите.

Остановимся на вопросе соответствия каменного сырья и орудий. Кремнистые сланцы, использовавшиеся населением Таймыра в мезолитическое и ранне-неолитическое время, не давали возможности делать очень тонкие пластинки. Вероятно, этим и объясняется массивность орудий из кремнистого сланца сравнительно с пластинчатыми изделиями из яшмы.

Кремнистый сланец серого, почти черного и бежевого цветов, как уже отмечалось, был основным подделочным сырьем на протяжении ряда эпох в бассейнах Анабара и Оленека, где имеются его месторождения. На Таймыре месторождения такого сланца пока не известны. Большое сходство обрабатывавшихся кремнистых сланцев, обнаруженных на памятниках Таймыра и северо-запада Якутии, позволяет считать, что сланцевое сырье попадало на Таймыр из Якутии в результате обмена. Возможно, что выменивалось не только необработанное сырье, но и полуфабрикаты — нуклеусы и крупные пластинки, которые высоко ценились и длительно использовались жителями Таймыра. По всей вероятности, Таймыр был первоначально заселен с востока и первые его обитатели, сохраняя связь с населением междуречья Хатанги и Лены, продолжали употреблять кремнистый сланец, доставлявшийся из этого района. В эпоху развитого неолита эти обменные связи прекратились и в индустрии орудий господствующее положение заняли местные кремнистые породы.

⁴ Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969, табл. 15, 1, 5.

⁵ Там же, табл. 2, 10, 11; 16, 1, 4, 5, 6, стр. 55.

⁶ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, рис. 15, 16, 17.

Г. Н. МАТЮШИН

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КАРАБАЛЫКТЫ 8а
(УРТА-ТЮБЕ) НА УРАЛЕ

В 1961 г. на юго-западном берегу оз. Карабалыкты (Линевое) в 40 км западнее г. Магнитогорска обнаружена группа близко расположенных стоянок. Раскопки 1962—1969 гг. показали, что здесь находится по меньшей мере четыре разновременных памятника (рис. 1), охватывающих в целом эпоху от позднего палеолита (мезолита?) до раннего металла включительно. При этом они находились на разновысотных террасах одной и той же возвышенности.

Наиболее древняя из них стоянка Карабалыкты 13 (8в) позднелитического (или мезолитического?) возраста располагалась на самой вершине, на высоте 27—28 м от уровня озера (рис. 1, 8в). Ниже, на высоте 12—14 м, находилась раннеолитическая стоянка Карабалыкты 8а (Урта-тюбе) (рис. 1, 8а); на высоте 6 м — позднеолитическое поселе-

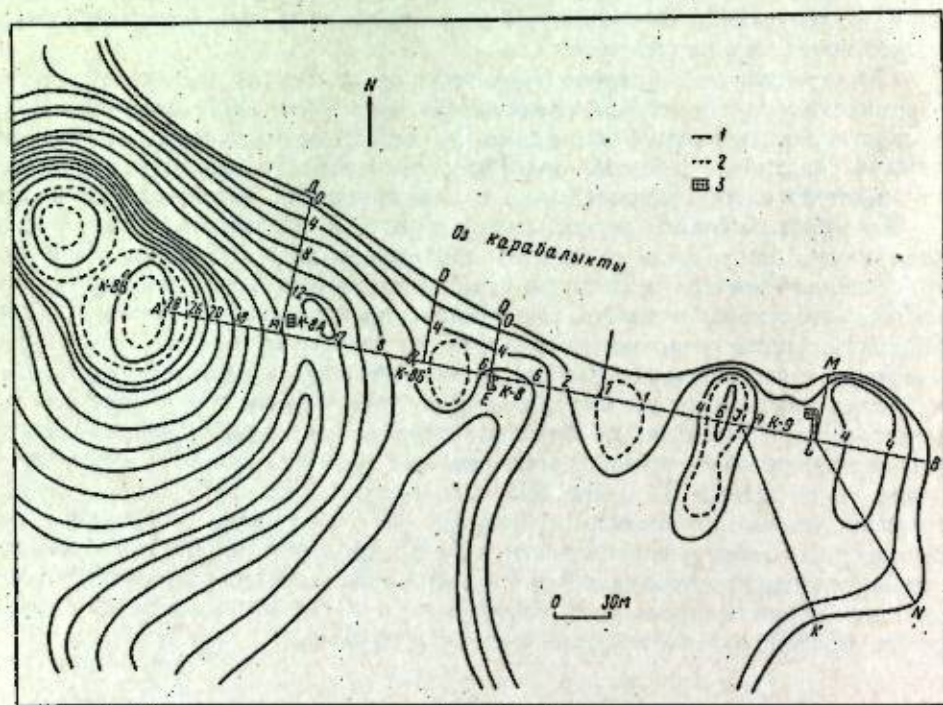

Рис. 1. Общий план расположения стоянок Карабалыкты 8, 8а, 8б, 8в, 9
1 — горизонтали через 2 м; 2 — горизонтали через 1 м; 3 — раскоп; А, В и т. д. — линии нивелировки

ние Карабалыкты 8 и 8б (рис. 1, 8, 8б), и наконец, на самом мысу у воды, на высоте всего 2—4 м от уровня озера находилось энеолитическое поселение Карабалыкты 9 (рис. 1, К—9).

Расположение разновременных поселений на разных высотных отметках одной и той же возвышенности свидетельствовало о том, что высотные отметки озерных террас Урала, так же как и речные террасы, могут быть в какой-то мере использованы для датировки.

Наибольший интерес из указанных памятников представляет стоянка раннеолитического времени, так как она впервые дает возможность получить представление об этом периоде на Южном Урале. До сих пор ни на данной территории, ни в области, прилегающей к ней с севера, Среднем Урале и Зауралье, еще не было известно ни одного памятника, который с полной достоверностью можно было бы отнести к раннему неолиту и тем самым найти связующее звено между поздним мезолитом и неолитом. Естественно, высказанные в данной статье наши суждения окончательными нельзя считать, поскольку исследование памятника только началось, но уже сейчас его материалы представляются достаточно интересными, в силу чего они заслуживают публикации.

Как и большинство памятников каменного века Южного Урала, стоянка Карабалыкты 8а располагалась в небольшой седловинке (урочище Урта-тюбе), закрытой с юго-запада возвышенностью, а с северо-востока — небольшим всхолмлением (рис. 1, 8а).

В 1967 г. здесь был заложен раскоп общей площадью 36 м². Дерн и темный гумус без находок перекрывали культурный слой — буроватый гумусированный суглинок с большим числом изделий из камня и немногими фрагментами керамики. Глубина залегания культурного слоя 60—80 см. В северо-восточной части раскопа открыто скопление крупных камней, возможно, являющихся остатками жилищной кладки.

Всего в раскопе обнаружено 3922 находки, в том числе 104 фрагмента керамики. Значительную часть изделий из камня составляют ножевидные пластины и поделки из них. Наиболее примечательны две асимметричные трапеции (рис. 2, 1, 2). Одна из трапеций найдена *in situ* в культурном слое и, безусловно, связана с комплексом (рис. 2, 1). Вторая относится к подъемному материалу (рис. 2, 2). У обеих ретушь противоположная и, что особенно важно, со стороны короткой грани хорошо заметна подработка. У одной из них конец утончен с помощью дополнительной ретуши и скола, нанесенного со спинки (рис. 2, 1), у другой — ретушью, далеко заходящей на брюшко. Утончение превращало трапецию в удобное для насадки острие, и, как показали наблюдения, эти микролиты, видимо, и использовались в качестве наконечников. Такие формы весьма типичны для позднемезолитических памятников Южного Урала¹.

Любопытно отметить, что в отличие от позднемезолитических острие трапеций Карабалыкты 8а обработано более небрежно, а у одной из них вообще оставлено без обработки. Одна трапеция изготовлена из черного, а вторая (рис. 2, 2) — из светло-серого кремня.

В коллекции представлены и острия с диагонально скошенным и при- тупленным ретушью концом (рис. 2, 3, 4, 7, 13); однако только одно из них близко скошенным позднемезолитическим остриям (рис. 2, 4), остальные либо изготовлены из весьма аморфных пластин (рис. 2, 7), либо имеют еще дополнительную ретушь по лезвию (рис. 2, 13). Три диагонально скошенные пластинки изготовлены из черного кремня (рис. 2, 3, 4, 13), одна — из синева-серой яшмы.

¹ Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, № 4, 1969.

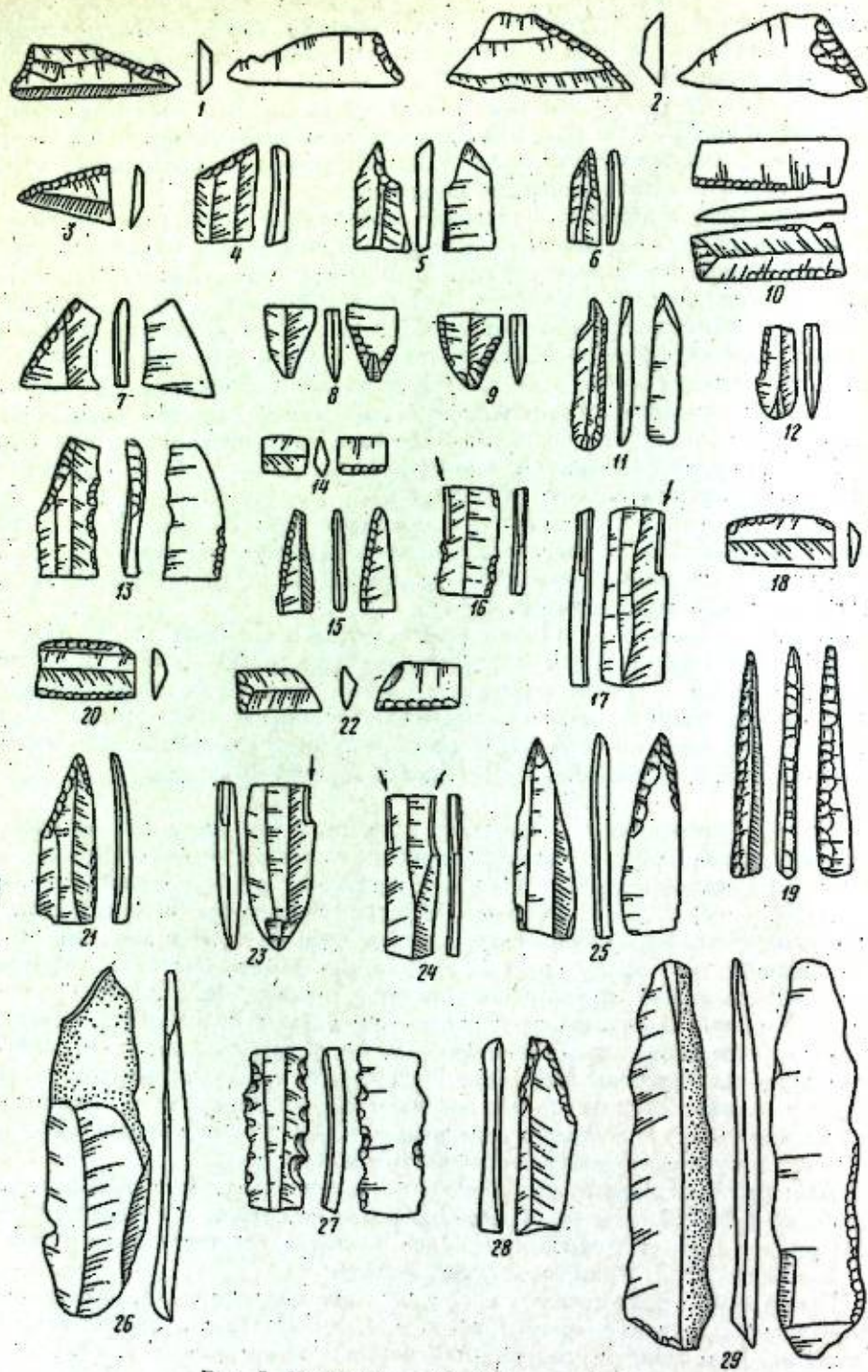

Рис. 2. Карабалыкты Ба. Изделия из камня

Два атипичных изделия (одно из черного кремня, рис. 2, 5, второе — из серой яшмы, рис. 2, 12) напоминают, правда очень отдаленно, позднемезолитические микрорезцы.

В коллекции представлено 10 экз. широко распространенных в мезолите резцов на углу сломанной пластинки (рис. 2, 16, 17, 23, 24): шесть

из них изготовлены из черной, два — из серой, один — из зелено-красной и один — из зеленой яшмы. У некоторых прослеживается частичная ретушь по одной из сторон (рис. 2, 16). У десяти сечений ножевидных пластин имеется ретушь, превращающая их во вкладыши орудий, аналогичных поздне-мезолитическим (восемь из них из черного, два — из серого кремня), ляющая, а с другой — приостряющая) аналогична мезолитической (рис. 2, 20). Любопытно, что со стороны приостренного лезвия заметна некоторая заполированность, возможно, появившаяся в результате длительного употребления. У других вкладышей ретушью оформлено только притупленное лезвие. У двух пластин имеется ретушь и со стороны одного из концов, что делает их сходными с поздне-мезолитическими прямоугольными вкладышами (рис. 2, 10, 22). У двух сечений углы со стороны спинки закруглены (рис. 2, 18, 20). Такие изделия в какой-то мере напоминают мезолитические сегменты. Однако сходство между ними еще более отдаленное, чем у описанных выше пластин со скошенным краем или вкладышей.

Выше уже говорилось о том, что трапеции Карабалыкты Ба, видимо, служили наконечниками стрел на ножевидных пластинках. Однако в коллекции имеются и три более определенных орудия этого типа. Два из них представлены в обломках, один — целый. Обломанные экземпляры (оба от черешковой части) имеют обработку (рис. 2, 8, 9) либо со стороны брюшка, либо со стороны спинки. Но в отличие от острий, проколов и сверл ретушь у них противоположная, а нанесена с какой-то одной стороны. Один из них — из сургучно-зеленой, а второй из зеленой яшмы. У целого экземпляра черешок оформлен ретушью, а острие — резцовыми сколами (рис. 2, 11). Видимо, к наконечникам стрел можно также отнести одно из острий (рис. 2, 6), так как конец его приострен аналогично отмеченным выше типам, но несколько асимметричен.

Сверла и острия относительно немногочисленны (10 экз.). Четыре из них — типичные сверла. У двух ретушь не противоположная (рис. 2, 15, 19), у других нанесена с одной стороны — с брюшка (рис. 2, 25) или со спинки (рис. 2, 21), но во всех случаях она придает острому концу орудия пропеллеровидное сечение с встречными режущими гранями, так что при вращении против часовой стрелки (все сверла левого шага) обеспечивается работа минимум двумя режущими гранями. У одного из сверл конец имеет четыре режущих грани. Три из них оформлены ретушью, четвертая — острая грань спинки пластинки (рис. 2, 19).

Два острия напоминают пластины со скошенным краем (рис. 2, 28). Однако в сечении они более массивны, а характер сработанности свидетельствует о том, что они имели функции сверлящих орудий. Острый конец у двух пластин скошен с помощью краевой ретуши и обломан. Видимо, эти пластины также служили остриями или сверлами. Кроме отмеченных у четырех пластин острые концы с двух сторон обломаны и оформлены ретушью.

Пластин с выемками 29 экз. У большинства их (23 экз.) выемки оформлены довольно нечетко и производят впечатление случайных — результат односторонней работы в качестве скобелей или пилок (рис. 2, 27). У шести экземпляров широкие и неглубокие выемки оформлены пологой краевой ретушью. Такие выемчатые скобели или вкладыши не характерны для мезолита, но типичны для неолитических памятников (рис. 2, 29).

Остальные изделия из ножевидных пластин представлены менее определенными типами с ретушью и зазубринами. Всего их 132 экз. (включая 22 пластины с атипичными выемками): 110 из них имеют относительно прямые параллельные грани, 22 — с неправильным ограничением (табл. 1).

Таким образом, большая часть ножевидных пластин — сечения. Они составляют 90,1% всех пластин с ретушью и зазубринами. И если даже

Таблица 1

Тип и степень фрагментарности пластин стоянки Карабалыкты 8а

Тип пластин	Степень расчленения			Всего
	целые	части с ударными бугорками	сечения	
Правильные	7	40	63	110
Неправильные	6	8	8	22
Всего	13	48	71	132

исключить части с сохранившимся на их конце ударным бугорком, которые можно условно отнести к целым ножевидным пластинам, то и тогда их доля составит почти 52% всех пластин этого типа.

Преобладание сечений может свидетельствовать, видимо, о том, что пластины специально делались (ломались) с целью использования их в качестве вкладышей.

Размеры сечений более или менее унифицированы. Если ширина их в большинстве случаев около 1,5 см, то длина не превышает 2 см и редко достигает 3 см, т. е. соотношение длины и ширины обычно не выходит за пределы 2:1. Таким образом, они в общей массе идентичны вкладышам (рис. 2, 18, 20, 22), но в отличие от последних в большинстве своем не имеют регулярной ретуши по всей длине лезвий. Она либо покрывает часть лезвия, либо носит характер мелких выщербин и зазубрин (в первом случае ретушь чаще тонкая, краевая). В обоих случаях она, видимо, свидетельствует о том, что данные пластины, употреблялись в качестве вкладышей (табл. 2).

Как видно из таблицы, большинство пластин изготовлено из темных пород яшмовидного кремня. Яшма составляет всего 12,8% материала для пластин-вкладышей, а светлый кремень — 2,7%.

Ниже представлены показатели ножевидных пластин без ретуши в процентном соотношении:

Тип пластин	Целые	Сечения с ударными бугорками	Сечения	Всего (экз.)
Правильные	3,6	28,6	67,8	421
Неправильные	13,39	22,91	63,7	226

Представленные в таблице данные свидетельствуют о заметном преобладании сечений, поэтому очевидно, можно предположить, что большинство ножевидных пластин без ретуши служили вкладышами.

Среди различных пород кремня и яшмы преобладают черный и серый кремень (72,5%) и только 2,8% пластин изготовлены из сургучно-зеленой яшмы, которая в позднелолитических и мезолитических стоянках обычно играла большую роль.

Пластины и изделия из них сопровождаются нуклеусами, заготовками и сколами с них (всего 90 экз.). Их можно разделить на три группы: заготовки нуклеусов — 28, нуклеусы с первичными сколами — 19, сработанные нуклеусы — 43 экз.

Первая группа включает в себя желваки кремня, имеющие форму прямоугольной призмы или параллелепипеда с подготовленными ударными площадками. Для снятия пластин она готовилась в большинстве случаев с помощью одного скола, снятого перпендикулярно. У некоторых заготовок ударная площадка слегка скошена.

Таблица 2
Характеристика пластинок-вкладышей (исключая пластинки с выемками) стоянки Карабалыкты 8а

Порода камня	Ширина ножевидной пластины, см				Всего
	до 0,7	0,7—1,5	1,5—2,5	2,5	
Кремень					
черный	9	27	20	—	57
серый	4	11	20	2	35
белый	2	—	1	—	3
Яшма					
сургучно-зеленая	—	2	1	—	3
зеленая	3	2	—	—	5
темно-серая	—	3	—	—	3
светло-серая	—	3	—	—	3
Всего	18	48	42	2	110

Таблица 3

Общая характеристика пластин

Порода	Ширина пластины, см				Всего
	до 0,7	0,7—1,5	1,5—2,5	2,5	
Кремень					
черный	39	121	73	2	295
серый	33	120	19	1	173
белый	6	—	—	—	6
черный с коркой	—	3	3	1	7
Яшма					
сургучно-зеленая	4	9	4	1	18
зеленая	13	20	3	—	36
темно-серая	—	21	35	—	56
светло-серая	3	10	30	—	43
голубовато-желтая	1	4	2	—	7
красная	—	—	—	—	—
красно-зеленая	3	3	—	—	6
Всего	102	371	169	5	647

Вторая группа, состоящая из 19 изделий, имеет только один нуклеус, у которого спинка заострена сколами, остальные отличаются от заготовок в основном тем, что у них не только подготовлена ударная площадка, но и сняты одна-две ножевидные пластины. Часто эти первичные пластины имеют довольно неровные грани, длина их во всех случаях более чем в 2 раза превышает ширину. Ударная площадка этих нуклеусов подработана часто дополнительными поперечными сколами, наблюдаются негатины от снятия пластин в поперечном к основной плоскости направлении. К третьей группе относятся нуклеусы, четко оформленные и более или менее сработанные. Большая их часть — одноплощадочные, 2 нуклеуса имеют две ударные площадки, а у 1 экз. их три. Из одноплощадочных имеют две ударные площадки, а у 1 экз. их три. Из одноплощадочных имеют 12 экз. конусовидной формы, у 5 ударная площадка слегка скошена, у 7 она перпендикулярна плоскости скола ножевидных пластин.

Призматических нуклеусов 16, 9 из них имеют скошенную площадку, 7 — прямую.

Таким образом, у 14 нуклеусов из 43 ударная площадка скошена. Следовательно, в коллекции представлено 19 нуклеусов мезолитического или даже позднепалеолитического облика. Эти нуклеусы составляют значительный процент и, видимо, свидетельствуют об относительно раннем возрасте памятника.

Нуклеусы в свою очередь сопровождаются большим числом сколов, снятых с них в процессе первичной обработки. Всего найдено (в экз.): краевых сколов 96; продольных сколов с нуклеусом 244, из них без ретуши 150, с ретушью 94; ребристых пластин 83, сколов с основанием 20; поперечных сколов с нуклеусом 18. Кроме того, сюда же, видимо, можно отнести и 97 пластинчатых отщепов.

Промежуточное положение между микро- и макролитической частями инвентаря занимают скребки, изготовленные на ножевидных пластинах и отщепках (74 экз.). Из них скребков на ножевидных пластинах 15, скребков на продольных сколах 40, 19 скребков изготовлено на отщепках. Встречено 5 экз. скребел.

Отщепов всего 2999 экз., в том числе: очень крупных 17, крупных 31, средних 291, мелких 1776; чешуек 884. По составу материала они делятся следующим образом:

Порода камня	Очень крупные	Крупные	Средние	Мелкие	Чешуйки	Всего
Кремень						
черный	5	18	156	1110	470	1759
серый	12	6	83	467	169	737
белый	—	—	1	26	211	238
Яшма						
зеленая	—	1	34	64	27	126
светло-серая	—	6	—	—	—	6
сургульная	—	—	3	30	—	33
зелено-красная	—	—	3	31	3	37
розовая	—	—	—	12	2	14
Халцедон	—	—	6	8	2	16
Известняк	—	—	—	2	—	2
Другие породы	—	—	5	26	—	31

Отщепов с ретушью всего 142. Отщепов сланца незначительное количество. Изделия с двусторонней обработкой (14 экз.) представлены: наконечниками стрел (9 экз., из них 4 целых и 5 обломков), ножами (2 экз.), теслами (1 экз.). Заготовок двустороннеобработанных орудий 1. Кроме того, встречены три грузила и один абразив.

В целом в инвентаре стоянки Карабалыкты 8а, несмотря на преобладание отщепов, заметна значительная доля ножевидных пластин и изделий из них. Обращает на себя внимание и то, что среди отщепов большинство мелких и чешуек, которые сопровождают не только макро-, но и микролитические комплексы.

Керамики всего 104 фрагмента. Большая ее часть — обломки сосудов без орнамента (79 экз.). Форму сосудов по имеющимся мелким фрагментам полностью определить не удалось, но судя по некоторым обломкам, можно предполагать, что орнаментированные сосуды мало чем отличались от обычных неолитических.

25 фрагментов керамики имеют орнамент. Часть их украшена нечеткими оттисками штампа, в какой-то мере напоминающего гребенчатый (рис. 3, 1—3). Другие фрагменты орнаментированы прочерченными линиями в большинстве случаев с помощью палочки с раздвоенным концом (рис. 3, 4—6). Идентичная керамика найдена на стоянке Карабалыкты 5, близкая — в нижнем слое Мурата, Суртанды 6 и других памятников не-

Рис. 3. Керамика Карабалыкты 8а

лита Урала. Во всех случаях она залегала под слоем с гребенчатой или гребенчато-волнистой керамикой.

Судя по общему облику инвентаря, преобладанию в нем ножевидных пластин и изделий из них, наличию геометрических микролитов и керамики, аналогичной ранне-неолитическим комплексам, памятник можно отнести к наиболее ранним из всех известных на Южном Урале неолитических поселений.

Наличие трапеций в слое и других типов изделий из пластин мезолитического облика позволяет предполагать, что дальнейшее исследование подобных памятников позволит, наконец, проследить преемственность южноуральского неолита от мезолита. До сих пор убедительными доказательствами такой преемственности мы еще не располагали, хотя в общем комплексы изделий из камня свидетельствовали о некотором сходстве. Однако если характерными признаками мезолита Южного Урала были геометрические микролиты, то ни в одном из однослойных неолитических памятников Урала такие микролиты не найдены, изредка они встречались в смешанных многослойных поселениях, но определить, к какому комплексу относились или по отношению к каким керамическим комплексам являлись самостоятельными, было трудно.

Раскопки Карабалыкты 8а (Урта-тубе) свидетельствуют о том, что в настоящее время, видимо, можно вновь пересмотреть инвентарь многослойных памятников со смешанными разновременными материалами с целью попытки его более точного расчленения.

М. А. ДЭВЛЕТ

СТОЯНКА ТООРА-ХЕМ «ВТОРАЯ ПОЛЯНА»
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ТУВЕ

Тоджинский район, расположенный на стыке таких крупных культурно-исторических областей, как Тува, Минусинская котловина, Прибайкалье, Северная Монголия, является ключевой территорией для решения ряда вопросов древней истории Южной и Центральной Азии.

На Енисее в пределах Минусинской котловины и Тувинской АССР насчитываются многие тысячи древних погребальных памятников различных эпох, сотни из которых исследованы путем раскопок. Между тем стоянки с культурным слоем на этой территории единичны. Еще С. В. Киселев отмечал, что «несчастной особенностью минусинской археологии является разрушенность культурных слоев на приречных дюнах»¹. Это наблюдение справедливо и для древних тувинских стоянок и поселений. Поэтому весьма важно открытие серии стоянок с культурным слоем в Тоджинском районе Тувинской АССР, в бассейне р. Бий-Хем, которая, сливаясь с Каа-Хемом у г. Кызыла, дает начало Енисею.

Инвентарь тоджинских стоянок весьма своеобразен и не находит достаточных для хронологического определения параллелей в материалах из соседних областей. Разновременные материалы перемешаны в культурном слое, и вертикальную стратиграфию проследить не удастся. В этой связи для создания хронологической шкалы тоджинских памятников особое значение приобретают однослойные стоянки, обитавшие в течение какого-то одного определенного отрезка времени. Первой такой стоянкой явилась открытая нами в 1970 г. и исследованная в 1971 г. стоянка на «Второй поляне» у пос. Тоора-Хем, справа от дороги, ведущей в пос. Адыр-Кежит.

Стоянка расположена на первой надпойменной террасе р. Тоора-Хем, правого притока Бий-Хема (Большого Енисея). Вскрыто 100 м² площади. Культурный слой имеет мощность около 0,3 м. Ям и западин, которые могли бы считаться остатками жилищ, не обнаружено. Очевидно, жилища были наземными, типа чума, какие и сейчас еще встречаются у тувинцев-тоджинцев. Культурный слой слабо насыщен находками, встречаются керамика, каменный инвентарь и кости животных.

Керамика однотипна (рис. 1). Судя по венчикам, обнаружены обломки по крайней мере от четырех сосудов баночной формы с маленьким плоским дном. Видимо, в то время переход к плоскому дну еще не был завершен. Под венчиком сосуды украшены валиком, в одном случае — двумя валиками. Венчики орнаментированы резными зигзагообразными линиями, рассекающими валики. По тулову сосудов также нанесен резной зигзагообразный узор, сочетающийся с горизонтальными рядами мелкозубчатого штампа.

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 251.

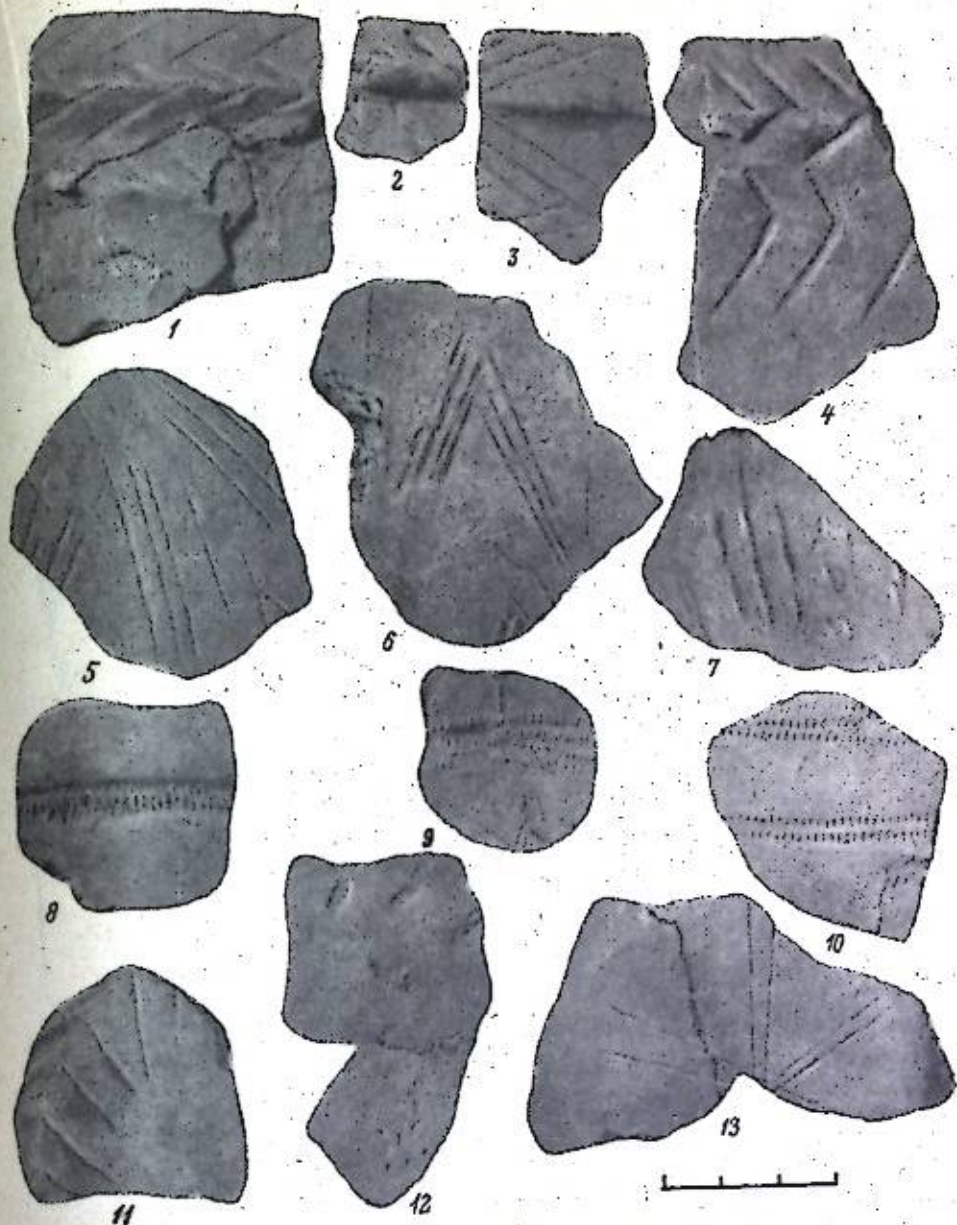

Рис. 1. Стоянка Тоора-хем «Вторая поляна». Керамика

1—4 — венчики; 5—10 — стенки; 11—13 — днища

Встречены днища от трех сосудов. На внешней стороне их имеется рисунок. Одно днище украшено пересекающимися в центре резными линиями, расположенными попарно (всего три пары). Подобный орнамент обычно принято называть соляным. Днище другого сосуда по краю покрыто косыми вдавлениями овальной формы. На днище третьего сосуда по краю проходит косо расположенные резные линии, составляющие острый угол с линиями, нанесенными на придонную часть тулова сосуда.

Каменный инвентарь невелик (рис. 2). Нуклеусы, преимущественно клиновидной формы (рис. 2, 11—18), ножевидные пластинки (рис. 2, 6—8), скребки на отщепках и пластинах (рис. 2, 3—5, 9), ножи на длинных пластинах, два миниатюрных ромбических наконечника стрелы (рис. 2, 1, 2). В лаборатории С. А. Семенова В. Е. Щелинским был произведен

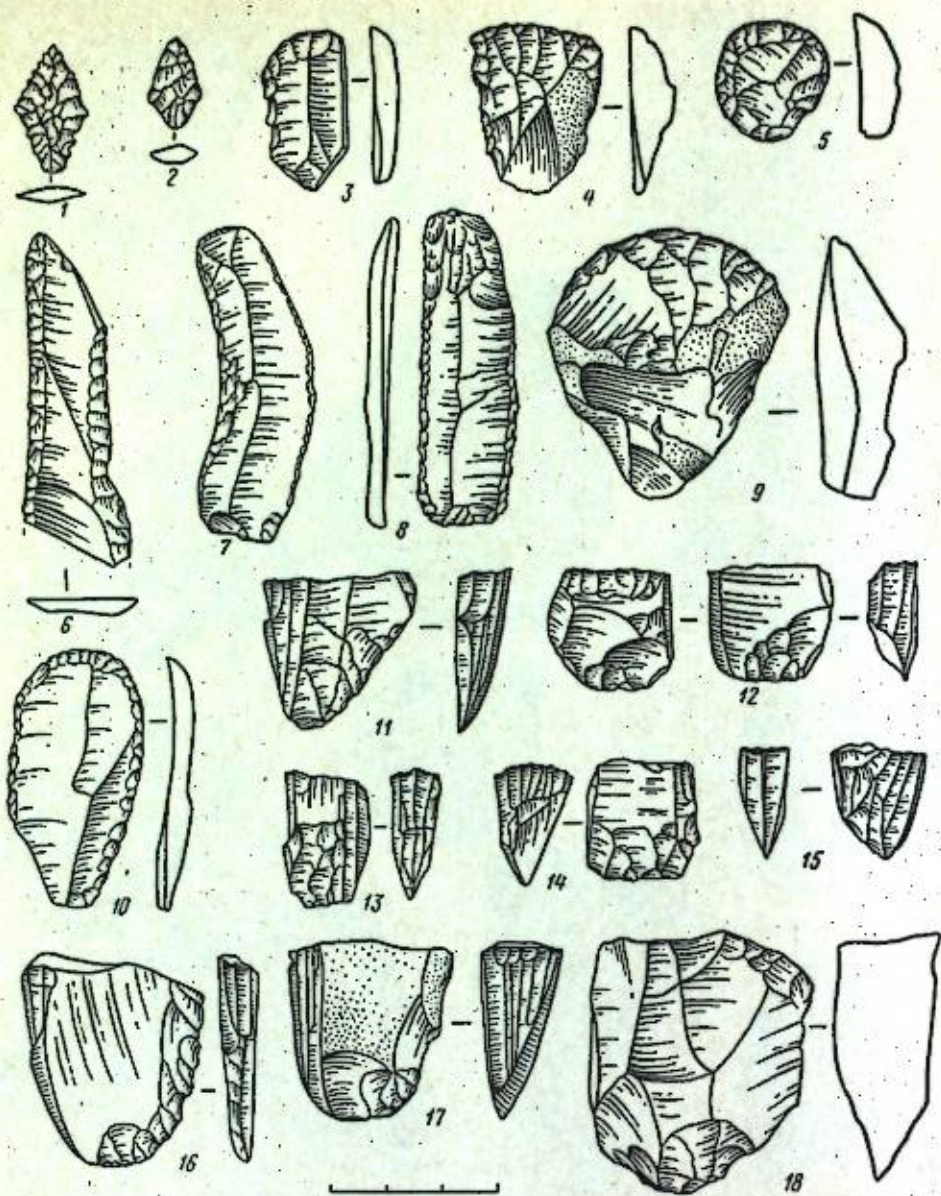

Рис. 2. Стоянка Тоора-хем „Вторая поляна“. Каменный инвентарь

1—2— наконечники стрел; 3—5, 9—10— скребки; 6—8— ножевидные пластины; 11—18— пунтусы

транслогический анализ орудий со стоянки. Выделены скребки, скобелы, нож, стамеска-долото. Особый интерес с точки зрения В. Е. Щелинского представляет изогнутый строгальный нож (рис. 2, 7).

На южном и западном краях раскопа находки почти не встречались, на северном и восточном их число убывало по сравнению с серединой раскопа. В разных местах «Второй поляны» были заложены шурфы, но культурный слой не обнаружен. Представляется, что размер стоянки немногим превышал площадь раскопа. Судя по слабой насыщенности культурного слоя находками, здесь располагалась временная стоянка небольшого коллектива. Материалы, аналогичные вышеописанным, имеются среди инвентаря разновременных стоянок на «Первой поляне» у пос. Тоора-Хем и на оз. Азас. Об их дате судить преждевременно, но уже теперь стоянки можно выделить в отдельную хронологическую группу.

Ю. Н. УРБАН

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК ИЛОВЕЦ

В 1968 г. Калининским отрядом Верхневолжской экспедиции¹ под руководством автора были проведены разведочные и раскопочные работы на севере Калининской обл. Разведками открыто 29 памятников, в том числе поселение Иловец I.

Поселение расположено на восточном берегу оз. Иловец в 0,8 км на юго-запад от дер. Дворищи Лесного р-на Калининской обл.² В этом месте из озера вытекает р. Иловля, связанная через Алексеевское озеро и р. Сарагожу с р. Мологой.

Поселение занимает мыс, образованный берегом озера и левым берегом р. Иловли, сложенный супесью, с максимальной высотой над озером 1,5 м. Поверхность памятника слегка наклонена с северо-востока на юго-запад. Раскопками вскрыто 286 м². При этом прослежены два культурных слоя. Непосредственно под дерном залегал черный гумусированный слой мощностью 0,3—0,45 м, содержащий славянские предметы и керамику X—XII вв., ниже — серовато-коричневая супесь мощностью 0,15—0,35 м, в которой встречены культурные остатки неолита и бронзы. Слой в значительной степени нарушен многочисленными славянскими перекопами, что объясняет присутствие ранних типов керамики в первом слое и поздних во втором. Характеристика верхнего культурного слоя выходит за рамки данной статьи, поэтому мы остановимся лишь на описании второго слоя.

Из бытовых комплексов на поселении обнаружен сложенный из камней очаг размером 0,6×0,7 м, который находился на глубине 0,4 м от современной поверхности. Среди камней встречались угольки и обломки неолитической керамики. Вокруг очага наблюдалась наибольшая концентрация находок преимущественно фрагментов керамики.

Среди находок по числу на первом месте стоит керамика, которая четко делится на четыре группы: 1) с неорганической примесью; 2) с органической примесью; 3) с комбинированной примесью; 4) сетчатая.

Преобладает керамика с неорганической примесью — 84% общего числа обломков. В качестве примеси в глиняное тесто добавлялась крупная древесина, обжиг сильный, толщина стенок 0,5—0,8 см. Форма краев сосудов разнообразна. Край прямой, утолщенный, скошенный внутрь или наружу, резко загнутый внутрь или отогнутый наружу.

Оттиски штампов разнообразны: гребенчатый с мелкими или крупными зубцами, двузубый, перевитый шнур. Реже встречается своеобразный штамп, оставляющий ямки с перекрестием на дне. Из перечисленных элементов складываются разнообразные композиции, из которых наиболее ти-

¹ Экспедиция ведется Институтом археологии совместно с Калининским краеведческим музеем и Калининским педагогическим институтом под руководством Д. А. Крайнова.

² Отчет о разведках Калининского отряда. Архив ИА.

пичные следующие: а) чередующиеся пояса оттисков гребенчатого штампа и глубоких круглых ямок (рис. 1, 1); гребенчатый штамп иногда заменяется парноямчатыми вдавлениями (рис. 1, 2); б) пояс из круглых ямок парноямчатыми вдавлениями (рис. 1, 2); в) пояс из круглых ямок вдоль венчика, ямки расположены в шахматном порядке и соединены между собой отпечатками гребенчатого штампа или перевитого шнура, образуя ромбы или ломаные линии (рис. 1, 3, 4); г) узор из ромбов или треугольников с заштрихованной (рис. 1, 5, 6) или незаштрихованной поверхностью, образованный ямками, парноямчатыми вдавлениями, отпечатками гребенчатого штампа и перевитого шнура. В верхней части сосудов такой орнамент обычно дополняется горизонтальными и наклонными поясами гребенчатого штампа, ямок или парноямчатых вдавлений (рис. 1, 7).

Керамика с органической примесью составляет 6,1%. В тесто добавлена толченая раковина (5,2%) или растительная труха (0,9%). Толщина стенок сосудов колеблется от 0,5 до 1,2 см. Форма верхнего края близка к керамике с неорганической примесью. Дополнительно можно отметить Г-образную форму венчика.

Основным элементом орнамента являются отпечатки гребенчатого штампа. Значительно реже встречаются ямки и оттиски перевитого шнура. Гребенчатым штампом выполнен вертикальный зигзаг. В месте соединения отпечатков гребенки часто проходит горизонтальная полоса вдавлений (рис. 1, 8). Такой орнамент покрывает большую часть поверхности сосудов. Наряду с вертикальным зигзагом встречаются отпечатки гребенчатого штампа, нанесенные вдоль венчика вертикально или наклонно (рис. 1, 9). Полосы из длинных оттисков гребенки или перевитого шнура образуют незаштрихованные треугольники или ромбы (рис. 1, 10).

Керамика с комбинированной примесью (5,4%) содержит в тесте крупную дрсву и толченую раковину. Она носит гибридный характер. Орнаментация ее представляет собой сочетание композиций первого и второго типов керамики (рис. 1, 11, 12).

Сетчатая керамика (4,5%) встречается в верхней части второго культурного слоя. В тесто добавлялся мелкий песок или шамот. Сосуды имеют выделенную шейку. Поверхность покрыта отпечатками, имитирующими сетку. По шейке часто проходит орнаментальный пояс из оттисков редкой гребенки (рис. 1, 13, 14).

Внутренняя поверхность керамики 2, 3, 4-й групп обычно сглажена гребенчатым штампом, а у сосудов 2 и 3-й групп после сглаживания наносился орнамент из оттисков гребенчатого штампа.

Орудий труда на поселении найдено сравнительно мало. Кремневый инвентарь изготовлен из цветного валунного кремня низкого качества. Больше всего найдено скребков — 32 экз., представленных в основном двумя группами: с округлым рабочим краем из отщепов (рис. 2, 1—3), из ножевидных пластин и их сечений (рис. 2, 4—6).

Наконечников стрел обнаружено 18 экз. Они имеют двустороннюю обработку и линзовидное поперечное сечение. По форме наконечники делятся на листовидные (рис. 2, 7, 8), ромбические (рис. 2, 9), ланцетовидные (рис. 2, 10), треугольные с черешком (рис. 2, 11). В коллекции имеется ромбический наконечник дротика (рис. 2, 12) и листовидные наконечники копий (рис. 2, 13). Ножи трех типов: из широких плоских отщепов (рис. 2, 14), из ножевидных пластин, коленчатые ножи из отщепов с двусторонней обработкой (рис. 2, 15, 16).

Из сланца на поселении делались желобчатые тесла с сегментовидным сечением (рис. 3, 1), небольшие шлифованные тесла с округлым лезвием и прямоугольным поперечным сечением (рис. 3, 2, 3). Есть сланцевый топор, обработанный точечной ретушью. Слегка заглубленное лезвие его зашлифовано, поперечное сечение овальное (рис. 3, 4). Из других изделий следует отметить два сланцевых грузила, имеющих сверленные отверстия для подвешивания (рис. 3, 5).

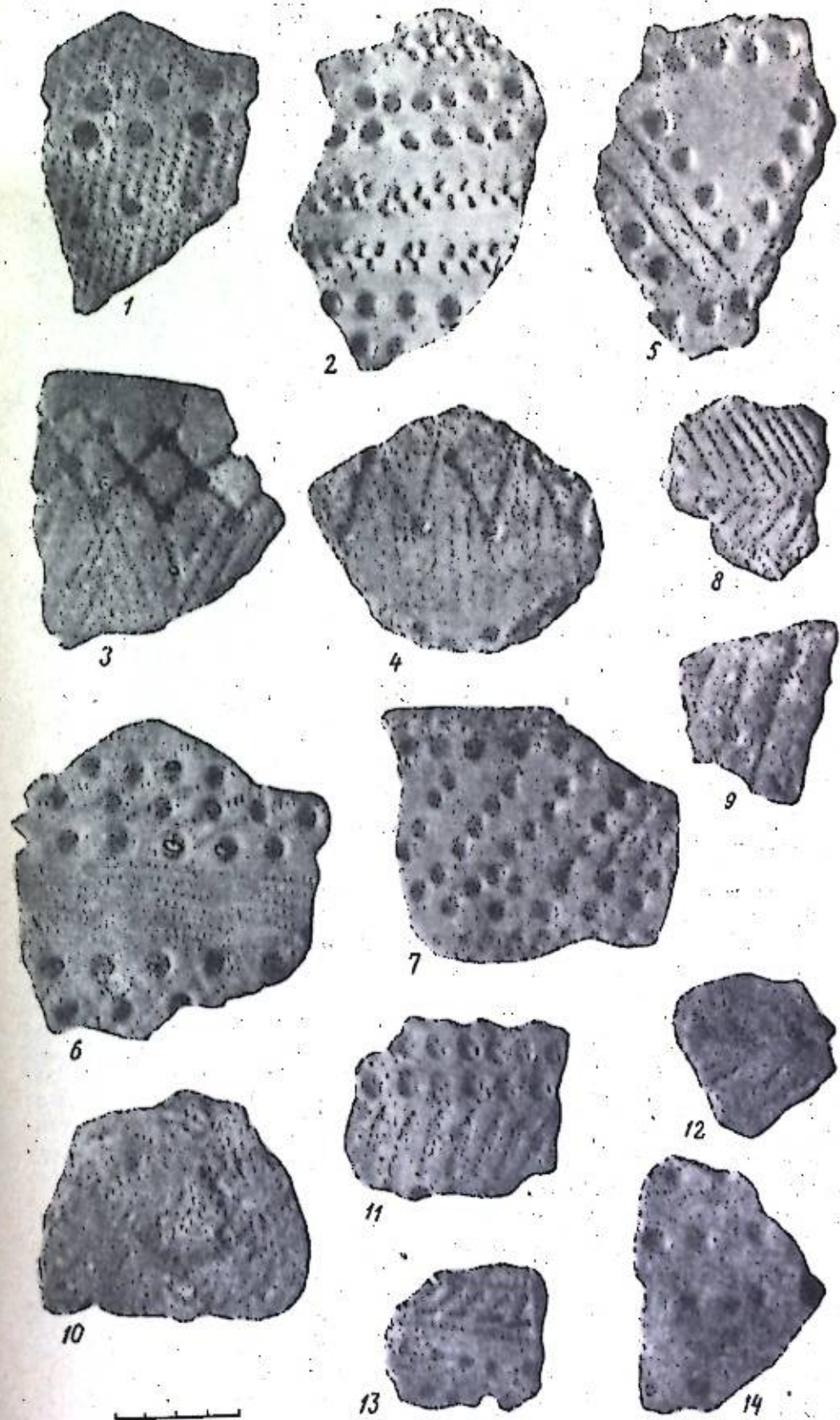

Рис. 1. Поселение Иловец I. Керамика

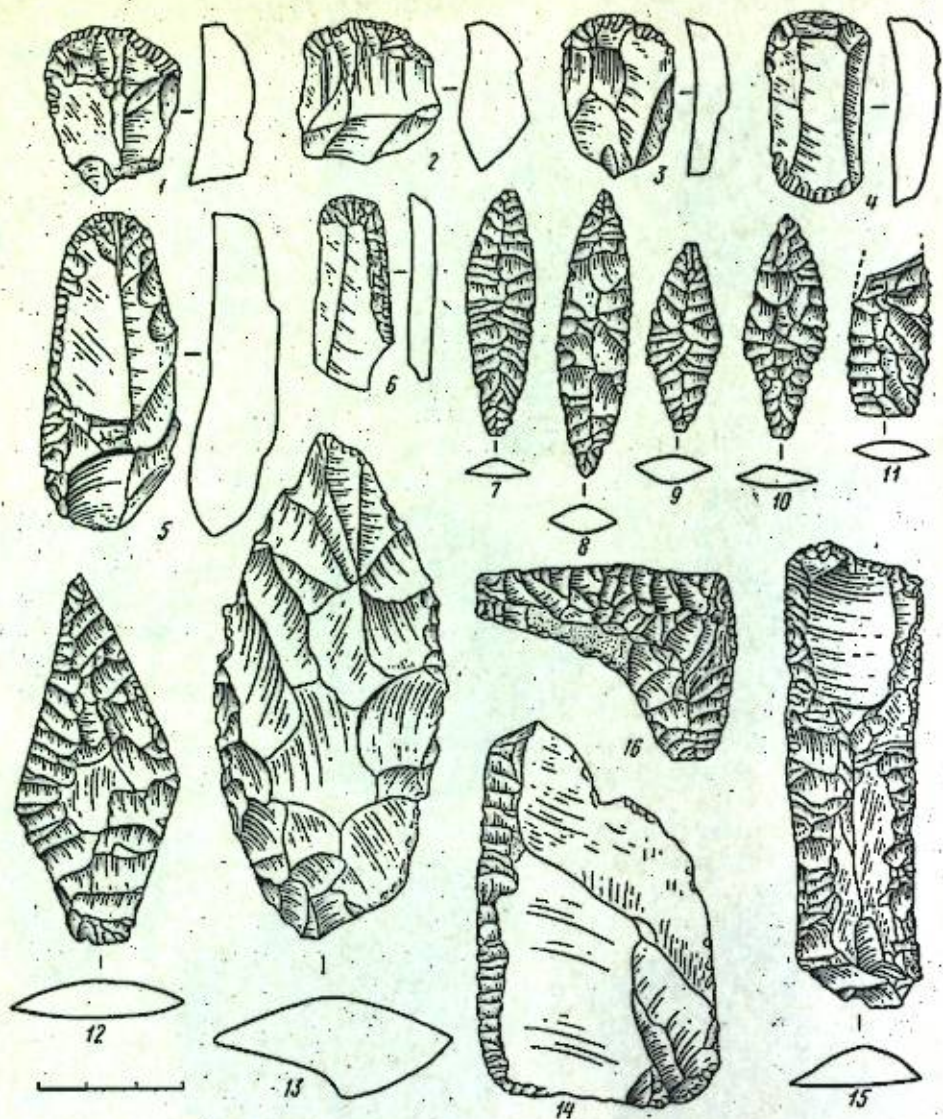

Рис. 2. Поселение Иловец I. Кремневые орудия

В восточной части поселения обнаружено пять погребений. Погребения 1 и 3 ориентированы с северо-северо-востока на юго-юго-запад; 2, 4, 5 — с северо-востока на юго-запад. Могила 1 и 3 имели глубину от уровня материка 0,1—0,15 м и были густо засыпаны охрой. Могила 2, 4, 5 врезаны в материк на глубину 0,3—0,4 м, охра в них прослеживалась лишь отдельными пятнами. Скелеты не сохранились. По пятнам охры, костному тлену и расположению украшений в погребении 1 удалось выяснить, что покойник лежал головой на юго-юго-запад.

Инвентарь найден только в могилах 1, 2, 3. В погребении 1 он состоял из 12 янтарных пуговиц с V-образным сверлением и 3 янтарных трапециевидных подвесок с отверстием для подвешивания в узкой части (рис. 4, 1—3). В погребении 2 найдено 10 янтарных пуговиц с V-образным сверлением, 5 янтарных трапециевидных подвесок (рис. 4, 4—7), 2 кремневых ножа из отщепов и пластинчатый наконечник стрелы с ретушью по перу и насаду (рис. 5, 6—8). В погребении 3 обнаружено 5 янтарных пуговиц с V-образным сверлением, 3 янтарных трапециевидных подвески (рис. 4,

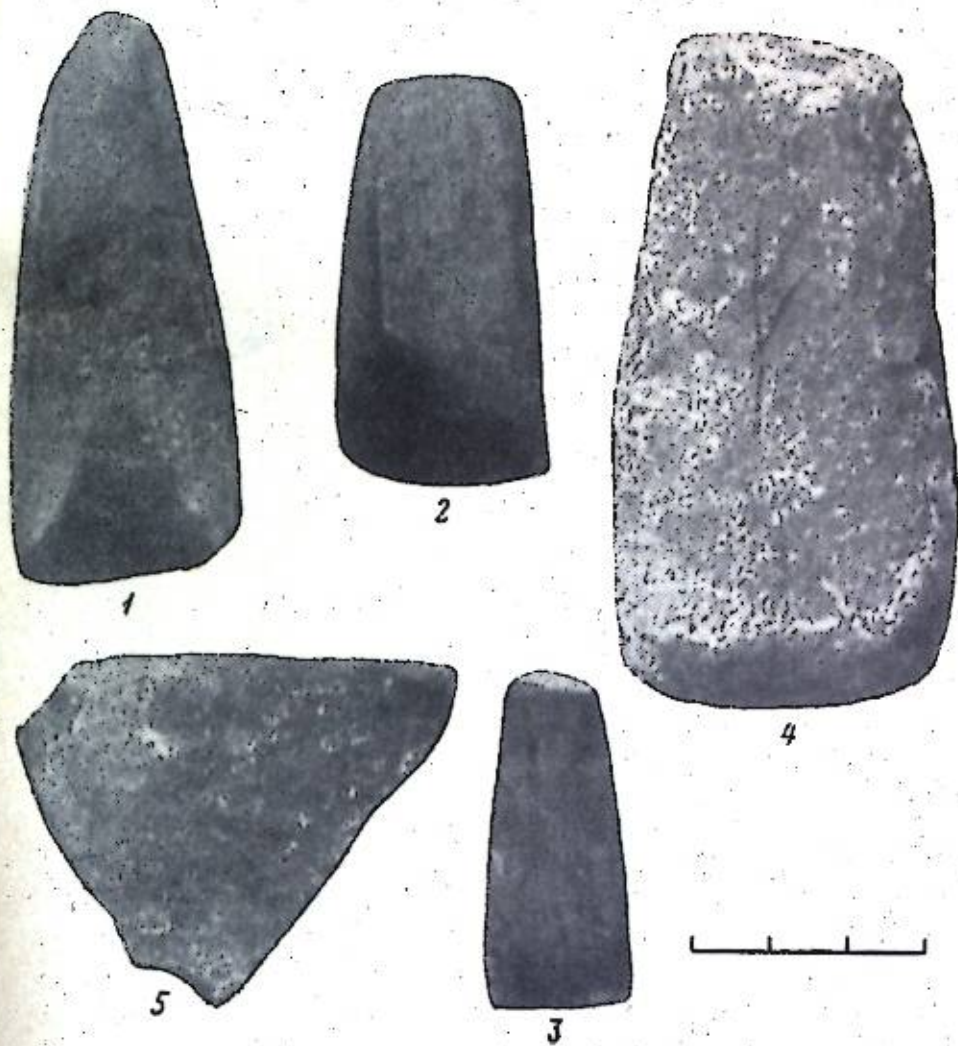

Рис. 3. Поселение Иловец I. Орудия из сланца

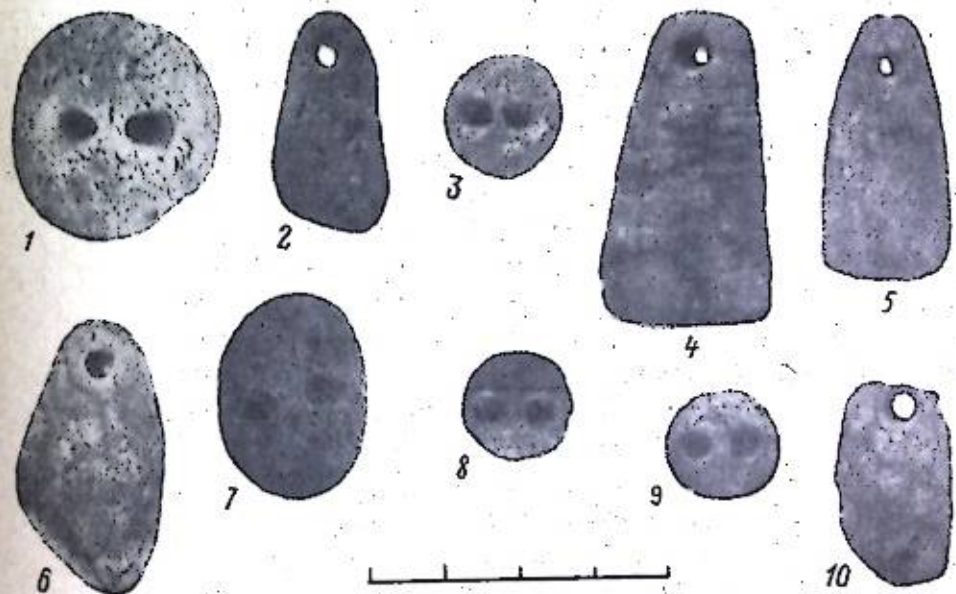

Рис. 4. Могила Иловец I. Изделия из янтаря

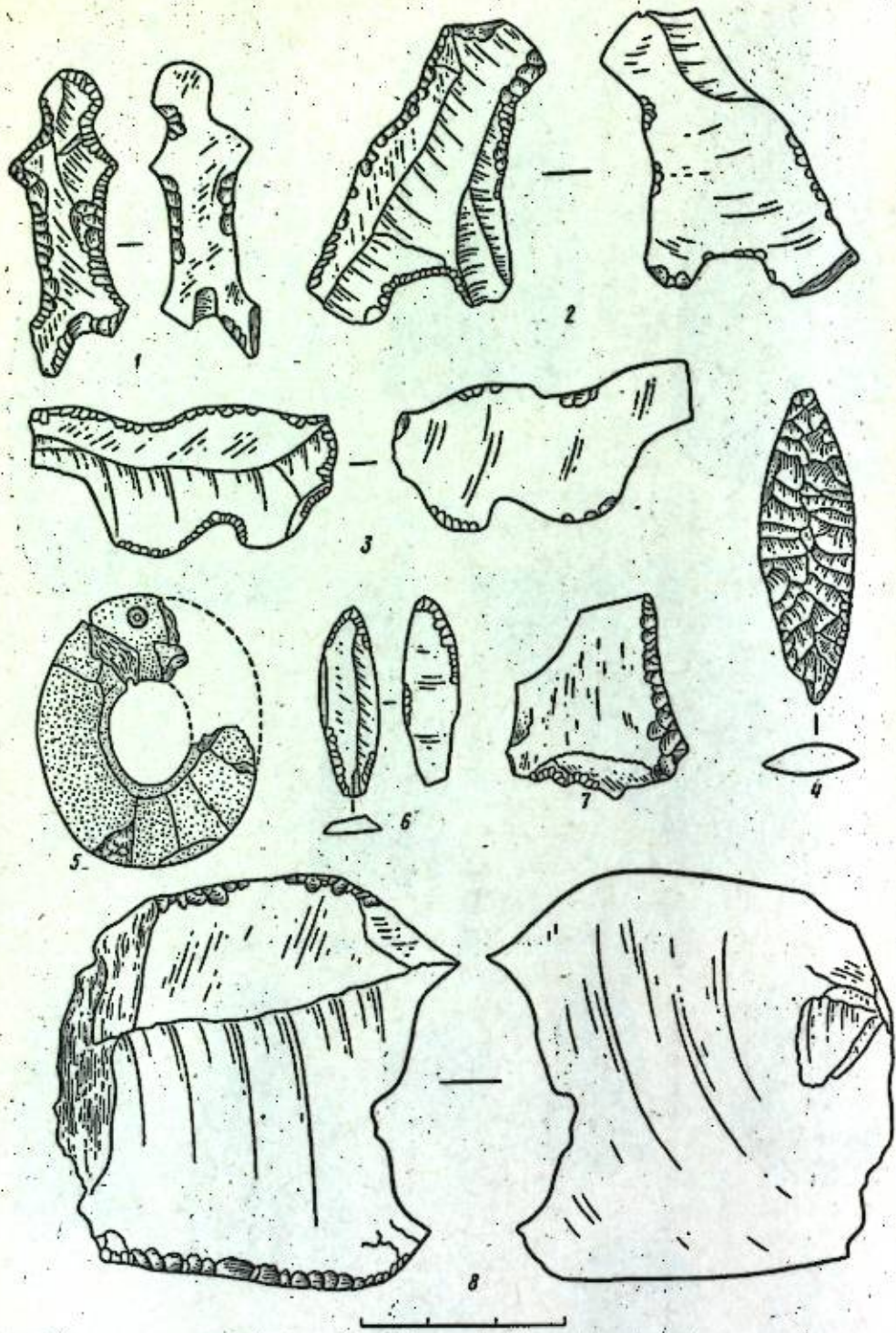

Рис. 5. Могильник Иловец I. Вещи из погребений

8—10), литарное кольцо с отверстием для подвешивания (рис. 5, 5), массивный отщеп, двусторонне ретушированный наконечник, 1 антропоморфная и 2 зооморфных кремневых фигурки (рис. 5, 1—4).

Стратиграфические наблюдения позволили установить, что могильник появился на позднем этапе существования поселения: все могилы были засыпаны культурным слоем поселения. В засыпке встречались обломки керамики 1, 2 и 3 типов. Сетчатой керамики в засыпке нет. Удалось проследить, что больше всего гребенчато-ямочной керамики 1-й группы — в нижней части второго культурного слоя, а керамики 2 и 3-й группы — в верхней. В связи с тем что керамика с органической примесью присутствовала в засыпке погребальных ям, мы относим появление погребений ко времени бытования керамики с органической и комбинированной примесью (2-й и 3-й групп по нашей классификации). Для подтверждения этого предположения имеется несколько фактов.

Гребенчато-ямочная керамика с неорганической примесью обладает своеобразными чертами, которые позволяют выделить ее в особый тип. Они выражаются в композиции орнамента и применении своеобразного штампа, оставляющего парноямчатые вдавления. Подобная керамика встречается на поселениях северо-западных районов Калининской обл. и в прилегающих районах Новгородской обл.³ А. Я. Крижевская выделила ее в особый бологовский тип⁴. Н. Н. Гурина отнесла эту керамику к северному варианту валдайской неолитической культуры и датировала ее II тысячелетием до н. э.⁵ Керамика валдайского типа входит в ареал гребенчато-ямочной керамики Восточной Латвии, Эстонии, Ленинградской и Новгородской областей. О взаимных связях валдайского и прибалтийского типов керамики говорит присутствие «флажкового» орнамента на валдайской и парноямчатых вдавлениях на прибалтийской керамике⁶. Объединяет их также общий принцип построения орнаментальных композиций.

Керамика с органической примесью на Иловец I имеет несомненные черты сходства с керамикой поселений, удаленных порой на многие сотни километров. Близкая керамика была обнаружена на поселениях Найниексте⁷, Пиестиня, Крейчи⁸ в восточной части Латвии, Репище в Новгородской обл.⁹ и на стоянках волосовской культуры¹⁰. Следует отметить, что наша керамика занимает промежуточное положение и обладает чертами как керамики типа Пиестиня, так и керамики с волосовских поселений.

Обращает на себя внимание факт распространения определенного типа янтарных украшений на поселениях, где встречается керамика с органической примесью. На основе находок многочисленных янтарных украшений на поселениях в Лубанской низменности И. А. Лозе выделила три группы

³ Н. К. Рерих. Каменный век на озере Пирос. ЗОРСА, т. VII. СПб., 1905, стр. 160—170; А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, т. V. СПб., 1903; Н. Н. Гурина. Результаты археологического обследования среднего течения р. Мсты. СА, XIII, 1950, стр. 292—295; А. Я. Крижевская. Неолитические стоянки окрестностей села Алексеевского Вышневолоцкого района. СА, XII, 1950, стр. 239—241; она же. Неолитическая стоянка «Прикол» на озере Пирос. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 77—84; М. П. Зимица. Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининской областях. СА, 1968, № 2, стр. 136—158.

⁴ А. Я. Крижевская. Неолитические памятники Валдайского приозерья. Автореф. канд. дисс. Л., 1949, стр. 10.

⁵ Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура. СА, 1958, № 3, стр. 31—45; она же. Неолитическая стоянка Щепочник. КСИИМК, вып. 82, 1961, стр. 150—159.

⁶ Стоянка Пиестиня. Коллекция Института истории АН Латв. ССР.

⁷ Стоянка Найниексте. Коллекция Института истории АН Латв. ССР.

⁸ Ф. А. Загорский. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1967.

⁹ М. П. Зимица. Указ. соч., стр. 155, рис. 14, 1—5.

¹⁰ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. «Труды ГИМ», вып. 22, 1953.

янтарных украшений, связанных с определенными археологическими комплексами¹¹. Для нас наибольший интерес представляет группа украшений, связанная с пористой керамикой типа Пиестиния. Она включает в себя янтарные пуговицы с V-образным сверлением и трапециевидные подвески, которым полностью аналогичны украшения из могильника Иловец I. Такие же изделия найдены на поселениях Модлона¹², Кончанское¹³, Репище¹⁴, Налецкая I¹⁵, Сахтыш I¹⁶. На всех этих поселениях представлена или господствует керамика с органической примесью. Это заставляет предполагать, что экспорт янтара из Прибалтики на восток осуществляется в эпоху распространения здесь керамики с органической примесью. На этой территории полностью отсутствуют янтарные украшения, встречающиеся в Прибалтике с комплексами гребенчато-ямочной и шпуровой керамики. Таким образом, янтарные украшения распространялись в строго определенное время. Керамика типа Пиестиния и связанные с ней янтарные украшения на основании типологического, стратиграфического и радиоуглеродного методов датируется концом III—началом II тысячелетия до н. э.¹⁷ Примерно этим же временем следует датировать и погребения на поселении Иловец I.

Обнаруженный на поселении кремневый инвентарь хронологически расчленить трудно. Можно лишь с уверенностью связывать с керамикой, имеющей органическую примесь, широкие ножи на отщепках и ножевидных пластинах, коленчатые ножи, желобчатые долота и кремневые фигурки, которые находят аналогии на памятниках волосовской культуры¹⁸.

Гребенчато-ямочную керамику с примесью в тесте крупной дресвы по аналогии с близкой ей керамикой Прибалтики можно датировать второй половиной III тысячелетия до н. э. Гребенчато-ямочная керамика в Прибалтике предшествует керамике типа Пиестиния и датируется второй половиной III тысячелетия до н. э.¹⁹

Общие хронологические рамки второго культурного слоя на поселении Иловец I, включая сетчатую керамику, охватывают период со второй половины III—до конца II тысячелетия до н. э.

¹¹ И. А. Лозе. Новый центр обработки янтара в Восточной Латвии. СА, 1969, № 3, стр. 124—134, рис. 3.

¹² А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чароверском районе Вологодской области. МИА, № 20, 1951, стр. 7—76.

¹³ Коллекция хранится в Гос. Эрмитаже.

¹⁴ М. П. Зимица. Указ. соч.

¹⁵ В. В. Сидоров. Отчет о разведках в Подмоскowie за 1969 г. Архив ИА.

¹⁶ Д. А. Крайнов, О. С. Гадзюкая. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 29—39.

¹⁷ И. А. Лозе. Указ. соч.; Ф. А. Загорский. Указ. соч.

¹⁸ И. К. Цветкова. Указ. соч.

¹⁹ Ф. А. Загорский. Указ. соч.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТА ПРИАЗОВЬЯ

В процессе изучения неолита Приазовья экспедицией ЛОИА в 1971 г. производились раскопки поселения Матвеев Курган I, обнаруженного в 1959 г. разведочными работами Таганрогского музея под руководством Н. Д. Праслова¹.

Матвеев Курган I находится в Ростовской обл., на правобережье р. Миус, приблизительно в 1 км к югу от неолитического поселения Матвеев Курган II², на противоположном берегу ее древнего русла. Раскопан участок около 175 м² (примерно 1/8 часть общей площади). Он позволяет уже сейчас составить определенное представление о памятнике. Культурный слой его состоит из бурых суглинков с культурными остатками, более или менее однородных и лишь несколько темнее в верхних горизонтах, близких к современной почве. Вещественный материал по составу находок также однороден по всей толще, но наибольшая насыщенность приходится на горизонты от 0,4 до 0,8 м. Наблюдается также определенная концентрация находок около очагов и других жилищных остатков.

Центральным жилым комплексом раскопанной части памятника является очень большой (около 4 м в диаметре) очаг. Контуры его на разных горизонтах не совпадали, что явилось следствием постепенного изменения местоположения очага по мере использования.

Лишь в основании слоя отчетливо прослеживалось его первоначальное устройство: вертикальные стенки и ровное дно специально вырытого углубления. Вокруг очага в разматанном очажном слое сосредоточивались нуклеусы и большое количество отходов. С северной стороны к нему вел пологий спуск, являвшийся как бы входом. В самом же очаге попеременно с прокаленной землей и золой встречалось много орудий и изделий из камня, а также орудия из кости, среди последних — целая серия миниатюрных острий. В 2—3 м к юго-востоку располагалась специально вырытая большая хозяйственная яма, имевшая, подобно очагу, довольно четкие вертикальные стенки. В центральную часть ее, углубленную несколько больше периферийной, шел узкий длинный лаз, придавая общей форме ямы причудливые очертания арабской цифры 6. Заполнение ее состояло из культурного слоя, сильно насыщенного каменными орудиями, среди которых — серия трапеций, редко встречаемых острий и многочисленные поделки из обожженной глины.

В южной половине раскопанного участка, тяготеющего к пониженной части рельефа, сохранились следы поверхностных очагов в виде аморфных пятен обожженной земли с угольками, около которых сосредоточились скоп-

¹ Н. Д. Праслов. К вопросу о неолите Северо-Восточного Приазовья. «Краеведческие записки Таганрогского музея», вып. 1. Ростов-на-Дону, 1964.

² Л. Я. Крижевская. Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II. КСИА, вып. 131, 1972.

ления костных остатков животных, нуклеусов, прикрытых каменной галькой, и остатки какого-то хозяйственного сооружения в виде вертикально поставленных каменных плиток. Рядом оказалось скопление нуклеусов, оставленных в разных фазах изготовления, в том числе только начатые обработкой кремневые желваки и груды всевозможных отходов. По-видимому, здесь было место домашней мастерской по первичной обработке сырьевого материала. Таким образом, Матвеев Курган I является вторым (первым следует считать Матвеев Курган II) фундаментальным памятником в изучаемом микрорайоне, последовательные раскопки которого раскрывают картину быта его обитателей.

Вещественная коллекция состоит преимущественно из кремневых орудий и изделий, они делятся на две основные группы: 1) пластины и изделия из них, 2) нуклеусы и комплекс вещей, связанных с их производством. Пластины относительно крупные (преобладают размеры: 4—5 см длины, 1—1,7 см ширины, узкие (менее 1 см) немногочисленны. Орудий, сделанных из пластинок и сечений, приблизительно одинаковое количество. Но коротких, квадратных сечений, типичных вкладышей очень немного. У большинства лишь отсечен ударный бугорок, и по размерам они сходны с пластинками. Большая часть орудий типологически является просто пластинками или сечениями, даже не имеющими вторичной обработки (рис. 1, 39). Они выделяются лишь по отчетливо заметным следам изношенности: шероховатости или занозистости лезвия, сильной стертости, а иногда заполировки, мелкой ретуши, напоминающей преднамеренно нанесенную. Обращает внимание очень сильная степень сработанности, проследимая без бинокля, что, впрочем, не исключает необходимости микроанализа, без которого трудно определить точное назначение орудий.

Среди вторично обработанных орудий самыми многочисленными являются пластины с краевой ретушью сторон (рис. 1, 22, 28, 30, 33, 37). Ретушь невысокого качества: неровная (фасетки различных размеров и глубины), прерывистая, зачастую даже не покрывающая всей длины орудия. Двустороннеретушированные пластины редки, сплошное же ретуширование поверхности отсутствует вовсе. Преобладает односторонняя ретушь со спинки. Орудия этого типа являлись, по-видимому, в большинстве случаев ножами (определение, однако, предварительное, требующее уточнения с помощью микроанализа). Типологически выделяется большая группа скреблей с вогнутой рабочей поверхностью или тщательно отретушированной выемкой (рис. 1, 20, 23, 24, 29). Довольно много совсем миниатюрных скреблей, предназначенных, очевидно, для изготовления очень мелких костяных и деревянных инструментов.

Наиболее выразительны и довольно многочисленны трапеции: невысокие, правильных очертаний, хорошо отретушированные с боков (рис. 1, 1, 2, 4, 5). Единичные трапеции своеобразны, как, например, ретушированные с брюшка, при этом с одним вогнутым краем как бы для крепления инструмента с одного конца (рис. 1, 3). Имеются также асимметричные трапеции с односторонней ретушью, есть несколько экземпляров высокой формы (рис. 1, 6, 11, 12). Встречаются, наконец, трапециевидные сечения без вторичной обработки, но с сильной изношенностью лезвия. Значительную группу составляют однотипные резцы, на углу сломанной пластинки, оформленные либо очень коротким—2—3 мм длины—сколом (рис. 1, 10, 13, 14, 21, 34), либо длинным, но столь тонким, что он едва различим простым глазом (рис. 1, 19).

Орудий, сделанных на конце пластины, ничтожно мало. Единичными встречены лишь сверла и острия. Концевые скребки вовсе отсутствуют. Эта специфика матвеевокурганской индустрии нами уже отмечалась в связи с описанием орудий из Матвеева Кургана II. Теперь подтверждается закономерность такого несколько необычного явления. Сверла отличаются тщательностью отделки. Рабочий конец их оформлен двусторонней, как

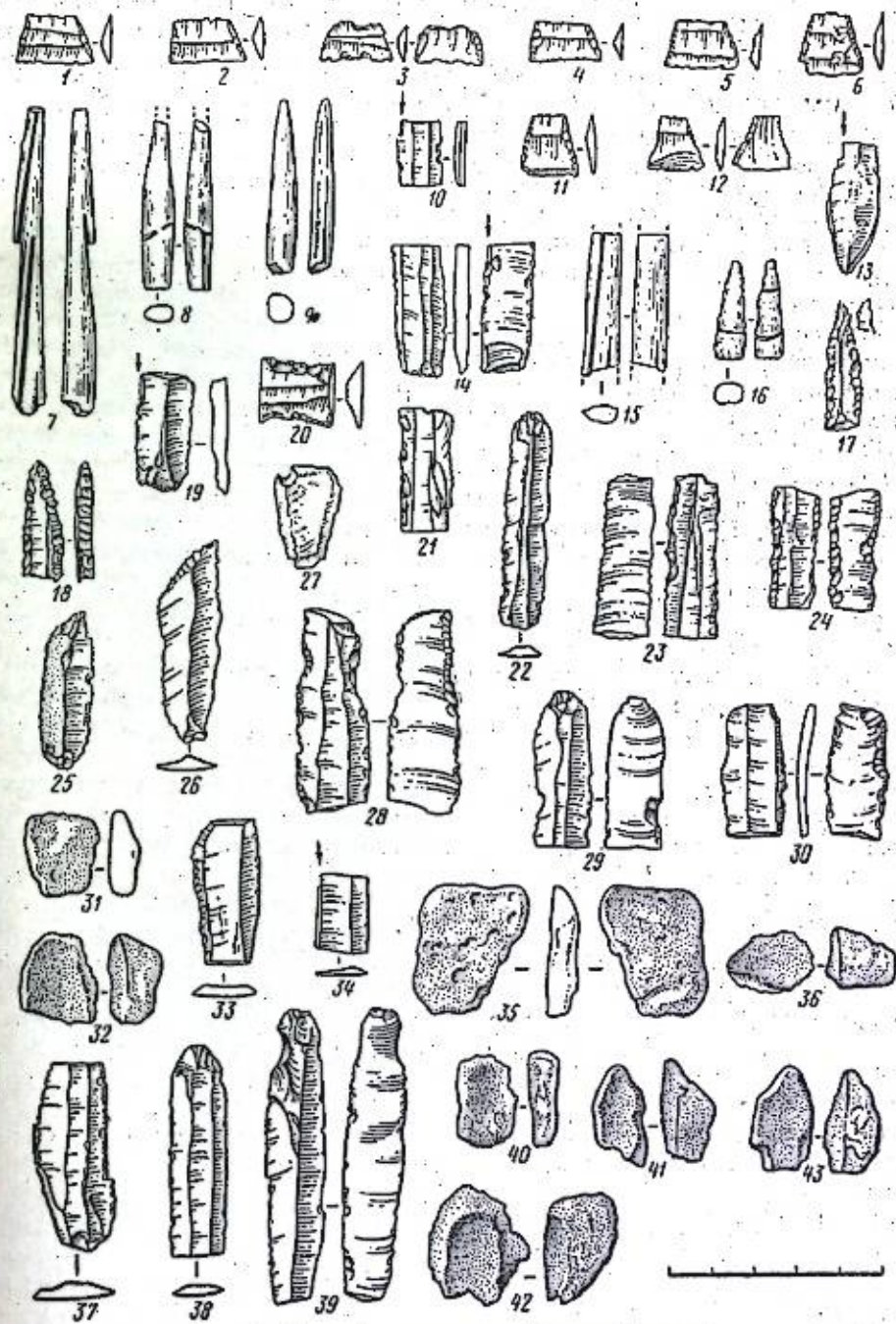

Рис. 1. Находки из поселения Матвеев Курган I

1—6, 10—14, 17—26, 28—30, 33, 34, 37—39 — орудия на пластине; 7—9, 15, 16 — орудия на кости; 27 — сланицевая подвеска; 31, 32, 35, 36, 40—43 — керамика

правило, крутой ретушью, образующей округленное острие, на котором в ряде случаев заметны следы работы (рис. 1, 17, 18). Острия изготовлены односторонней краевой ретушью таким образом, что рабочий конец смещен от центра к углу пластины (рис. 1, 25, 26). Рабочей частью являлся не только самый конец, но и прилегающий к нему необработанный участок пластины. Обработка произведена как приостряющей, так и затупливающей ретушью. Последняя оформляет тыльную сторону для

удобства работы рукой. Эти орудия имеют довольно архаическую форму, восходящую к позднелолитическим остриям типа федермессер³. Известны они и в мезолитических культурах, в частности на Северском Донце⁴, отличаюсь, однако, от типично мезолитических, скошенных, у которых обработке подвергнуто только предварительно оформленное сечение. Судя по притупляющему характеру ретуши, часть этих острий все же функционально сходна со скошенными. Те и другие, на наш взгляд, выполняли функции резов, скорее для мелкой работы по кости.

Большое место в каменном инвентаре занимают изделия, связанные с изготовлением и использованием нуклеусов. Именно с этой целью на поселение приносили сырьевой материал в виде небольших желваков, совершенно не подвергавшихся обработке в местах добычи. Есть экземпляры, с которых отколоты лишь выступающие части — «отростки». Далее можно проследить последовательные ступени изготовления нуклеусов и их максимального использования. Так, имеются изделия с подготовленными противоположными площадками, с которых скалывание пластин не начато (рис. 2, 19). Есть экземпляры со специальной подправкой самого тела нуклеуса, отеской в поперечном направлении по отношению к их длине (рис. 2, 14). Интересно, что среди матвеевокурганских нуклеусов почти совсем не встречены имеющие дополнительную подправку для крепления — прием, широко распространенный как территориально, так и хронологически. Следовательно, крепление могло вообще осуществляться без специальных подготовительных мер.

Собственно нуклеусы составляют значительную серию (около 70 экз.) Размеры и форма их в значительной мере предопределены формой исходного материала (рис. 2, 12, 14, 15, 17, 18). Большинство имеет высоту 6—7 см, небольшая часть — около 4 см. Почти все они с двумя противоположными площадками. Площадки скошены (либо обе, либо одна из двух). Как правило, поверхность ядрища использована на $\frac{2}{3}$. Круговое использование наблюдается редко: обычно хотя бы небольшой участок остается покрытым желвачной коробкой. Предельно использованные экземпляры — плоские, с небольшой сохранившейся частью отбивной площадки или совсем без нее (рис. 2, 15). Негативы пластинок строго параллельного ограничения располагаются, как правило, вдоль всей высоты нуклеуса, без заломов или каких-либо иных дефектов. Как следствие такой высококачественной техники расщепления ядрища следует рассматривать крайнюю ограниченность вторичной обработки орудий. Таким образом, одну из отраслей хозяйственной деятельности населения составляло изготовление орудий труда с самых первых ступеней здесь же, на поселении. Остается не совсем понятным почти полное отсутствие орудий, необходимых для этих процессов. Пока найден только один отбойник из кремневой гальки с сильно сбитой рабочей поверхностью (рис. 2, 20) и один отжимник, в качестве которого использовалось сломанное сланцевое тесло. Поверхность последнего вся испещрена тонкими, мелкими, характерными зазубринками (рис. 2, 16). Возможно, что орудия этой категории вообще специально не изготавливались, а использовались подходящие экземпляры, непригодные по своему первоначальному назначению. Отжимники могли быть костяные, как это известно, например, в неолите Прибайкалья.

Все скребки сделаны из отходов, в основном из первичных отщепов, предварительно не подправленных, поэтому не имеющих строго выработанной формы. Поверхность их в большей или меньшей мере, а иногда сплошь покрыта желвачной коркой. Ретушированию подвергнуто только

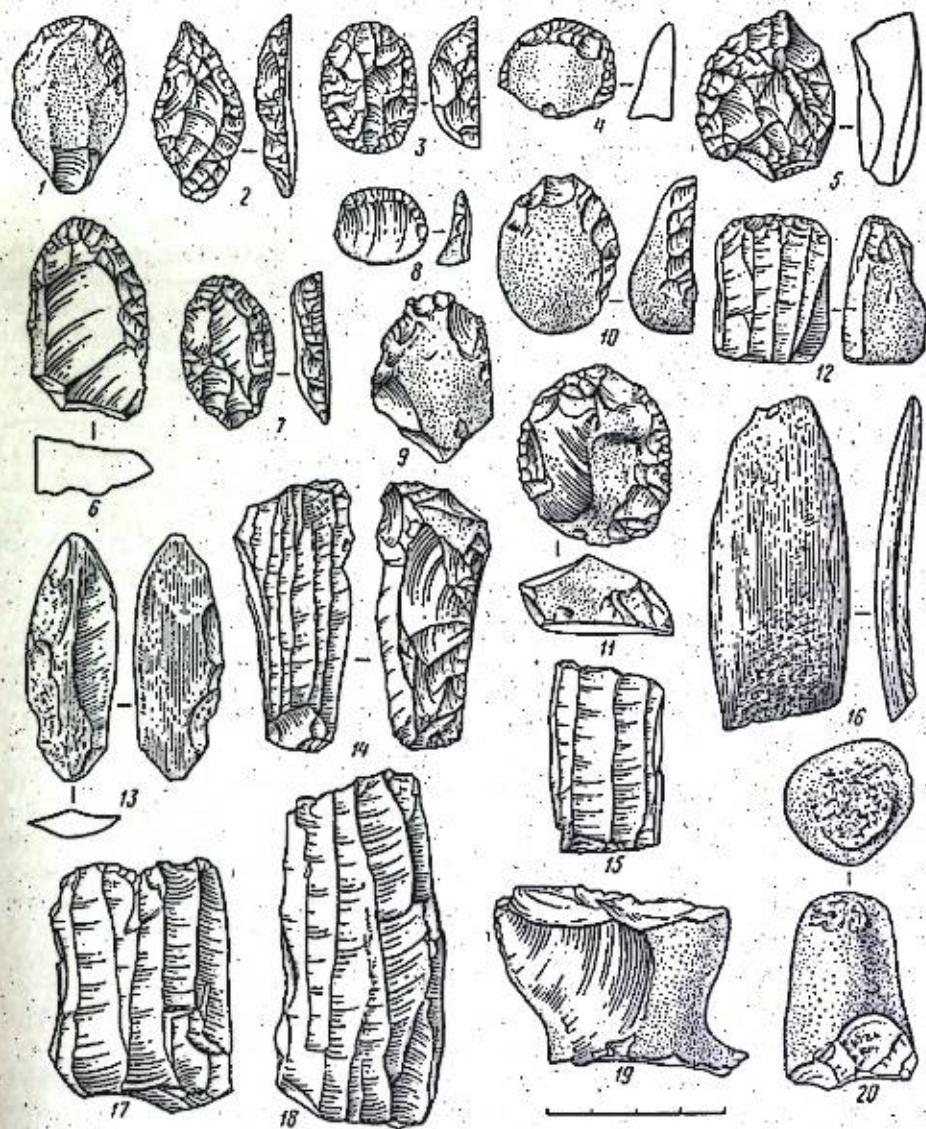

Рис. 2. Находки из поселения Матвеев Курган I

1—11 — скребки; 12, 14, 15, 17—19 — нуклеусы; 13, 16 — орудия из сланца; 20 — отбойник

лезвие, занимающее какой-либо участок окружности (рис. 2, 1—11). Тем не менее имеются скребки различных размеров (всего их около 180 экз.) — от совсем небольших до очень крупных и массивных, с плоским тонким лезвием или крутым и высоким. На этом фоне особенно выделяются единичные прекрасно обработанные орудия с круговой или частичной изящной ретушью (рис. 2, 1—3).

В заключение укажем на довольно распространенную систему двойного (возможно, последовательного) употребления изделия в самом разнообразном сочетании. Таковы, например, скребок с округлым лезвием и сверло (рис. 2, 2), тесло и отжимник, грузило и шлифовальная плита, а также ножевидные пластинки.

Что касается сланцевой индустрии, то она представлена небольшим числом готовых орудий, а в основном — незаконченными изделиями и слегка обработанными плитками. К первым относится уже упомянутое выше тесло, а также небольшой ножичек, поверхность которого лишь загла-

³ Л. Я. Крижевская. Новые данные по мезолиту ГДР и ФРГ. МИА, № 126, 1966, стр. 50, рис. 3 (по Швабедиссену).

⁴ Д. Я. Телегин. Мезолит Левобережной Украины и его место в сложении днепровско-донецкой неолитической культуры. Там же, стр. 100 рис. 1.

жена каким-то абразивом (рис. 2, 13). Присутствует также нешлифованная плитка с просверленным отверстием — заготовка того же не до конца понятого орудия, какие в большом числе встречены в соседнем поселении Матвеев Курган II. Есть и миниатюрное изделие (со сверленным отверстием), являвшееся, возможно, украшением (подвеска?) (рис. 1, 27).

Обширная коллекция каменного инвентаря дополняется изделиями из кости. К сожалению, большинство их найдено в обломках. Большая серия принадлежит остриям, служившим, очевидно, наконечниками стрел и заменявшим полностью отсутствующие каменные. Они более или менее однотипны: небольшие — 3—3,5 см длины, тонкие — диаметр основания 3—4 мм, округлые в поперечном разрезе (рис. 1, 8, 9, 16). У тыльного конца некоторых из них прослеживаются насечки, предназначенные, очевидно, для крепления орудия с древком. Привлекает внимание маленький двузубый или трезубый гарпун (сохранились один целый и один обломанный зубцы). Отчетливо виден способ его изготовления путем последовательного прорезывания желобков вдоль длины орудия в косом направлении. Нижним своим концом желобок всякий раз отделяет от основного тела орудия небольшой шип, образуя таким образом односторонний гарпун (рис. 1, 7). Надо полагать, что большое число обломков изделий с продольным желобком принадлежит гарпунам подобного типа (рис. 1, 15), что свидетельствует о широком применении таких орудий для рыболовства. Едва ли не самым сложным среди всех нерешенных вопросов является вопрос о керамике. Изготавливало ли население матвеевокурганских стоянок гончарную посуду, остается пока неясным. На поселении Матвеев Курган I найдено семь (включая находки Н. Д. Праслова) крошечных (2—2,5 см длины) фрагментов керамики, о которых можно лишь сказать, что они достоверно принадлежат обломкам стенок сосудов. Тесто их имеет примесь раковины или гипса (последний вкраплен в матвеевокурганские суглинки в большом количестве). Обжиг довольно хороший. На одном фрагменте прослеживается неглубокое ямочное вдавление — подобие орнамента. Керамика найдена в слое, на значительной глубине. Обстоятельства этих находок вызывают, однако, некоторое недоумение. Неясно, почему находки керамики столь ограничены, почему встречаются только миниатюрные фрагменты (на поселении Матвеев Курган II картина аналогичная), есть некоторые сомнения в стратиграфическом положении находок, и, наконец, типологически она близка керамике эпохи бронзы. В обоих поселениях имеются непонятные пока многочисленные находки каких-то керамических поделок в виде комочков обожженной глины всевозможных причудливых очертаний, обожженных по сравнению с вышеупомянутыми фрагментами сосудов довольно слабо. Некоторые являются кусочками обмазки (рис. 1, 32, 36, 40—43). Однако есть среди них и изделия, которые по общему облику можно определить как фрагменты сосудов, но очень низкого качества. Особенно интересны в этом отношении обломки двух венчиков, из которых один имеет некоторые признаки преднамеренного изготовления — видна заделка края и следы орнамента в виде вдавлений (рис. 1, 31, 35). Но в целом эти фрагменты выглядят скорее не как специально сделанные, а как расплюснутые и обожженные кусочки глины. Пока еще эта «посуда» встречена единично. Не исключено, однако, что перед нами находки очень примитивно изготовленной керамики. Сравнивая между собой два исследуемые поселения — Матвеев Курган I и II, нетрудно убедиться в их исключительном сходстве, которое прослеживается в общем облике жилых остатков и в характере культурного слоя, в весьма своеобразных чертах каменной индустрии, в одинаковых костяных изделиях, обломках керамики и многих других чертах. Таким образом, мы получаем некоторые обобщающие данные о самобытной неолитической культуре Приазовья. Но единообразие материала не дает оснований для его хронологического членения. Пока представлен один, по-видимому ранний, этап.

III. ХРОНИКА

А. М. ТАРАСОВ

О РАБОТЕ СЕКТОРА ПАЛЕОЛИТА
В 1968—1971 гг.¹

В период 1968—1971 гг. сотрудники Сектора продолжали разработку ряда тем, связанных с изучением происхождения человека, становления и развития человеческого общества — его материальной и духовной культуры, формирования и развития этнических общностей в каменном веке на территории нашей страны. В последние годы все большее внимание в работе Сектора уделяется изучению зарубежного палеолита, что нашло свое отражение в подготовке монографического издания «Палеолит мира», в котором обобщаются сведения по изучению палеолита всех континентов.

Сектор ведет большие полевые исследования, изучает памятники от раннего палеолита до позднего неолита в различных районах нашей страны. Сотрудники Сектора руководят большими стационарными экспедициями и отдельными экспедиционными отрядами.

Многие годы работает Костенковская палеолитическая экспедиция, руководимая А. Н. Рогачевым. В 1968—1970 гг. продолжалось исследование многослойной стоянки Аносовка II (Костенки XI), над которой сооружался специальный павильон-музей. В 1971 г. начался новый этап в работе Костенковской экспедиции. Резко расширились масштабы раскопок, вскрывался на широкой площади верхний слой Костенок I (стоянка Полякова) и Костенок XXI (Гмелинская). В руководстве экспедиции вместе с А. Н. Рогачевым активное участие приняли Н. Д. Праслов и Э. А. Абрамова.

Среднерусский палеолитический отряд под руководством А. М. Тарасова продолжал исследования в Гагарино и вел разведочные работы на разных территориях Русской равнины, в ходе которых был открыт ряд палеолитических местонахождений, в том числе верхнепалеолитическая стоянка Масловка на р. Воронеже и мустьерское поселение Бетово на Верхней Десне.

Одесский палеолитический отряд (начальник П. И. Борисковский) исследовал мезолит Северо-Западного Причерноморья (мезолитические стоянки Казанка, Червоный яр и др.).

Под руководством Н. Д. Праслова Ильский отряд производил раскопки Ильской мустьерской стоянки и разведочные работы на территории Волго-Донского междуречья.

¹ О работе Сектора палеолита см. КСИИМК—КСИА, вып. 71, 78, 88, 92, 111, 117.

З. А. Абрамова во главе палеолитического отряда Красноярской по-востроечной экспедиции (начальник М. П. Грязнов) в 1968 г. проводила раскопки верхнепалеолитических стоянок Новоселово VI и Новоселово VII, а в 1969 г. обследовала побережье Красноярского водохранилища, открыв при этом несколько палеолитических месторождений.

С. Н. Астахов, руководя палеолитическим отрядом Саяно-Тувинской по-востроечной экспедиции (начальник А. Д. Грач), разведывал и исследовал памятники каменного века в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС.

Г. В. Григорьева в составе Молдавской палеолитической экспедиции АН Молдавской ССР (начальник Н. А. Кетрару) вела раскопки верхнепалеолитических стоянок Йоржница, Рашков VII и др.

Верхневолжская неолитическая экспедиция (начальник Н. Н. Гурина) продолжала работы в бассейне оз. Селигер, оз. Пено, оз. Волго, где исследовались стоянки и мастерские Свеклино, Котчище II, Дубовец и проводилась разведка. В районе водораздела Волги и истоков Днепра открыты стоянки Аносово I—III, относящиеся к финалу позднего палеолита или началу мезолита. В 1969 г. Н. Н. Гурина продолжала раскопки шахт по добыче кремня у Красного Села и Карповец (Гродненская обл. Белорусской ССР).

Костромской неолитический отряд под руководством И. В. Гавриловой продолжал многолетние исследования Федоровского поселения. Памятник изучался на широкой площади. Кроме того, велись разведочные работы на территории Костромского Поволжья.

Смоленский неолитический отряд (начальник В. П. Третьяков) проводил работы на Верхнем Днепре, исследовались неолитические стоянки Катынь I—VI, Ладыжицы, Соколово. В 1971 г. под руководством В. П. Третьякова проводил разведку неолитический отряд Волгоградской экспедиции (начальник В. П. Шилов).

Северный неолитический отряд (начальник Р. В. Козырева) в 1968 и 1970 гг. работал на территории Архангельской и Вологодской областей, в районе озер Мошинское и Кубенское. Проводились раскопки неолитических стоянок Ильинский остров, Большой двор и велись разведки.

Степная неолитическая экспедиция под руководством Л. Я. Крижевской изучала неолит Нижнего Дона, раскапывались стоянки Матвеев Курган I и II, проводились разведочные работы на широкой территории, включая и районы Северского Донца, обследовались места добычи кремня.

Верхнедонская по-востроечная экспедиция (начальник В. П. Левенок) в 1968 г. продолжала изучение памятников в зоне затопления строящегося на р. Матyre водохранилища. Здесь раскапывались неолитические стоянки Ярлукова протока, «За огородами», Бивуак, а также памятники более поздних эпох. В 1917 г. В. П. Левенок руководил Деснинским неолитическим отрядом, проводившим разведочные работы.

Кольская экспедиция, возглавляемая Н. Н. Гуриной, почти полностью завершила обследование побережья Кольского полуострова по Белому и Баренцеву морям. Проводились разведочные и стационарные работы в центральной части полуострова (Ловозеро). В итоге открыт целый ряд мезолитических и неолитических стоянок. По некоторым памятникам получены абсолютные даты.

Заполярный отряд (начальник Л. П. Хлобыстин) начал широкие исследования на Таймыре, изучая вопрос первоначального заселения Сибирского Заполярья. Здесь открыто большое число разновременных местонахождений различных эпох.

Экспериментальная экспедиция, руководимая С. А. Семеновым, с участием Г. Ф. Коробковой и В. Е. Щелинского ежегодно в полевых условиях проводила экспериментальные работы, моделируя разнообразные трудовые процессы первобытного человека: изготовление и использование орудий труда из камня, кости и дерева, бытовавших в эпоху палеолита, неолита

и более позднее время. Экспериментальные работы проводились с применением различных методов: хронометрического, динамометрического, тра-сологического, статистического. Экспериментировались и процессы первобытного земледелия — рыхление земли, жатва, размалывание зерна.

Главные итоги работы экспедиций и отрядов в виде краткой информации ежегодно публиковались в сборнике «Археологические открытия».

За последние годы одно из главных мест на заседаниях Сектора занимало обсуждение отдельных разделов монографического издания «Палеолит мира», подготовляемого группой авторов — членов Сектора палеолита З. А. Абрамовой, П. И. Борисовским, Г. П. Григорьевым, И. И. Коробковым (раздел «Палеолит Средней Азии» и часть раздела «Ближний Восток» написаны В. А. Рановым). Широко обсуждались вопросы, связанные со структурой работы. Большое внимание на заседаниях Сектора уделялось обсуждению плановых тем сотрудников, связанных с изучением каменного века на территории нашей страны: рассматривались вопросы хронологии и периодизации, этнокультурной принадлежности, развития взаимных связей, классификации кремневого инвентаря, изучения первобытного искусства, жилищ и поселений, хозяйства и др.

Проводились и расширенные заседания: 12—13 ноября 1968 г. состоялось совместное заседание Сектора палеолита и Отдела антропологии и археологии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, посвященное памяти С. Н. Замятина. С докладами выступали: Е. А. Веккилова «Рукописный архив С. Н. Замятина», Н. Д. Праслов «О стратиграфии Ильской палеолитической стоянки», А. Н. Рогачев «Вопросы социологии палеолита в работах С. Н. Замятина», Э. Е. Фрадкин «Четыре неизданные скульптуры из палеолитической стоянки Костенки I», Л. М. Тарасов «Новые палеолитические скульптуры из Гагаринской стоянки», В. В. Гинзбург и И. И. Гохман «Костные остатки палеолитического человека из Самаркандской стоянки», Т. А. Попова «Уникальная находка кремневой скульптуры в Триполье», В. Р. Кабо «Синкретизм первобытного искусства», П. И. Борисовский «Палеолитическая культура Соан в Пенджабе», Г. П. Григорьев «С. Н. Замятин и П. П. Ефименко».

Сотрудники Сектора палеолита принимали участие в III Всесоюзном совещании по изучению четвертичного периода, состоявшемся в сентябре 1968 г. в Хабаровске. З. А. Абрамова прочитала доклад «Периодизация палеолитических памятников Сибири», С. Н. Астахов «Вопросы хронологии палеолитических памятников Тувы». 12—16 февраля 1968 г. Сектор провел расширенное совещание, посвященное проблемам неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР. В работе совещания приняло участие большое число специалистов по каменному веку из разных городов СССР. На совещании были заслушаны и широко обсуждены доклады Н. Н. Гуриной «Некоторые вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР», Л. Я. Крижевской и П. М. Долуханова «О датировке неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР», В. П. Левенка «К вопросу о неолитических племенах лесостепной зоны европейской части СССР», С. А. Семенова «Классификация и номенклатура каменных орудий по обработке дерева», а также сообщения Ю. Е. Березкина «О классификации глиняной посуды Джейтуна» и Л. П. Хлобыстина «О типологической схеме наконечников стрел».

15—16 мая 1969 г. в Новосибирске на конференции, посвященной этногенезу народов Северной Азии, с докладами выступили: З. А. Абрамова «Два пути развития енисейского палеолита», Н. Н. Гурина «Мезолит и неолит на поселении Бирюса», Л. Я. Крижевская «Раннебронзовое время на Южном Урале и в примыкающих районах западносибирского лесостепья», Л. П. Хлобыстин «О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). В мае 1969 г. на состоявшемся в Томске совещании по вопросу происхождения аборигенов Сибири и их

языков Л. П. Хлобыстин прочитал доклад «Новое о древнем населении Таймыра».

17 ноября 1970 г. состоялось расширенное совместное заседание Сектора палеолита и Плейстоценовой комиссии Всесоюзного географического общества, посвященное 80-летию со дня рождения Г. А. Бонч-Осмоловского. В подготовке этого заседания большую организационную работу проделала Е. А. Векилова. С докладом выступили: Е. А. Векилова «Г. А. Бонч-Осмоловский — исследователь каменного века Крыма», О. Г. Бонч-Осмоловская «Отрывки из воспоминаний», И. И. Гохман «О значении антропологических открытий и работ Г. А. Бонч-Осмоловского», С. Н. Бибииков (Киев) «Плотность населения и размеры охотничьих угодий в палеолите Крыма», И. И. Коробков «К вопросу о типологии орудий зубчатых индустрий», Ю. Г. Колосов (Киев) «Новые открытия мустьерских памятников в Крыму», Е. Н. Студенецкая «Об этнографических работах Г. А. Бонч-Осмоловского». 11 марта 1971 г. на заседании Сектора была заслушана коллективный доклад М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьева, Д. В. Деоник и Н. В. Леоновой, «Описание морфологии пластинок с притупленным краем». Доклад вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой были высказаны различные точки зрения по вопросу классификации кремневого инвентаря и, в частности, микропластинок с притупленным краем.

В октябре 1971 г. на совещании по археологии Нижнего Дона в Ростове Л. Я. Крижевская сделала доклад «Итоги исследования неолита в Приазовье за 1969—1971 гг.». В августе 1968 г. П. И. Борисковский и Н. Д. Праслов принимали участие в полевом семинаре по изучению стратиграфии антропогена и палеолита Печерского Приполярья.

Большое место в работе Сектора занимает обсуждение подготовленных к печати рукописей. Были рассмотрены рукописи статей для сборников «Каменный век на территории СССР», «Палеолит и неолит СССР», т. VI, «Палеолит и неолит СССР», т. VII и статья П. И. Борисковского «Каменный век» — для 3-го издания БСЭ. Обсуждались работы В. П. Третьякова «Из истории волосовских племен», П. И. Борисковского «Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии», И. В. Гавриловой «Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии)», С. А. Семенова «Происхождение земледелия», Н. Н. Гуриной «Кремнедобывающие шахты Белоруссии и их место среди шахт Европы», Л. Я. Крижевской «Эпоха ранней бронзы на Южном Урале», Л. П. Хлобыстина «Поселение Липовая Курья и проблема развития культур эпохи бронзы в Зауралье».

В своей работе Сектор много внимания уделяет обсуждению диссертационных работ, кандидатских и докторских. Была обсуждена докторская диссертация сотрудника Сектора Э. А. Абрамовой «Искусство палеолита Евразии как исторический источник» (по двум книгам — «Палеолитическое искусство на территории СССР», САИ, А4-3, М.—Л., 1962 и «Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии», М.—Л., 1966). Сектор рассмотрел монографию В. Н. Даниленко (Киев) «Неолит Украины», представленную им на соискание ученой степени доктора исторических наук и докторскую диссертацию В. Е. Ларичева (Новосибирск) «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии (формирование основ современных представлений о палеолите Азии: 1871—1960 гг.)».

Обсуждались кандидатские диссертации трех сотрудников Сектора: Г. В. Григорьевой «Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Приазовья», И. В. Гавриловой «Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии)» и В. П. Левенка «Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны европейской части СССР». Все они были успешно защищены (Г. В. Григорьева и И. В. Гаврилова в 1968 г., В. П. Левенко в 1970 г.).

За период 1968—1971 гг. Сектор обсудил целый ряд работ, подготовленных в качестве кандидатских диссертаций: аспиранта Сектора палео-

лита Л. Г. Мацкевого «Мезолит и неолит Керченского полуострова» (научный руководитель П. И. Борисковский), а также прикомандированных — аспирантки АН Белорусской ССР Л. М. Челидзе «Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе» (научный руководитель А. Н. Рогачев), аспиранта АН Узбекской ССР т. Мирсаатова «Изучение Учтутских шахт и определение функций их орудий методом эксперимента» (научный руководитель С. А. Семенов), аспиранта АН Армянской ССР Б. Г. Ерецяна «Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древних памятников Кавказа» (научный руководитель В. П. Любин), аспиранта Карельского филиала АН СССР Ю. В. Титова «Керамика древних поселений Карелии как исторический источник» (научный руководитель Н. Н. Гурина), аспиранта АН Азербайджанской ССР М. М. Мансурова «Древний палеолит Западного Азербайджана» (научный руководитель В. П. Любин).

Кроме того, на заседаниях Сектора обсуждались кандидатские диссертации, присланные сотрудниками разных научных учреждений: Р. Х. Сулейманов (Ташкент) «Грот Оби-Рахмат и опыт математико-статистического изучения обирахматской культуры», М. Г. Ниорадзе (Тбилиси) «Пещера Самерцхле-кдае и верхний палеолит Западной Грузии», С. В. Смирнов (Киев) «Палеолит Надпорожья», Ю. А. Савватеев (Петрозаводск) «Проблема Карельских петроглифов», Н. К. Анисюткин (Гос. Эрмитаж) «Мустье Пруто-Днестровского междуречья», А. А. Куратов (Архангельск) «Древняя история Архангельского Беломорья».

Сектор поддерживал постоянные связи с зарубежными исследователями каменного века. В июне 1968 г. В. П. Любин и Н. Д. Праслов принимали участие в работе Международного симпозиума «Лёсс, перигляциал — палеолит», (ГДР, Чехословакия, Венгрия), основным вопросом которого было расчленение лёссовых разрезов в зоне перигляциала в соответствии с местными стратиграфическими схемами, а также осмотр палеолитических стоянок (Вертешиллеш и ряд других). П. И. Борисковский участвовал в работе 28-го Международного конгресса востоковедов, состоявшегося в январе 1971 г. в Канберре, и выступил на заседании секции с докладом «Новые проблемы палеолита и мезолита Индокитайского полуострова». В 1971 г. на VIII Международном конгрессе доисториков и протодоисториков в Белграде выступили с докладом Н. Н. Гурина «К вопросу о сложении неолитических культур лесной и лесостепной зон европейской части СССР» и С. А. Семенов «Функциология палеолита». В. П. Любин и Н. Д. Праслов были в командировке в Болгарии, где осмотрели ряд палеолитических стоянок, открытых И. П. Шоповым в Радопах, Добрудже, Лудогорье, и дали о них свое научное заключение. С. Н. Астахов изучал палеолит Монголии, работая в палеолитическом отряде Советско-Монгольской археологической экспедиции, возглавляемой А. П. Окладниковым. В научной командировке в Польше находился Н. Д. Праслов: в музеях Варшавы и Кракова ознакомился с палеолитическими коллекциями.

На заседаниях Сектора были поставлены доклады ряда зарубежных ученых. В 1968 г. Л. Р. Нуже (Франция) «Наскальные изображения Западной Европы», в 1969 г. Л. Банес (Чехословакия) «Новые данные по палеолиту Словакии», в 1970 г. С. А. Козловский (Польша) «Некоторые проблемы мезолита Центральной Европы», в 1970 г. И. П. Шопов (Болгария) «Новые раннепалеолитические местонахождения в Болгарии», в 1970 г. И. Штельца (Чехословакия) «Петроархеология в Чехословакии», в 1971 г. А. де Люмлей (Франция) «Новые данные по палеолиту юга Франции».

За период 1968—1971 гг. сотрудниками Сектора палеолита опубликовано большое число статей в разных периодических изданиях, а также и ряд монографий. Вышли из печати книги: С. А. Семенов «Развитие техники в каменном веке», Н. Д. Праслов «Ранний палеолит Северо-Восто-

ного Приазовья и Нижнего Дона (кандидатская диссертация), Г. П. Григорьев «Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens» (кандидатская диссертация), Л. Я. Крижевская «Неолит Южного Урала», Г. Ф. Коробкова «Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии» (кандидатская диссертация), П. И. Борисковский «Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии», а также сборники «Каменный век на территории СССР» и «Палеолит и неолит СССР», т. VI.

Переведены на английский язык книга П. И. Борисковского «Первобытное прошлое Вьетнама» (Vietnam in Primeval Times).

«Soviet Anthropology and Archaeology», v. VII, № 2, 3; v. VIII, № 1, 3, 4; IX, № 2, 3. New York, 1968, 1969, 1970, 1971), а также ряд статей сотрудников Сектора.

Сданы в издательство два сборника — «Этнокультурные общности лесной и лесостепной зон европейской части на территории СССР в эпоху неолита» под редакцией Н. Н. Гуриной, «Палеолит и неолит СССР», т. VII под редакцией Э. А. Абрамовой и Н. Д. Праслова, в которых публикуются статьи большинства сотрудников Сектора палеолита, а также книги: В. П. Третьяков «Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР» и С. А. Семенов «Происхождение земледелия».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСНС	— Сб. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966
АИЧПЕ	— Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
БКИЧП	— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии
ИА	— Институт археологии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана
ИООНАНТ	— Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ИСОАН	— Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск
КВТС	— Сб. «Каменный век на территории СССР»
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КИЧПЕ	— Комиссия по изучению четвертичного периода Европы
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКА	— Материальная культура Азербайджана
МНР	— Монгольская Народная Республика
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТКИЧП	— Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
ЮТАКЭ	— Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
ЦЧО	— Центральная черноземная область
BSPF	— Bulletin de la Société Préhistorique Française

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

Борисковский П. И., Гурина Н. Н. Изучение каменного века, некоторые итоги и проблемы	3
Розачев А. Н. Каменные орудия как исторический источник	14
Абрамова Э. А. К вопросу о культурных связях Азии и Америки в позднем палеолите	22
Кольцов Л. В. Локальные группы волаго-окского мезолита	28
Формозов А. А. О соотношении неолитических и энеолитических культур Кавказа	36
Третьяков В. П. Формирование неолитической каменной индустрии в бассейне р. Катюши на Смоленщине	42

II. Полевые исследования

Векилова Е. А. О зубчатом мустье и зубчатых орудиях мустьерских слоев Ахштырской пещеры	46
Любин В. П., Аутлев П. У., Гричук В. П., Губонина Э. П., Монозон М. М. Мустьерская стоянка в Губском навесе 1 (Прикубанье)	54
Тарасов Л. М. Новые сведения о жилище в Гагарино	63
Григорьева Г. В. Костяные наконечники из позднепалеолитической стоянки Рашков 7	70
Гаврилова И. В. Новые мезолитические находки Федоровского поселения	74
Гурина Н. Н. Некоторые данные новых исследований в Европейском Заполярье	80
Хлобыстин Л. П. Древнейшие памятники Западного Таймыра	89
Матюшин Г. Н. Ранненеолитическая стоянка Карабалыкты 8а (Урта-тюбе) на Урале	96
Дзвлет М. А. Стоянка Тоора-Хем «Вторая поляна» в Северо-Восточной Туве	104
Урбан Ю. Н. Поселение и могильник Иловец	107
Крижевская А. Я. Новые исследования неолита Приазовья	115

III. Хроника

Тарасов Л. М. О работе Сектора палеолита в 1968—1971 гг.	121
Список сокращений	127

Каменный век

КСИА, вып. 137

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Н. Г. Белый. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технически редакторы П. И. Куприянова, Т. С. Жарикова

Сдано в набор 24/V 1973 г. Подписано к печати 13/IX 1973 г.
Формат 70×108^{1/8}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 11,3
Тираж 1500. Т-11787. Тип. зак. № 357. Цена 68 коп.

Издательство «Наука». 103717, Москва, К-62, Подосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, 9 линия, д. 12